

Содержание

Современные процессы

Соколыщик Л. М. Трамизм как правопопулистский феномен: эффекты для внешней политики	3
Ходунов А. С. Особенности евроатлантической интеграции республик бывшей Югославии на фоне трансформации мирового порядка. Часть первая. Сербия	13

История

Ткачев В. В. Город как место развития интереса жителей к созданию центров по сохранению художественного наследия в конце XIX – начале XX в.: на материалах Иркутской губернии	35
Шафигулин Р. И., Рахимова М. И. Каннибализм и отношение к некрофагии у человеческого общества	49

Дискуссия

Губарев О. Л. Слепота невнимания неоантинорманизма	79
Романчук А. А. Ответ О. Л. Губареву и некоторые другие вопросы варяго-русской дискуссии	95

Наследие

Бондаренко В. М. Н. Д. Кондратьев: его наследие и роль его взглядов в анализе современных экономических проблем и тенденций	134
<i>Contents and Abstracts</i>	147
<i>Наши авторы</i>	151

К сведению авторов

Ведущие темы публикаций журнала «История и современность»: история цивилизаций и народов; теоретические проблемы истории; основные проблемы современности; связь общества и природы. В журнале также публикуются библиографические обзоры и рецензии, информация о событиях научной жизни.

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1,5 п. л. (или 48 тыс. знаков включая пробелы) вместе со сносками и библиографией, для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на диске, по электронной почте или через специальную форму на сайте www.socionauki.ru). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть внесены в текст в виде интегрированных в файл формата Word рисунков. То же касается таблиц, схем, графиков, рисунков и др. иллюстраций, которые также должны быть даны отдельно в расширении *.jpg, пронумерованы и озаглавлены. Графики и рисунки могут быть напечатаны в журнале только в черно-белом варианте;

ссылка на библиографические источники в тексте оформляется следующим образом: (фамилия год: страница), например: (Ляхов 1984: 71; Рыбаков 1963: 32, 183), (Шабундо 1998; 2000; 2003: 118); при ссылке на более чем один источник следует придерживаться либо алфавитного, либо хронологического порядка;

список использованной литературы дается в конце статьи; все **источники** следует снабдить библиографическими ссылками, оформленными по следующему образцу:

Туроу, Л. К. 1999. *Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Воронов, А. М. 1992. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным. *Водные ресурсы* 4: 97–105.

Шнишков, Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации. В: Королев, И. С. (ред.), *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. М.: Экономистъ. С. 25–47.

Кузищин, В. И. (ред.) 2012. *История Древнего Востока*. М.: Высшая школа.

Крюков, М. В. 1988. Древний Китай. В: Кузищин 1988: 350–394.

Оформление ссылок на **интернет-ресурсы** см. на странице нашего журнала на сайтах: www.uchitel-izd.ru; www.socionauki.ru

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. Статьи, имеющие признаки сгенерированных (написанные с помощью нейросети), к публикации в журнале не допускаются.

К рукописи прилагаются: резюме статьи на русском и английском языках (1000–1800 знаков), ключевые слова (8–10), авторская справка: Ф. И. О. (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность; а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Адрес редакции журнала «История и современность»:

109202, Москва, ул. Басовская, д. 16.

Контактные телефоны: (8442) 42-17-71 (доб. 129), 42-04-08.

E-mail: jurnal-uch@mail.ru, leonid.grinin@mail.ru

Адрес издательства «Учитель»:

400079, Волгоград, ул. Кирова, 143.

Контактный телефон: (8442) 42-17-71.

Сайт: <http://www.socionauki.ru>

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Л. М. СОКОЛЬЩИК

ТРАМПИЗМ КАК ПРАВОПОПУЛИСТСКИЙ ФЕНОМЕН: ЭФФЕКТЫ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ*

На основе метода идеологической морфологии М. Фридена и с использованием авторских теоретико-методологических разработок в статье проводится анализ феномена «трампизм» как современной версии правого популизма в США в ракурсе эффектов для внешней политики. Определено, что концептуальную основу идеологии Д. Трампа и его последователей составляет антитеза «благородного американского народа» и «коррумпированной вашингтонской элиты», которая дополняется концептом «единой воли народа». Идейное содержание трампизма также составляют антиэлитизм, антидемократизм, антиплюрализм. Выявлено, что изоляционизм относится к ключевым внешнеполитическим принципам трампизма, из которого проистекают антиглобализм, протекционизм в торговле, снижение роли международных институтов, укрепление государственного суверенитета, усиление оборонного потенциала, отказ от силового продвижения демократии в мире. При реализации повестки трампизма во внешней политике важным фактором является persona президента, который может действовать интуитивно. В этом плане можно констатировать, что после выборов 2024 г. внешняя политика США и международные отношения вступают в еще более непредсказуемый и опасный период. Работа носит обобщающий харак-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535, <https://rscf.ru/project/23-18-00535>).

Для цитирования: Соколыщик, Л. М. 2024. Трампизм как правопопулистский феномен: эффекты для внешней политики. *История и современность* 4: 3–12. DOI: 10.30884/iis/2024.04.01.

For citation: Sokolshchik, L. M. 2024. Trumpism as a Right-Wing Populist Phenomenon: Implications for Foreign Policy. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 3–12 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.01.

История и современность, № 4, декабрь 2024 3–12

DOI: 10.30884/iis/2024.04.01

тер и создает задел для дальнейших исследований правого популизма в США на новом эмпирическом материале.

Ключевые слова: Дональд Трамп, трампизм, внешняя политика, США, идеология, правый популизм.

Введение

Возвращение в Белый дом республиканца Д. Трампа после победы на выборах президента в 2024 г. ознаменовало новую веху в развитии идеологии и практики правого популизма в США. Несмотря на стремление оппонентов представить его как случайную политическую флуктуацию, исследования показывают, что популизм имеет глубокие корни в истории страны. Идея народного правления и власти каждого гражданина заложена в конституционном фундаменте Соединенных Штатов. Однако по причине невозможности непосредственного участия всех людей в управлении эта идея реализуется через систему представительства, которая иногда сталкивается с проблемой адекватного отражения и артикуляции потребностей граждан.

Исторические истоки популизма в США можно найти в социальных движениях последней четверти XIX в., в частности, первые проявления популизма связывают с деятельностью организаций «Нэйшнл грэндж» и «Альянс фермеров», которые оказывали помощь фермерам в период экономической депрессии 1870-х гг. В последующие 20 лет выразительницей популистских идей стала Народная партия, боровшаяся за ограничение власти капитала, отмену золотого стандарта, введение восьмичасового рабочего дня, национализацию железных дорог и прогрессивное налогообложение (Frohn et al. 2006: 666).

В XX в. громко заявили о себе как лево-, так и правопопулистские движения. Бурные 1960-е гг. породили феномен «новых левых», получивших поддержку среди молодежи и части университетской интеллигенции. Их целью была борьба против милитаризма, империализма и буржуазной элиты. Серьезное влияние на мировоззрение поколения шестидесятников в США оказали деятели Франкфуртской школы и в особенности философ Г. Маркузе. В это время широкое распространение получили не только антивоенные призывы, но и вполне популистский лозунг «Власть – народу!» (Ibid.: 667).

Один из серьезных подъемов правого популизма в США соотносится с работой общественной организации «Моральное боль-

шинство» и приходится на конец 1970-х – начало 1980-х гг. Созданная в канун президентских выборов 1980 г. организация должна была мобилизовать консервативный электорат для поддержки кандидатуры Р. Рейгана. Организация «Моральное большинство» апеллировала к чувствам массового избирателя, утверждая, что либералы через правительственные органы, СМИ и искусство пытаются изменить традиционную американскую культуру.

Взлет правого популизма в современных условиях во многом связан с реакцией на прогрессистскую политику либералов, последствия глобализации, ускорение технологического развития, рост иммиграции, кризисные явления в социальной и экономической сферах. Примечательно, что притязания современной версии правого популизма бросают вызов их оппонентам не только из либерального, но и из консервативного лагеря, поскольку направлены на деконструкцию либерального мирового порядка и политического *status quo*.

При рассуждениях о различных «измах», в том числе популизме и трампизме, неизбежно встает вопрос содержательного наполнения того или иного термина. Что именно под ними понимается? Где пролегает граница, отделяющая одну политическую идеологию от другой? Какими они обладают особенностями и эффектами для политики? В зависимости от выбранной теории обозначенные вопросы решаются по-разному. Одним из подходов, дающих достаточную аналитическую опору, является идеологический (или идеационный), поскольку он позволяет соотнести понятия «консерватизм», «популизм», «трампизм» и провести типологический анализ рассматриваемых идейно-политических явлений на различных уровнях и в динамике развития. Отметим также метод «идеологической морфологии» М. Фридена, согласно которому все идеологии можно подразделить на несамостоятельные «с разреженным центром» (*thin-centred ideology*) и «основные» (*host ideology*). Возможности первых недостаточны для интерпретации социально-политической реальности, поэтому они заимствуют концепты у «основных» идеологий (Freeden 2013).

В то же время различаются эффекты «популизма в оппозиции», когда популистские силы осуществляют активную атаку на политику мейнстрима и существующую институциональную архитектуру в позиции оппонента власти, и «популизма у власти», когда популистские силы через демократические процедуры получают властные полномочия и стремятся осуществить свою программу на

практике в условиях институциональных и системных ограничений. Цель настоящей работы заключается в выявлении и анализе концептуальной базы современной версии идеологии правого популизма в США в форме трампизма и исследовании его эффектов у власти для внешней политики страны.

Концептуальные основания трампизма

Популизм относится к идеологиям с «разряженным центром», в свою очередь консерватизм – к «основным», поэтому правопопулистские идеологии склонны заимствовать концепты у своего «старшего брата». Несмотря на то что популизм – фрагментированная идеология, просматривается его некоторое концептуальное ядро, заключающееся в том, что он разделяет общество на две однородные и антагонистические группы – «благородный народ» и «коррупцированная элита» – и исходит из того, что политика должна быть выражением абстрактной «воли народа» (Соколыч 2021). В свою очередь трампизм можно определить как современный вариант правого популизма в США, основанного на антитезе «благородного американского народа» и «коррупцированной вашингтонской элиты», а также концепте «единой воли народа».

Безусловно, прослеживается генетическая связь трампизма с американским консерватизмом, которая выразилась в абсолютизации идеи изменения либерально-демократической системы ради спасения западной цивилизации. При этом в отличие от американского консерватизма трампизм направлен на кардинальное изменение существующей общественно-политической, социокультурной, экономической, международной ситуации. Пожалуй, главное отличие трампистов от консерваторов состоит в том, что последние ведут идейную оборону существующего порядка, а первые осуществляют активное нападение на демократическую систему и либеральный мировой порядок с целью деконструкции. Правда, это нападение зачастую оформлено в миф, некую волю народа и аморфное собрание идейных конструктов. В этом контексте трампизм как правопопулистский конструкт воспринял некоторые элементы консерватизма в социально-экономической части и элементы правого радикализма в плане возможных методов осуществления и глубины преобразований.

Важным идейным столпом кардинального пересмотра трампизмом устоявшихся общественных норм является своеобразная трактовка американской идентичности. Она интерпретируется в боль-

шей степени не как система универсальных ценностей, а как этнонациональная принадлежность с присущими ей культурными и историческими характеристиками. От этого посыла проистекает идея о том, что невозможно стать истинным американцем благодаря восприятию ценностной системы общества.

В стремлении всеми возможными способами защитить размывающуюся идентичность кроется одна из причин яркого неприятия трампистами иммиграции. Дискриминационные выпады трампизма в сторону всех «других» проявляются в раздаче ярлыка «враги народа», возложении ответственности за негативные явления на приезжих, элиту и представителей иных культур. В этом плане очевидны антидемократический и антиплюралистский потенциал правопопулистской риторики, которая представляет угрозу для различных меньшинств. Получается, что все те, кто не вписывается в представление трампизма о «благородном американском народе», не имеют права на реализацию своих политических требований.

Подобный взгляд на идентичность вступает в явное противоречие с принципами, лежащими в основе Соединенных Штатов. Фактором, цементирующим американское общество, являются именно ценности, общие для всех и всеми одобряемые. Базовые идеалы, к которым относятся равенство всех людей, права на жизнь и свободу, стремление каждого человека к счастью, закреплены в ключевых документах – Декларации независимости и Конституции США. Продвигая новое понимание идентичности и специфическое представление о народе, трампизм подрывает идейные основы существования американского общества.

Трудно переоценить влияние трампизма на политическую сферу. Широкое использование негативно окрашенной лексики в адрес оппонентов и бескомпромиссный, нередко сниженный стиль ведения дискуссии усилили общественно-политическую поляризацию. В то же время опасность для демократии представляет и ориентация трампизма на харизматичного лидера, склонного принимать авторитарные решения. В этом контексте можно говорить о том, что трампизм, постулируя праворадикальные идеи как норму, способствовал проникновению их в повседневную политическую практику.

Инкорпорация крайне правых установок в обыденный дискурс, их активное использование в политической борьбе сказываются на ситуации в противоположном стане, где также нарастает радикали-

зация взглядов и увеличивается число сторонников левых популистов. Дальнейшее укрепление флангов политического поля США и одновременное ослабление центристских сил, сопровождаемое окончательным распадом либерально-консервативного консенсуса, несут существенную угрозу стабильности демократической системы и являются вызовом для всего американского общества. Однако следует признать, что благоприятные условия для взлета популизма в США были созданы активно культивируемой в предшествующие периоды политикой идентичности, которая сформировала внутри социума «демаркационные линии», усиливающие общественно-политическую поляризацию в стране.

Эффекты трампизма для внешней политики

Намерение трампизма защитить американскую идентичность на международном уровне получило своеобразное выражение в изоляционизме и укреплении суверенитета США. Примечательно, что лозунг Д. Трампа «Америка прежде всего» перекликается с озвученными идеями, а внешнеполитический раздел его популистской повестки включает наращивание военного потенциала, усиление контроля на границе (в том числе с Мексикой), защиту внутреннего рынка и национальных производителей.

Еще в период президентской предвыборной кампании в 2016 г. Д. Трамп заявлял о том, что Соединенным Штатам следует выйти из наднациональных организаций и договоров, которые, с его точки зрения, не отвечают национальным интересам. В ходе первого президентского срока, несмотря на активное сопротивление со стороны Демократической партии и некоторых фракций республиканцев, он попытался претворить свою программу в жизнь. США вышли из переговоров по созданию Транстихоокеанского партнерства в 2017 г. (White House 2017b), пересмотрели Североамериканское соглашение о зоне свободной торговли НАФТА и заключили новое соглашение USMCA в 2018 г. (*Idem* 2018), покинули ЮНЕСКО в 2018 г. (Nauert 2017), аннулировали свое участие в Парижском соглашении по климату в 2020 г. (Romero 2019), приняли курс на более прагматичные отношения в рамках НАТО (Joint... 2017) и Трансатлантического взаимодействия. Изоляционизм проявился также в слабой заинтересованности США в системе ограничения вооружений и стратегической стабильности, что может быть опасно в условиях нарастания неопределенности на международной арене. Во многом данные трансформации были обусловлены, с од-

ной стороны, ослаблением американского лидерства в мире, а с другой – возвышением новых азиатских центров силы.

В экономической плоскости проблемы переноса производств в третьи страны и стимулирования роста экономики трампизмом стали решаться через отказ от глобализма и принципа свободной торговли в пользу экономического протекционизма. На этот аспект делался особенный акцент в период избирательной кампании республиканца в 2024 г. В предшествующий президентский срок Д. Трампа защита американских производителей и их позиций на глобальном рынке реализовывалась посредством торговых войн США с Китаем, Европейским союзом и отчасти Индией, а также усиления санкционного давления на основных экономических конкурентов в ряде отраслей. Таким образом, произошла ревизия доминировавшей на протяжении более чем полувека внешнеэкономической парадигмы, согласно которой Соединенные Штаты выступали за нивелирование барьеров в международной торговле.

Еще одним ключевым концептом трампизма стал антиэлитизм, который оказался направлен против тех, кто является проводниками либеральной глобализации и политики «открытых дверей» для иммигрантов. В этом контексте международные институты интерпретируются в качестве инструментов нивелирования «истинных» национальных ценностей, идентичности и прав «народа».

Выступая против либерального мирового порядка, правый популизм предлагает альтернативное видение национальной, региональной и глобальной политической структуры с точки зрения приоритизации национальных интересов США. Он настроен на пересмотр либерального международного порядка, в первую очередь парадигмы свободной торговли, доминировавшей в США на протяжении более чем полувека. Взамен делается упор на протекционизм, реализуемый через таможенную политику, развязывание глобальных торговых войн.

В области коллективной безопасности предлагается создать альтернативные механизмы, снизить роль США и увеличить участие союзников. Кроме того, трампизм исповедует скептическое отношение к последствиям изменения климата. Критика международных институтов выливается в стремление сократить значение НАТО и ООН или даже выйти из этих организаций. Намерение «восстановить» государственный суверенитет проявляется в планах по усилению обороноспособности и безопасности страны. Вместо распространения принципов демократии силовыми методами и сме-

ны авторитарных режимов по всему миру США, согласно идейным установкам Д. Трампа, должны явить миру «пример процветания, свободы, закона и порядка» (White House 2017a).

Специфической чертой при реализации Д. Трампом внешней политики являются взаимодействие с лояльными группами советников, набранных не из традиционных внешнеполитических элит, склонность доверять скорее личным отношениям с другими мировыми лидерами, чем формализованным способам двустороннего общения, персонализация и централизация внешней политики. Популизм сказывается на формировании международной повестки, которая сужается и становится крайне зависимой от мнения популистского лидера и влияния его окружения.

Заключение

Результаты выборов в 2024 г. во многом свидетельствуют о том, что феномен Д. Трампа оказался не случайной флуктуацией истории, о чем говорили многие наблюдатели во время его первого срока, а симптомом глубинного общественно-политического кризиса в США и международной системы. Либеральная общественность и некоторые эксперты, критикуя Трампа, делали акцент на том, что его идеология и шаги в политике нехарактерны для США, что это некое отклонение от политической нормы, однако истоки правого популизма обнаруживаются на более ранних этапах истории страны. Можно констатировать, что трампизм как идеология и политическая практика доказал свою жизнеспособность и даже эффективность за счет своей идейной и политической гибкости. В данном аспекте результаты исследования во многом перекликаются с выводами Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева о политике Д. Трампа как об объективной реакции на изменения в мировой системе и ослабление позиции США в контексте перехода к новому мировому порядку (Grinin, Korotayev 2021).

В целом трампизм можно охарактеризовать как правопопулистскую идеологию, включающую компоненты консерватизма и правого радикализма. Однако в отличие от консерватизма, направленного на сохранение *status quo* и реформы для улучшения существующей системы, основная идея трампизма – в радикальном пересмотре ситуации во внутренней и внешней политике США, в том числе либерального мирового порядка. Концептуальным ядром трампизма выступает антитеза «благородного американского народа» и «коррумпированной вашингтонской элиты», которая до-

полняется концептом «единой воли народа». Среди ключевых концептов трампизма выделяются также антиэлитизм, антидемократизм, антиплюрализм во внутренней политике. Нельзя не отметить и его склонность к авторитарному стилю в политике и харизматическому типу лидерства.

Эффекты трампизма для внешней политики США во многом связаны с его специфическим идейным наполнением и реакцией на него со стороны политических оппонентов. К основополагающему принципу внешней политики трампизма следует отнести изоляционизм, из которого проистекают антиглобализм, протекционизм в торговле, снижение роли международных организаций и институтов, укрепление государственного суверенитета, усиление оборонного потенциала, отказ от силового продвижения демократии в мире. По логике Д. Трампа, международные соглашения и организации – это путы, которые ограничивают США в реализации их внешней политики, создают неоправданное обременение в виде союзнических обязательств и в конечном счете угрожают национальным интересам, безопасности и суверенитету страны. Кроме того, важным фактором внешней политики становится личность президента, который может действовать интуитивно, руководствуясь собственными представлениями, не советуясь с администрацией и кадровыми дипломатами, опираясь на персональные отношения с лидерами других государств.

В этом плане внешняя политика США и международные отношения вступают в более непредсказуемый и опасный период. Более того, в средне- и долгосрочной перспективе нарастающая политическая поляризация и внутриполитические кризисные явления в США могут способствовать переносу внутренних противоречий на внешний контур, повышая конфликтность и неопределенность в мире.

Литература

Соколыцик, Л. М. 2021. Американский консерватизм и вызов популизма: теоретический и идеологический аспекты. *Полис. Политические исследования* 1: 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.06.

Freeden, M. 2013. The Morphological Analysis of Ideology. In Freedен, M., Stears, M. (eds.), *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199585977.013.0034.

Frohn, B., Beer, J., Nelson, J. O. 2006. *American Conservatism: An Encyclopedia*. Wilmington, DE: ISI Books.

Grinin, L., Korotayev, A. 2021. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures* 1: 23–54. DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.

Joint Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the President of the United States, Donald Trump. 2017. *North Atlantic Treaty Organization* April 12. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_143135.htm.

Nauert, H. 2017. *The United States Withdraws From UNESCO – US Department of State Press Release*. United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO). URL: <https://www.un.org/unispal/document/the-united-states-withdraws-from-unesco-us-department-of-state-press-release/>.

Pompeo, M. R. 2019. On the U.S. Withdrawal from the Paris Agreement. *U.S. Department of State* November 4. URL: <https://2017-2021.state.gov/on-the-u-s-withdrawal-from-the-paris-agreement/>.

White House

2017a. National Security Strategy of the United States of America. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

2017b. Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement. January 23. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific-partnership-negotiations-agreement/>.

2018. Remarks by President Trump on the United States-Mexico-Canada Agreement. October 1. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-united-states-mexico-canada-agreement/>.

А. С. ХОДУНОВ

**ОСОБЕННОСТИ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИК
БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ НА ФОНЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Часть первая. Сербия*

В первой части статьи рассматриваются особенности европейской интеграции Сербии как крупнейшего государства бывшей Югославии на фоне глобальных изменений мирового порядка. Были проанализированы как сам процесс присоединения к Евросоюзу, который в случае Сербии еще не завершился и сопровождается многочисленными условиями со стороны Запада, так и особенности социально-экономического и политического развития страны на этапе европейской интеграции. В сербской экономике имеются определенные позитивные эффекты от присоединения к ЕС, однако все более значительная часть граждан Сербии разочаровывается из-за очень долгого процесса вступления при отсутствии серьезного улучшения уровня жизни. Процессы трансформации мирового порядка резко ускорились начиная с 2022 г. в форме обострения геополитической борьбы между Россией и Западом. В этой связи усилилась роль незападных интеграционных блоков и объединений в мире и резко выросла их популярность среди граждан Сербии. В настоящее время за вступление страны в БРИКС выступают значительно больше граждан Сербии, чем за Евросоюз. Власти Сербии, осознавая такие

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизирующих процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Ходунов, А. С. 2024. Особенности евроатлантической интеграции республик бывшей Югославии на фоне трансформации мирового порядка. Часть первая. Сербия. *История и современность* 4: 13–34. DOI: 10.30884/iis/2024.04.02.

For citation: Khodunov, A. S. 2024. Peculiarities of Euro-Atlantic Integration of the Republics of Former Yugoslavia against the Background of the Transformation of the World Order. Part one. Serbia. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 13–34 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.02.

История и современность, № 4, декабрь 2024 13–34

DOI: 10.30884/iis/2024.04.02

настроения в обществе, формально сохраняют традиционный курс на евроинтеграцию, однако фактически по многим вопросам стараются лавировать между Россией и Западом, при этом отказываясь выполнять те требования США и ЕС, которые неприемлемы для сербского общества.

Ключевые слова: *Сербия, Европейский союз, БРИКС, НАТО, экономика, инфраструктура, трансформация мирового порядка, суверенитет.*

Введение

В настоящее время в условиях быстрого ослабления старого миропорядка и формирования нового некоторые регионы мира оказались подвержены существенному риску дестабилизации, и в них начали возникать или обостряться вооруженные конфликты (Гринин 2023а). Балканы, в особенности страны бывшей Югославии, отличаются чрезвычайной этнической и религиозной пестротой и к тому же расположены в геополитически очень важном регионе Европы, на стыке Восточной Европы и Ближнего Востока, поэтому регион издревле привлекал различных завоевателей, часто настраивавших одни народы против других, и всегда интересовал сверхдержавы. Из-за этих факторов Балканы традиционно были весьма нестабильным регионом, где очень часто происходили кровопролитные конфликты с десятками, а иногда даже сотнями тысяч жертв среди мирного населения, питательной средой для которых были серьезные, тянущиеся столетиями проблемы в межнациональных и межрелигиозных отношениях (см.: Романенко 2005; Ходунов 2017).

Страны политического Запада зачастую играли заметную роль в возникновении новых и обострении старых конфликтов на Балканах, хотя в отдельных случаях их роль могла быть позитивной – как, например, военная, гуманитарная и дипломатическая помощь обесиленной Сербии, столкнувшейся с несопоставимо более сильным противником (Австро-Венгрия и Германия), в лице Франции в Первой мировой войне. В частности, активную помощь сербским беженцам, больным и раненым оказывали французские гуманитарные организации, поощряемые известными интеллектуалами-сербофилами и частично поддерживаемые государством, а тысячи сербских школьников и студентов, эвакуированные во Францию во время войны, получили возможность продолжить там свое обучение. В результате в сербском сознании возникло чувство благодарности к Франции (Kolaković 2015: 138–141), хотя оно значительно ослабло после участия Франции в бомбардировках Сербии в 1999 г. в составе НАТО.

1990-е гг. – последний к настоящему времени эпизод длительных кровопролитных конфликтов на Балканах – не стали исключением. В них наблюдалось деструктивное влияние политического Запада вплоть до прямой вооруженной агрессии против Сербии в 1999 г., в результате которой страна потеряла контроль над автономным краем Косово. Также Запад, особенно в лице США и Великобритании, уже начиная с 1991 г. косвенно вмешивался в дела распадавшейся Югославии, покрывая массовые преступления тех сторон конфликта, которые ему были в то время выгодны, и мешая жертвам конфликта обороняться (Blaskovich 1997). Однако среди значительной части жителей бывшей Югославии существовала надежда, что, какой бы ни была политика крупнейших западных держав, если их страны вступят в западные политические организации, то при всех возможных издержках и ограничении суверенитета у населения региона все же появится возможность резко улучшить свое материальное положение, свободно путешествовать и учиться во всех странах Европы, экономика быстро восстановится после войн и даже приблизится по уровню развития к западноевропейской, в политической жизни утвердятся демократия и равноправие всех граждан, а межнациональные конфликты уйдут в прошлое. После окончания войн и смены руководства в таких ключевых странах, как Сербия и Хорватия, на более прозападное, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. новые власти поставили себе целью войти в Евросоюз и НАТО по примеру других государств Восточной Европы, таких как, например, Польша, Чехия и Венгрия.

Однако на практике успехи стран бывшей Югославии в социально-экономическом развитии при евроинтеграции оказались гораздо меньше, чем у стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), по разным причинам, в том числе и потому, что у большинства стран бывшей Югославии не было сильных покровителей внутри ЕС, которые могли бы их интенсивно подтягивать к своему уровню и на которые, в свою очередь, сами они стремились бы равняться (какими были Германия и Австрия для Центрально-Восточной Европы). Также страны ЦВЕ вначале укрепляли региональное сотрудничество между собой, а уже потом входили в Евросоюз, а страны бывшей Югославии, наоборот, начали путь в ЕС после разъединения и взаимного отдаления, пройдя к тому же через кровопролитные войны (см.: Энтина 2016: 104–113).

Процесс вхождения в ЕС и НАТО проходил в странах бывшей Югославии по-разному и с разной скоростью. Результаты евроат-

лантической интеграции для них оказались смешанными; наблюдаются как позитивные, так и негативные последствия. В некоторых странах процесс вхождения в эти организации сопровождался существенным ослаблением национально ориентированных сил и усилением леволиберальных тенденций, что весьма негативно отразилось на внутривнутриполитическом развитии этих государств. Евроатлантическая интеграция до самого последнего времени проходила в условиях доминирования в мире политического Запада во главе с США, и поэтому она казалась большинству жителей стран бывшей Югославии безальтернативным процессом. Впрочем, власти Сербии уже с середины 2000-х гг., осознав крайнюю непопулярность НАТО в обществе, не ставили целью вхождение в эту организацию и придерживались позиции военного нейтралитета, однако вступление в Европейский союз остается главной внешнеполитической целью всех сменявших друг друга правительств страны до настоящего времени.

После начала специальной военной операции РФ на Украине в 2022 г. процессы трансформации миропорядка резко усилились: фактически началась реконфигурация Мир-Системы (см.: Гринин 2023б). На Балканах, которые всегда были очень чуткими к европейским вооруженным конфликтам, сразу же возникла глубокая поляризация между Сербией и Республикой Сербской (РС), власти которых или открыто поддерживали Россию (РС), или заняли нейтральную позицию (Сербия), и всеми остальными странами и территориями, которые в целом поддерживали позицию Запада (Растегаев 2023).

В первой части статьи будут рассмотрены процессы присоединения к Евросоюзу Сербии как крупнейшей по территории и населению страны бывшей Югославии, где все время находился ее политический центр.

Отказ от интеграции в НАТО при трудном и длительном пути в Евросоюз

Сербия начала свой путь в Евросоюз после «бульдозерной революции» 5 октября 2000 г., когда к власти пришло новое прозападное правительство, свергнувшее президента Слободана Милошевича, выступавшего, по крайней мере в последние годы своего правления, за последовательную борьбу с Западом в регионе. При его правлении Сербия в 1999 г. подверглась мощным бомбардировкам НАТО и лишилась контроля над автономным краем Косово. Но-

вый откровенно прозападный премьер-министр Сербии, выходец из Демократической партии Зоран Джинджич (2001–2003 гг.), трагически погибший в марте 2003 г., выступил не только за скорейшее присоединение Сербии к Евросоюзу, но и за полноправное членство страны в НАТО, при этом осуждая бомбардировки 1999 г. (Još... 2022). Однако более умеренный политик из той же партии Борис Тадич, занимавший должность президента в 2004–2012 гг., формально заявлял об отсутствии у Сербии цели присоединиться к НАТО и делал акцент на скорейшее присоединение к Евросоюзу. Этот процесс получил институциональные рамки в июне 2003 г. на Салоникском форуме ЕС и пяти западнобалканских государств, когда была принята Салоникская повестка для Западных Балкан в качестве главного документа по вопросу их евроинтеграции. Сербия в марте 2004 г. создала правительственную Канцелярию по присоединению к Евросоюзу, а в мае 2005 г. была принята Национальная стратегия по присоединению к ЕС. С июля 2002 г. по январь 2005 г. было проведено около 10 встреч представителей Еврокомиссии с правительством Сербии, в ходе которых были обозначены области, где страна должна была провести реформы. В 2008 г. Сербия заключила соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС, одновременно подписав нефтегазовое соглашение с Россией, что власть представила как стремление развивать сотрудничество одновременно и с Западом, и с РФ. Однако в целом процесс приближения к Евросоюзу был сложным и непоследовательным, в том числе из-за нестабильной внутриполитической жизни, часто сменяющихся правительств и несогласия внутри самих проевропейских партий по некоторым важным вопросам евроинтеграции. Так, в 2004–2008 гг. евроинтеграцию тормозила Демократическая партия Сербии во главе с премьером Воиславом Коштуницей, блокировавшая в 2006 г. реформу судебных и силовых структур. В 2008 г., после признания Западом независимости Косово, эта партия вообще отказалась от курса на вступление в ЕС (Волкова 2009).

Европейский союз, помимо требования экономических и институциональных реформ, также ставил бывшим югославским республикам политическое условие в виде сотрудничества с Международным трибуналом по бывшей Югославии в Гааге и выдаче обвиняемых в военных преступлениях, что старалось выполнить правительство Б. Тадича, активно выдавая Трибуналу подозреваемых, включая широко известного генерала Ратко Младича (Reakcije... 2011). В конце его правления, в марте 2012 г., Сербия получила

статус кандидата на вступление в ЕС. Экономика страны после бурного роста (в среднем 5,4 % в год за 2001–2008 гг.), с 2009 г. оказалась в тяжелом кризисе, что сопровождалось всплеском безработицы. Частично это было результатом мирового финансово-экономического кризиса, но во многом и последствием серьезных ошибок: внешний долг, огромный импорт, ориентацию на потребительские проблемы в экономической модели развития страны, включая очень быстрое, опережающее развитие сектора услуг при слабом внимании к развитию реального сектора, особенно промышленности (Mićić 2011).

После прихода к власти в 2012 г. оппозиционной Сербской прогрессивной партии (СПП) под руководством А. Вучича, который с 2014 г. занимал пост премьер-министра, а с 2017 г. является президентом Сербии, страна формально осталась привержена целям евроинтеграции. При нем в 2014 г. начались переговоры о вступлении страны в Евросоюз. Хотя СПП провозгласила себя защитницей народа и подлинной демократии от «узурпаторов» из Демократической партии и обещала народу прогресс во всех сферах жизни, однако фактически темпы присоединения к Евросоюзу замедлились, а институциональные и экономические реформы затормозились: так, не было предпринято серьезных шагов по борьбе с коррупцией, остающейся огромной проблемой для граждан Сербии. Некоторые сербские ученые видят в этом частичную вину самого руководства Европейского союза, которое в своем стремлении поддерживать политическую стабильность в регионе любой ценой сделало ставку на автократию (например, приветствовало избрание и дальнейшее упрочение власти СПП и А. Вучича), не будучи заинтересованным в реальном демократическом прогрессе в Сербии и Балканском регионе. Евросоюз ожидает от сербских властей прежде всего продолжения курса на постепенную нормализацию отношений с Косово, что, по мнению Брюсселя, позволит избежать кровавых конфликтов в регионе. Присоединение к Евросоюзу, таким образом, все более лишается своей сути в виде реального улучшения благосостояния, верховенства закона и демократизации, и все больше превращается в формально-технический процесс, что подрывает к нему доверие многих граждан Сербии, обвиняющих Брюссель в лицемерии и безразличии к реальным внутриполитическим процессам в их стране (Radeljić, Đorđević 2020: 597–604). Однако в том, что касается экономического роста, Сербия при правлении А. Вучича резко вырвалась вперед. Начиная с 2018 г. эконо-

мический рост страны в 2,5 раза превышал средний показатель Евросоюза. Даже несмотря на пандемию, с 2018 по 2023 г. экономика Сербии выросла на 26,5 %, а экономика Евросоюза – только на 10,2 %. В 2024 г. рост ВВП должен составить 3,8 %. Одновременно стране удастся сдерживать инфляцию – до 4,3 % в июле 2024 г. Средняя зарплата в Сербии достигла в 2023 г. 54 % от уровня ЕС по сравнению с 45 % в 2020 г. Ключевым фактором экономического бума стало строительство, а также развитие транспорта и рост государственных инвестиций – до 7 % ВВП (Serbia... 2024).

Политический режим в стране в значительной степени стал приобретать авторитарные черты. Так, появились существенные ограничения в работе СМИ. По данным организации «Репортеры без границ», Сербия в 2024 г. оказалась на 98-м месте в мире по свободе СМИ из 180 стран, опередив из балканских стран лишь Албанию (99-е место), и перешла из категории «проблематичная ситуация со СМИ» в категорию «свобода СМИ в тяжелой ситуации», что проявляется, в частности, в росте случаев угроз журналистам. Также эта организация оценила новость, что обвиняемые в убийстве оппозиционного журналиста Славко Чурувии в 1999 г. были недавно освобождены, как весьма тревожную (Medijske... 2024). Некоторые сербские политологи и социологи также говорят об усилении авторитарных тенденций в стране. По их мнению, сложившийся в Сербии политический режим можно назвать нелиберальной демократией: в стране проходят очень частые, но не совсем честные выборы (например, во время избирательных кампаний представители власти получают гораздо больше места в СМИ, чем оппозиция, а число граждан в списке избирателей на 14 %, или почти на 900 тыс. человек, превышает общее число граждан старше 18 лет, что вызывает вопросы о возможном использовании «мертвых душ» при голосовании), а правящая партия господствует над демократическими институтами. С их точки зрения, политика президента А. Вучича обладает чертами популизма, когда президент предстает как спаситель страны, который старается лично решить все основные проблемы (Plić, Pudar Draško 2022: 1–6).

Политическое развитие послереволюционной Сербии подтверждает вывод о том, что «цветные революции», в которых значительную роль сыграли США, не могут обеспечить переход к устойчивой и стабильно функционирующей демократии (о «цветных революциях» и их последствиях см., например: Goldstone *et al.* 2022; Khodunov 2022). Фактически можно даже говорить о реставрации

свергнутого режима С. Милошевича в очень значительной степени: А. Вучич, а также другие ключевые фигуры в Сербии, в частности министр внутренних дел И. Дачич, занимали во время правления Милошевича важные посты в правительстве и в правящей Социалистической партии Сербии.

В самое последнее время А. Вучич делает все более скептические заявления насчет возможности вступления Сербии в Европейский союз в ближайшей перспективе. Так, в августе 2024 г. он заявил, будто не верит, что Сербия может войти в ЕС до 2030 г., хотя сам он продолжает поддерживать вступление в эту организацию (Vučić... 2024). Также президент Сербии все активнее критикует политический Запад. В ходе выступления на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2024 г. Вучич обрушился на Запад с критикой за двойные стандарты, приведя в пример Украину и Косово, и заявил, что международное право было серьезно нарушено в 1999 г. при нападении НАТО на Сербию, когда крупнейшие западные государства, пользуясь своим господством в мире после победы над коммунистическим блоком, решили, что могут делать все, что хотят, и «могли издеваться над небольшой страной, нарушая все нормы и законы», а затем поддержали отделение Косово. Лидер Сербии также заявил, что однополярный мир с доминированием Запада привел к развалу СССР и Югославии, в разрушении которых важную роль сыграли некоторые западные страны (Вучић... 2024). Государственное телевидение, газеты и журналы под контролем власти также делают евроскептические заявления, а определенные позитивные результаты приближения к Евросоюзу в них часто замалчиваются. В то же время сам Евросоюз не выработал ясный план, когда и при каких условиях Сербия может стать его членом, что приводит к росту разочарования, равнодушия и чувству унижения среди граждан Сербии, которые в значительной части отворачиваются от ЕС (Petronijević Terzić 2022).

Сербское общественное мнение: Евросоюз или БРИКС?

Рассмотренные выше процессы привели к резкому падению популярности Евросоюза в сербском общественном мнении. Еще в 2009 г. 73 % опрошенных поддерживали вступление в ЕС (в том году Евросоюз отменил визы для граждан Сербии), а против высказалось всего 12 %. После этого уровень поддержки стал сокращаться, с каждым годом все быстрее. Только за 2014 г. число сторонников вступления в ЕС упало с 51 % до 44 %, а число противников

выросло с 22 % до 25 %. В том же году среди тех, кто голосовал против, 30 % были уверены, что уровень жизни после вступления в эту организацию ухудшится, 11 % проголосовали против из-за внутреннего кризиса в самом Евросоюзе, а еще 11 % – из-за давления и несправедливости ЕС по отношению к Сербии. 36 % от всех опрошенных заявили, что больше всего осложняет вступление Сербии в ЕС применяемая им политика давления и все новых условий, 14 % – некомпетентность сербского руководства, 13 % – неготовность самих граждан Сербии к переменам, и 8 % – неисполнение Сербией взятых на себя обязательств. Только 32 % опрошенных граждан ожидают, что они лично почувствуют пользу от вступления Сербии в ЕС, а 37 % – что это принесет пользу стране. При этом, что касается жизненного уровня и государственных институтов, большинство сербов ориентируется на европейские страны, не входящие в ЕС: 30 % граждан хотели бы, чтобы внутренняя жизнь Сербии была устроена так же, как в Швейцарии, 18 % – как в России, 18 % – как в Германии (член ЕС), 15 % – как в Норвегии (Истраживање... 2014). Снижение заинтересованности во вступлении в Европейский союз продолжилось и в дальнейшем.

Гораздо более популярной международной организацией в стране постепенно стала БРИКС. Согласно опросу, проведенному в июле 2023 г., если бы Сербии нужно было выбрать между БРИКС и Евросоюзом, 46,9 % опрошенных граждан поддержало бы вступление в БРИКС, только 35 % – в Евросоюз, а 12,1 % против вхождения в какую-либо из этих организаций. 61,4 % опрошенных при этом считают, что доллар перестанет быть ведущей мировой валютой в 2030 г., и лишь 25,9 % полагают, что он останется таковой. Хотя в экономической сфере большинство сербов видит в качестве ключевого партнера Евросоюз (69,9 %), в то время как Китай – 18,6 %, а Россию – только 11 %, но главным политическим партнером почти половина (48,3 %) опрошенных граждан Сербии считает Россию, Евросоюз – 29,4 %, а Китай – 17,5 % (Organizacija... 2023). По статистике, в 2023 г. товарооборот Сербии со странами БРИКС составил 9,7 млрд долларов (из них с Китаем – 6,1 млрд долларов), а со странами ЕС – 42,2 млрд долларов (60,8 % от всего товарооборота), или в 4 раза больше (Poziv... 2024). Товарооборот Сербии с Россией в 2023 г. был равен 2,9 млрд долларов, снизившись в 1,5 раза по сравнению с 2022 г., когда он составлял 4,3 млрд долларов, во многом из-за западных санкций, которые сербские фирмы вынуждены соблюдать (Радовић 2024). Таким образом, для современного

сербского общества при выборе внешнеполитической ориентации гораздо важнее политическая поддержка на международной арене (которую страна получает от России), чем экономические связи.

После того как европейские чиновники поставили неприемлемое для Сербии условие по полной нормализации отношений с Косово, то есть фактического признания его независимости, дальнейший путь в Евросоюз через некоторое время может оказаться под вопросом – особенно если за этим последует и условие по формальному признанию независимости (Чукалина 2023). Хотя, очевидно, А. Вучич будет продолжать стремиться войти в эту организацию, по крайней мере ради дальнейшего получения Сербией финансовой помощи из европейских фондов, но все чаще будет прибегать к критике Запада и к риторике о невозможности быстрого вступления в ЕС, реагируя на изменения настроений в сербском обществе. Еще одним неприемлемым для подавляющего большинства сербов, как и для сербских властей, условием ЕС является введение санкций против России, на которое А. Вучич также, по всей видимости, не пойдет: согласно опросу, проведенному в августе 2022 г., сразу 81 % сербов выступает против введения санкций своему традиционному союзнику, и всего 8 % поддержало бы этот шаг. При этом сторонников членства в еще одной крупной западной организации – Евразийском экономическом союзе – по этому опросу оказалось 53 %, а сторонников членства в ЕС – 46 % (Novi... 2022).

Поддержка вступления в НАТО в пострадавшей от него Сербии всегда была низка, и к тому же уменьшается со временем. В марте 2022 г. всего 10 % опрошенных поддержали вступление в эту организацию, при этом 82 % высказались против. Также 61 % противится сотрудничеству Сербии с этой организацией, а поддерживает его 27 % (Šak... 2022). Однако фактически власти Сербии постепенно сближались с Североатлантическим альянсом, приняв в 2019 г. План индивидуального партнерства с НАТО, который разрешает блоку использовать сербскую военную инфраструктуру. Периодически проходят военные учения Сербии с НАТО. Но, по всей видимости, действия Белграда обусловлены вовсе не желанием вступить в эту организацию (которое очевидно отсутствует у А. Вучича), а стремлением пойти на определенные уступки Западу, чтобы получить пространство для маневра и снизить уровень давления в сложной геополитической ситуации. К тому же официально про-

должает действовать резолюция сербского парламента о военном нейтралитете, принятая еще в 2006 г. (Логинова 2023).

Немаловажно отметить, что и молодежь в Сербии (15–30 лет) также в целом разделяет взгляды большинства граждан по основным внешнеполитическим вопросам. Молодежь, правда, больше заинтересована в Евросоюзе, но и среди них поддержка вступления в эту организацию не достигает половины. Так, по опросу 1000 представителей молодежи в сентябре 2023 г. (из них 47 % – школьники и студенты, 37 % работают, а 16 % безработные), 43 % проголосовали бы за вступление в ЕС на референдуме (за НАТО – лишь 11 %), и 22 % голосовали бы против (против НАТО – целых 54 %), остальные не определились с выбором (вопрос о БРИКС не задавался). Негативное отношение сербской молодежи к политическому Западу проявляется в том, что 48 % опрошенных (и целых 66 % давших определенный ответ) обвиняют в украинском конфликте западные страны и организации: США (27 %), НАТО (15 %), а также Евросоюз и Великобританию (по 3 %). 12 % считают ответственной Украину, 13 % – Россию, а 27 % не могут дать определенный ответ (Živanović Popović 2024).

Такая политическая позиция в случае сербов в значительной части обусловлена их тяжелым историческим опытом в 1990-е гг. и позднее: бомбежки позиций армии боснийских сербов в 1995 г. и особенно бомбардировки собственно Сербии в 1999 г., повлекшие за собой значительное число жертв (были убиты от 500 до 1,8 тыс. мирных жителей) и серьезный ущерб для экономики, инфраструктуры и экологии (Судо 2000; Cohn 2002). Также сербское общество было возмущено признанием Косово со стороны США и почти всех стран Евросоюза сразу после того, как его власти провозгласили независимость в феврале 2008 г. Тогда, 21 февраля, более 250 тыс. сербов приняли участие в демонстрации протеста против независимости Косово в Белграде, на которой выступили известные политики, включая будущего президента Томислава Николича, а также деятели культуры, искусства, науки и спорта; в конце демонстрации произошли беспорядки и погромы, в том числе поджог посольства США (Митинг... 2008). Помимо этого, большое разочарование у сербов вызвало освобождение в Международном трибунале по бывшей Югославии тех политиков и офицеров, кого они считают виновными в массовых преступлениях против серб-

ского народа, притом что сербских политиков и офицеров Трибунал в основном осуждал на длительные сроки (Odješić... 2021)¹.

Также некоторые сербские экономисты убеждены, что Запад преследует лишь свою экономическую выгоду от вступления их страны в ЕС, стремясь эксплуатировать ее природные ресурсы и превратить Сербию в рынок сбыта своих товаров в ущерб отечественному производству. В частности, из-за введения Переходного торгового соглашения Сербии и ЕС доходы от таможенных пошлин резко упали с 829 млн евро в 2008 г. до 243 млн евро в 2015 г. (Мировић 2015). Часть сербских интеллектуалов утверждает, что Евросоюз уже утратил свою привлекательность из-за длительной экономической стагнации, недемократического характера Европейской комиссии, введения неолиберальной идеологии и бесконечных трудновыполнимых условий, которые он ставит для стран-кандидатов. Сербия, по их мнению, при присоединении к ЕС ждет окончательная потеря Косово, потеря влияния в Черногории и Республике Сербской, передача энергетического сектора транснациональным корпорациям. Также они отождествляют Евросоюз с политическим Западом, который, по их словам, всегда был главным врагом Сербии, унижая ее и отбирая территории, а сегодня требует от нее пойти против традиционно дружественных стран (Ђорђевић 2022; Вукадиновић 2024).

Но все же имеются и определенные позитивные эффекты для сербской экономики и инфраструктуры от взаимодействия с Евросоюзом: так, за последние 10 лет ЕС предоставил Сербии 4 млрд евро в виде грантов для 1,5 тыс. проектов во всех районах страны, а еще 7 млрд евро – в виде льготных кредитов. В результате были осуществлены различные проекты в таких областях, как транспорт-

¹ Отметим, что иногда имели место и противоположные случаи, когда высокопоставленным сербским офицерам, которые, по мнению отдельных экспертов и следователей Трибунала, были виновны в преступлениях на территории Хорватии, отдельные пристрастные и антихорватски настроенные судьи МТБЮ давали значительно меньшие сроки заключения, чем предусматривало первоначальное обвинение, выдвинутое на основе предварительно собранных доказательств, или вообще снимали с них все обвинения и переводили из статуса обвиняемых в статус привилегированных свидетелей Трибунала, как произошло с генералом Александром Васильевичем (Starešina 2017), которого даже ярый сербский националист Воислав Шешель считает виновным в организации некоторых массовых преступлений в Хорватии – например, расстреле раненых хорватских военных из вуковарской больницы (Streljanje... 2008). Однако эти случаи в сербском обществе пока не получили широкую известность.

ная и коммунальная инфраструктура, сельское хозяйство, энергетика, малый и средний бизнес, окружающая среда, реставрация памятников культуры и др., что привело к определенному улучшению жизни граждан. С помощью грантов и кредитов Европейского банка реконструкции и развития за последние 15 лет удалось построить или отремонтировать 1,5 тыс. км автомобильных и железных дорог, а в 2014 г. Евросоюз выделил 230 млн евро на поддержку сельского хозяйства и благоустройство сельской местности (Guranje... 2024).

Причины неудачи евроскептических партий в современной Сербии

Здесь встает вопрос, почему сербские избиратели на фоне столь явного падения интереса к Евросоюзу не голосуют активно за евроскептические и пророссийские партии, такие как «Двери», «Заветники», «Сербская радикальная партия» и др. Во-первых, в сербском обществе очень высок уровень недоверия к политикам и партиям вообще: 57 % граждан не доверяют парламенту, 70 % не доверяют политикам, и 75 % – политическим партиям. Исходя из этих данных, вполне возможно, что пророссийски настроенные сербы в значительной части просто не находят для себя партию, которой бы они доверяли. Впрочем, изменение геополитической ситуации в Европе все-таки привело к заметному росту популярности пророссийских партий, три из которых – «Двери», «Заветники» и коалиция НАДА – на выборах в апреле 2022 г. вошли в парламент, набрав в совокупности 12,9 % голосов, а правящая Сербская прогрессивная партия получила голосов несколько меньше обычного – 43 %. На прошедших в том же месяце президентских выборах три кандидата от пророссийских партий (соответственно Бошко Обрадович, Милица Джурджевич-Стаменковски и Милош Йованович) в совокупности получили 14,6 % голосов, а убедительную победу одержал действующий президент Александр Вучич с 58,6 % (Ilić, Pudar Draško 2022).

Во-вторых, очень многие пророссийски настроенные избиратели голосуют за правящую власть, очевидно, на основе заявлений А. Вучича, направленных против Запада, надеясь, что она в будущем станет активнее сближаться с Россией, или удовлетворяясь уже достигнутым уровнем взаимоотношений с РФ. Очень показательны данные опроса в мае 2022 г., согласно которому 41 % граж-

дан ответили, что им ближе партии власти (по сравнению с 31 % в 2021 г.), 14 % (8 % в 2021 г.) – партии оппозиции (прозападные или пророссийские), а для 42 % (56 % в 2021 г.) не близки никакие партии (при этом близость по взглядам и т. д. не всегда означает доверие конкретным политикам во главе этих партий). 48 % опрошенных считает, что страна движется (полностью или в основном) в правильном направлении, а 31 % – в неправильном. Граждане старше 65 лет оказались гораздо оптимистичнее, чем население в среднем: целых 67 % их склонны полагать, что Сербия идет в правильном направлении, и только 17 % – в неправильном. Если бы сербская власть заявила об отказе от вступления в ЕС и союзе с Россией, эта весть обрадовала бы 47 % сторонников правящих партий (Сербская прогрессивная партия и Социалистическая партия Сербии) и 47 % тех, кто доверяет государственным СМИ, а разочаровала бы лишь 17 % из них. Даже среди тех, кто не доверяет никаким партиям, обрадовавшихся было бы лишь несколько меньше – 40 %, а разочарованных – 20 %. Для тех, кто голосует за оппозицию (очевидно, в опросе участвовали в большинстве сторонники прозападной оппозиции), эти цифры были совсем другими: 20 % обрадовавшихся и 55 % разочарованных (Demokratija... 2022). По опросу 2019 г., среди граждан старше 65 лет более половины (58,7 %) составляют избиратели СПП, что, возможно, и объясняет их оптимизм насчет будущего страны. Среди граждан 18–29 лет голосуют за эту партию 32,6 %, а среди граждан 50–64 лет – 32,5 % (в среднем по стране – 35,4 %). Среди избирателей СПП у 7,7 % есть высшее образование, у 30,1 % – среднее, а у 58,1 % – основное общее и ниже (очевидно, это в основном пожилые люди). Самую большую популярность Сербская прогрессивная партия имеет в Южной и Восточной Сербии – там живут 58,8 % ее избирателей, в то время как в Белграде лишь 14,8 %. Интересно, что еще в 2019 г. половина избирателей СПП поддерживала незападные интеграционные модели: вхождение в ЕАЭС, сформированный вокруг России, поддержали бы 49 % из них, а в ЕС – значительно меньше, 35,2 % (Uz SNS... 2019). Получается, что среди избирателей, голосующих за правящую коалицию, несмотря на ее приверженность вступлению в Евросоюз, на самом деле популярность идеи союза с Россией значительно больше, чем популярность ЕС. В такой ситуации очевидно, что, несмотря на давление Запада, никаких серь-

езных антироссийских шагов правящая власть осуществлять не будет, чтобы не потерять собственную избирательную базу.

И в-третьих, низкая популярность русофилов на политической сцене Сербии может быть обусловлена тем, что пророссийские партии в Сербии постоянно страдают от внутренних противоречий и расколов, что существенно ослабляет их позиции и приводит к потере доверия избирателей в долгосрочной перспективе². Правящая ныне консервативная проевропейская Сербская прогрессивная партия образовалась в 2008 г. из пророссийской Сербской радикальной партии. Наиболее громкий раскол в последние годы также произошел в Сербской радикальной партии. После обвального сокращения числа голосов на выборах 2020 г. по сравнению с 2016 г. и потери всех мест в парламенте из партии вышли ее второй человек и фактически правая рука ее лидера В. Шешеля Неманя Шарович, а также известный политик и генерал Божидар Делич. Они обвинили В. Шешеля в пристрастии к роскоши, nepотизме и крайне неумелом руководстве партией; Шарович также заявил, что Шешель и близкие ему члены партии постоянно поддерживают и хвалят политику А. Вучича, которую он жестко критиковал, считая, что Вучич приобрел слишком много власти, значительно превысив конституционные полномочия президента (Божидар... 2020; Milenko-vić 2020). Сербская радикальная партия так и не смогла оправиться от этого раскола и на последних выборах в декабре 2023 г. набрала всего 1,5 % голосов. В парламент не прошла также коалиция партий «Двери» и «Заветники», но зато прошла новая правая партия, противящаяся евроинтеграции, под названием «Мы – голос народа», набравшая 4,7 % голосов. Блок НАДА получил 5 %. Таким образом, правые евроскептические партии, прошедшие в Скупщину, получили 9,7 % голосов – несколько меньше, чем в 2022 г. Правящая партия на этих выборах улучшила свой результат до 46,7 % (Račić Đokić 2023).

² Нужно упомянуть, что и прозападные партии также часто страдают от сходных проблем. Например, из созданной в 1990 г. прозападной Демократической партии впоследствии выделилось множество партий и организаций, например, Новая Демократическая партия Сербии (1992 г.), Либерально-демократическая партия (2005 г.), Социал-демократическая партия (2014 г.), Партия свободы и справедливости (2019 г.) и др. В целом для политической системы Сербии характерна высокая степень незрелости, что проявляется в постоянных расколах и краткосрочных, легко распадающихся партийных коалициях (об особенностях формирования и развития партийно-политической системы Сербии в 1990-х – 2000-х гг. см.: Волкова 2009).

Очень большую роль в падении популярности западных интеграционных форматов сыграли также традиционные тесные культурно-исторические связи Сербии с Россией, чье значение для сербов в последнее десятилетие устойчиво росло, в том числе благодаря актуализации исторической памяти: например, в 2014 г. руководители двух стран присутствовали на параде в честь 70-летия освобождения Белграда (Растегаев 2024). Большую роль сыграло и неприятие любых внешнеполитических действий Запада в сербском обществе, которые априори считаются опасными и содержащими в себе коварный и преступный умысел. В результате сербское общественное мнение сегодня настроено выраженно пророссийски, в отличие от почти всех стран Европы.

Согласно опросу, проведенному осенью 2022 г. независимой сербской исследовательской организацией ЦРТА, 42 % опрошенных считают, что в нынешнем вооруженном конфликте на Украине виноваты США, 21 % обвиняют НАТО, а 2 % – Евросоюз. 58 % опрошенных заявили, что им ближе российская точка зрения на причины и ход конфликта, 22 % – украинская, еще 21 % не определились. 61 % опрошенных считают, что Сербия должна сохранить хорошие отношения с Россией, даже если это приведет к прекращению интеграции в Евросоюз. В то же время граждане Сербии в большинстве остаются привержены идее военного нейтралитета: 69 % полагают, что Сербия должна остаться нейтральной в военном отношении, за военный союз с Россией выступили 19 %, и лишь 9 % поддержали идею военного союза с Западом. Что касается косовской проблемы, то и здесь симпатии к России, признающей территориальную целостность Сербии, значительно более выражены, чем к Евросоюзу. 29 % опрошенных хотели бы, чтобы в диалоге Сербии и Косово активнее участвовала Россия, 25 % хотели бы того же от ООН, а 8 % – от Китая, который, несмотря на большие симпатии в сербском обществе, очевидно воспринимается в случае косовской проблемы как страна, расположенная очень далеко и поэтому не обладающая возможностью серьезно на нее повлиять. Одновременно только 12 % хотели бы видеть более активное участие Евросоюза в этом диалоге, лишь 3 % – США и 2 % – НАТО. При этом экономические связи у сербов на индивидуальном уровне сегодня остаются намного сильнее с Евросоюзом, чем с Россией: 27 % опрошенных заявили, что кто-то из их родственников живет, учится или работает в Евросоюзе. Только у 2 % сербов

родственники живут, работают или получают образование в России, а у 1 % – и в ЕС, и в России (Politički... 2022).

Фактор культурно-исторической и религиозной общности с Россией на фоне определенного недоверия к Западу в значительной степени силен также у македонцев и у болгар. Так, болгары до сих пор чтут освобождение Болгарии российскими войсками от турецкой власти в 1878 г. Дата освобождения, 3 марта, ежегодно сопровождается официальными торжествами и воинским церемониалом, а в 2023 г. праздничные мероприятия прошли более чем в 150 городах страны (Болгария... 2023). Многие болгары обижены на Запад за англо-американские бомбежки Софии и около 130 других городов и поселений Болгарского царства в 1943–1944 гг., которые были значительно более масштабными и разрушительными, чем даже бомбежки Сербии в 1999 г., и преследовали цель создать панику среди болгар, дезорганизовать центральную власть и в конечном счете вывести страну из войны. В результате центральная часть Софии с многочисленными историко-культурными памятниками была в значительной степени разрушена (см. об этих событиях: Gigova 2011: 133–146). Все эти факторы и моменты исторической памяти обуславливают самый высокий в Евросоюзе уровень поддержки России: в 2023 г. 20 % опрошенных болгар считали Россию союзником, с которым они разделяют общие ценности и интересы (по сравнению с 5 % опрошенных в целом в Евросоюзе, 4 % в Италии и менее 1 % в Польше), 42 % – необходимым партнером, и только 18 % – противником (по сравнению с 51 % во всем Евросоюзе, 32 % в Италии и 72 % в Польше [Европейско... 2023]).

Выводы

Процесс вступления Сербии в Евросоюз охватывает более двух десятилетий. С одной стороны, наблюдаются определенные позитивные эффекты для экономики страны. С другой стороны, этот процесс сопровождается все новыми условиями, некоторые из которых неприемлемы для сербского общества. От интеграции в НАТО правительство Сербии отказалось еще в 2004 г., осознав всю непопулярность этого блока среди граждан. Учитывая, что при формировании нового мирового порядка резко увеличивается роль незападных интеграционных объединений, блоков и союзов, среди сербов предсказуемым образом стало очень популярным такое быстро растущее международное объединение, в котором активно участвует традиционный союзник Сербии Россия, как БРИКС, а также Евра-

зийский экономический союз, в котором Россия лидирует по населению и экономическому потенциалу. Популярность БРИКС в Сербии в последние несколько лет заметно превзошла популярность Евросоюза, который часто отождествляется сербами с политическим Западом и его преступлениями; также значительная часть граждан Сербии устала от очень долго продолжающейся евроинтеграции, в ходе которой они, несмотря на прогресс в отдельных областях, в целом к настоящему времени так и не ощутили серьезного улучшения жизни.

(Продолжение следует.)

Литература

Божидар Делић: Радикали су на изборима прошли баш онако како заслужују, Шешелево бахаћење превршило сваку меру; Шаровић: Неформално сам обавештен да ми је забрањен улаз у централу странке. 2020. *Нова српска политичка мисао* 15 јула. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/bozidar-delic-radikali-su-na-izborima-prosli-bas-onako-kako-zasluzuju-sese-ljevo-bahacenje-prevrsilo-svaku-meru.html?alphabet=c>.

Болгария отметила 145-ю годовщину освобождения страны от османского владычества. 2024. *ТАСС* 3 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17194133>.

Волкова, Е. Г. 2009. *Европейский союз как фактор преобразования партийной системы Сербии на рубеже XX–XXI веков*: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург.

Вукадиновић, Ђ. 2024. Мазохистички је инсистирати на уласку у организацију (ЕУ, НАТО), која дословно у сваком тренутку и свакој ствари заступа ставове који су у супротности са нашим националним интересима. *Нова српска политичка мисао* 13 августа. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/djordje-vukadinovic-mazohisticki-je-insistirati-na-ulasku-u-organizaciju-eu-nato-koja-doslovno-u-svakom-trenutku-i-svakoј-stva-ri-zastupa-stavove-koјi-su-u-suprotnosti-sa-nasim-nacionalnim-interesima.html>.

Вучић у Генералној скупштини УН: Пандорина кутија није отворена нападом на Украјину, већ раније; Зашто се не поштује резолуција 1244? 2024. *Радио-телевизија Војводине* 24 септембра. URL: https://www.rtv.rs/sr_ci/politika/vucic-neverovatno-da-se-u-21.-veku-svet-nalazi-na-ivici-nuklearne-katastrofe_1570953.html.

Гринин, Л. Е.

2023а. Дестабилизација и светског поретка: неке проблеме теорије. *История и современность* 4: 3–31. DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

2023б. Ускоровање реконфигурације Мир-системе в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигура-

цию Мир-Системы. *Соционауки* 20 июня. URL: <https://www.socionauki.ru/news/3392807>.

Ђорђевић, Г. 2022. Нуди ли се Србији чланство у ЕУ? И шта је цена? *Нови стандард* 6 марта. URL: <https://standard.rs/2022/03/06/nudi-li-se-srbiji-clanstvo-u-eu-i-sta-je-cena/?alphabet=cyrillic>.

Европейско изследване: Само 18 % от българите смятат Русия за враг. 62 % я приемат като съюзник или партньор. *Гласове* 15 июня. URL: <https://glasove.com/novini/evropeysko-izsledvane-samo-18-ot-balgarite-smyat-at-rusiya-za-vrag-62-ya-priemat-kato-sayuznik-ili-partnyor>.

Истраживање јавног мњења „Европска оријентација грађана Србије – трендови“. 2014. *Министарство правде Републике Србије* Децембар. URL: https://www.mpravde.gov.rs/files/javno_mnjenje_decembar_2014.pdf.

Логинова, К. 2023. На блоковом уровне: зачем Сербия сближается с НАТО. *Известия* 12 апреля. URL: <https://iz.ru/1496157/ksenii-loginova/na-blokovom-urovne-zachem-serbii-sblizhaetsia-s-nato>.

Мировић, Д. 2015. Економско (само)убиство или шта је ЕУ донела Србији. *Нова српска политичка мисао* 2 јануара. URL: <http://www.nspm.rs/ekonomska-politika/ekonomsko-samoubistvo-ili-sta-je-eu-donela-srbiji.html>.

Митинг против независности Косово в Белграде перерос в беспорядки. 2008. *РИА Новости* 22 февраля. URL: <https://ria.ru/20080222/99836301.html>.

Радовић, З. 2024. Изазови трговине између Русије и Србије: Колико нас коштају западне санкције. *RT Balkan* 4 септембра. URL: <https://rt.rs/ekonomija/107229-robna-razmena-pad-srbija-rusija/>.

Растегаев, Д.

2023. «Отечества расколов»: страны Западных Балкан и СВО на Украине. *РСМД* 21 февраля. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/d-rastegaev/-otechestva-raskolov-strany-zapadnykh-balkan-i-svo-na-ukraine/?sphrase_id=99876789.

2024. Пик партнерства. *Известия* 12 февраля. URL: <https://iz.ru/1648717/daniil-rastegaev/pik-partnerstva>.

Романенко, С. А. 2005. Закончилась ли на территории распавшейся Югославии Вторая мировая война? *Неприкосновенный запас* 2–3(40–41): 237–242.

Судо, М. М. 2000. Экологические и социальные последствия силового решения югославского конфликта. В: Марфенин, Н. Н. (отв. ред.), *Россия в окружающем мире: 2000: аналитический ежегодник*. М.: МНЭПУ. С. 76–96.

Ходунов, А. С. 2017. Межнациональные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность. В: Гри-

нин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 258–340.

Чукалина, Е. 2023. Признай свое место: Брюссель назвал условие для вступления Сербии в ЕС. *Известия* 28 сентября. URL: <https://iz.ru/1580518/evgeniia-chukalina/priznai-svoe-mesto-briussel-nazval-uslovie-dlia-vstupleniia-serbii-v-es>.

Энтина, Е. Г. 2016. *Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан*. М.: Ин-т Европы РАН, 2016.

Blaskovich, J. 1997. *Anatomy of Deceit: an American Physician's First-Hand Encounter with the Realities of the War in Croatia*. New York: Dunhill Publishing Company.

Čak 82 odsto građana protiv članstva Srbije u NATO. 2022. *Vojvodina uživo* March 24. URL: <https://vojvodinauzivo.rs/cak-82-odsto-gradana-protiv-clanstva-srbije-u-nato/>.

Cohn, M. 2002. Nato Bombing of Kosovo: Humanitarian Intervention or Crime against Humanity? *International Journal for the Semiotics of Law* 15(1): 79–106.

Demokratija na margini rata. 2022. *CRTA* May 30. URL: <https://crt.rs/wp-content/uploads/2022/05/Istrazivanje-Demokratija-na-margini-rata.pdf>.

Gigova, I. 2011. Sofia was Bombed? Bulgaria's Forgotten War with the Allies. *History & Memory* 2(23): 132–171. DOI: 10.2979/histmemo.23.2.132.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_1.

Guranje pod tepih značaja EU. 2024. *Demostat* April 6. URL: <https://demostat.rs/sr/vesti/ekskluziva/guranje-pod-tepih-znacaja-eu/2042>.

Ilić, V., Pudar Draško, G. 2022. 2022 Elections in Serbia: The Return of the Opposition? *Contemporary Southeastern Europe* 9(2): 1–14.

„Još za vreme Đinđića počeli razgovori oko ulaska Srbije u NATO“. 2022. *Nova* June 28. URL: <https://nova.rs/vesti/politika/vejvoda-jos-za-vreme-djin-djica-poceli-razgovori-oko-ulaska-srbije-u-nato/>.

Khodunov, A. 2022. The Bulldozer Revolution in Serbia. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 447–463. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_16.

Kolaković, A. 2015. Intellectuals in the Great War: French-Serbian Cooperation. In Biagini, A., Motta, G. (eds.), *The First World War Analysis and Interpretation*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 133–44.

Medijske slobode u Srbiji na najnižem nivou od kad se vodi Svjetski indeks. 2024. *BHRT* May 3. URL: <https://www.bhrt.ba/medijske-slobode-u-srbiji-na-najni%C5%BEem-nivou-od-kad-se-vodi-svjetski-indeks>.

Mićić, V. 2011. Uzroci i način rešavanja ekonomske krize u Srbiji. *Škola biznisa* 3: 11–23.

Milenković, M. R. 2020. Nemanja Šarović: Šešelj je izneverio očekivanja naroda. *Danas* July 20. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/nemanja-sarovic-seselj-je-izneverio-ocekivanja-naroda/>.

Novi rezultati istaživanja: protiv sankcija Rusiji 81 odsto građana Srbije. 2022. *Blic* October 7. URL: <https://www.blic.rs/vesti/politika/novi-rezultati-istazivanja-protiv-sankcija-rusiji-81-odsto-gradjana-srbije/dnnnz3p>.

Odjeci presude generalu Mladiću. 2021. *Radio-televizija Vojvodine* June 8. URL: https://rtv.rs/hr/hronika/odjeci-presude-generalu-mladicu_1246929.html.

Organizacija Novi treći put: Istraživanje pokazalo da je većina građana Srbije za ulazak u BRIKS. 2023. *Danas* July 10. URL: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/oragizacija-novi-treci-put-istrazivanje-pokazalo-da-je-vecina-gradjana-srbije-za-ulazak-u-briks/>.

Petronijević Terzić, I. 2022. Gde nas je dovela dupla igra vlasti sa evropskim integracijama. *Demostat* July 12. URL: <https://demostat.rs/sr/vesti/eks-kruziva/gde-nas-je-dovela-dupla-igra-vlasti-sa-evropskim-integracijama/1539>.

Politički stavovi građana Srbije – jesen 2022. *CRTA* November 22. URL: <https://crt.rs/wp-content/uploads/2022/11/Istrazivanje-javnog-mnjenja-Politic-ki-stavovi-gradjana-Srbije-jesen-2022-CRTA.pdf>.

Poziv Vučiću na samit Brikse: Srbija između dva pogleda na svet. 2024. *Kosovo online* April 7. URL: <https://www.kosovo-online.com/vesti/analize/poziv-vucicu-na-samit-brikse-srbija-izmedju-dva-pogleda-na-svet-7-4-2024>.

Račić Đokić, Lj. 2023. RIK saopštio preliminarne rezultate: Apsolutna većina listi “Aleksandar Vučić - Srbija ne sme da stane” 46,71%. *Telegraf* December 18. URL: <https://www.telegraf.rs/vesti/izbori-2023/3802898-rezultati-rik-a-izbori-2023>.

Radeljić, B., Đorđević, V. 2020. Clientelism and the Abuse of Power in the Western Balkans. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 5(22): 597–612. DOI: 10.1080/19448953.2020.1799299.

Reakcije na hapšenje Mladića. 2011. *Radio-televizija Vojvodine* May 26. URL: https://rtv.rs/sr_ci/politika/reakcije-na-hapsenje-mladica_255949.html.

Serbia at the Top of Europe in Terms of GDP Growth: How did Construction Become a Key Factor? 2024. *Institute for Politics and Economy of*

Southeast Europe September 8. URL: <https://ipese.rs/serbia-at-the-top-of-europe-in-terms-of-gdp-growth-how-did-construction-become-a-key-factor/>.

Starešina, V. 2017. *Hrvati pod KOS-ovim krilom: završni račun Haaškog suda*. Zagreb: Avid Media i Hrvatsko katoličko sveučilište.

Streljanje na Ovčari naredio general Vasiljević. 2008. *Danas* March 20. URL: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/streljanje-na-ovcari-naredio-general-vasiljevic/>.

Uz SNS samo 7,7 posto visokoobrazovanih. 2019. *Danas* July 9. URL: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/uz-sns-samo-77-posto-visokoobrazovanih/>.

Vučić: Srbija neće u EU pre 2030. godine. 2024. *HHH* August 31. URL: <https://www.nin.rs/politika/vesti/56222/vucic-o-ulasku-srbije-u-eu>.

Živanović Popović, N. 2024. Veliko istraživanje o mladima u Srbiji. Šta misle o Kosovu, Rusiji, “Ribnikaru”, religiji, vojnom roku, ali i koliko su sretni. *Blic* January 24. URL: <https://www.blic.rs/vesti/drustvo/veliko-istrazivanje-o-mladima-u-srbiji-sta-misle-o-kosovu-rusiji-religiji-ribnikaru/ewntm2s>.

ИСТОРИЯ

В. В. ТКАЧЕВ

ГОРОД КАК МЕСТО РАЗВИТИЯ ИНТЕРЕСА ЖИТЕЛЕЙ К СОЗДАНИЮ ЦЕНТРОВ ПО СОХРАНЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ*

В статье рассматривается проблема представления города как места развития интереса жителей к созданию центров по сохранению художественного наследия Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. В процессе проведения исследования прослеживается просветительская работа творческого сообщества в контексте изменения отношения к проведению мероприятий и сбору предметов искусства. Отмечается, что в период модернизации городской среды, усиления социокультурных связей между населенными пунктами, строительства дорожной сети, при сотрудничестве художников с коллекционерами открываются центры сохранения и изучения живописных собраний. Городская среда является пространством для взаимодействия участников процесса информационного обмена, передачи знаний о достижениях в мировых и отечественных интеллектуальных преобразованиях. Изменение отношения к городу как центру сохранения художественного наследия определяло и стремление к объединению сил иркутской интеллигенции в работе по

* **Для цитирования:** Ткачев, В. В. 2024. Город как место развития интереса жителей к созданию центров по сохранению художественного наследия в конце XIX – начале XX в.: на материалах Иркутской губернии. *История и современность* 4: 35–48. DOI: 10.30884/iis/2024.04.03.

For citation: Tkachyov, V. V. 2024. The City as a Place of the Development of the Inhabitants Interest in the Creation of Centers for the Preservation of Artistic Heritage in the Late 19th – Early 20th Centuries: Based on Materials from the Irkutsk Province. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 35–48 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.03.

История и современность, № 4, декабрь 2024 35–48

DOI: 10.30884/iis/2024.04.03

сбору материалов и созданию помещений для размещения живописных полотен. На основе документальных свидетельств изучается комплексный подход деятелей искусства, коллекционеров и представителей научного сообщества в работе с посетителями в рамках описания и демонстрации произведений. В результате обращения к архивным собраниям были определены материалы, которые восстанавливают историю создания площадок и центров сохранения, системного изучения художественных коллекций, формировавшихся ценителями произведений искусства. В работе прослеживается деятельность сотрудников учреждений культуры и образования, деятелей искусства в период создания пространств взаимодействия с художественным наследием в городах Иркутской губернии.

Ключевые слова: история Сибири, Восточная Сибирь, городская культура, городское общество, художественная жизнь, художественная интеллигенция, интересы общества, общественное мнение.

Город в дореволюционный период становится местом, где появилась возможность знакомства с произведениями искусства, которые находились в музеях и галереях. Характерно то, что в момент усвоения знаний о художественных ценностях в обществе появляются начинающие художники, ценители отечественных и мировых живописных школ. Они являются инициаторами передачи знаний об искусстве, изменений взглядов на сюжеты в работах художников. Понимание содержания идей, которые передавались в известных картинах, побуждало посетителей и зрителей мероприятий к проявлению интереса к достижениям изобразительных школ, мастерских и других существующих организаций. Участники процесса знакомства с творчеством выдающихся мастеров обращали внимание на создание живописных произведений, уникальных предметов, которые постепенно входили в жизнь горожан многих отдаленных территорий Российской империи. Становление известных представителей сибирской художественной интеллигенции возможно проследить в городской среде, в период, когда происходили значимые изменения в основных сферах: науки, образования, просвещения и воспитания.

Город становится местом, где жители могли изучать и осваивать художественное наследие разных периодов развития творческих сообществ. В результате модернизации органов управления и работы важных структурных элементов системы взаимодействия представителей общественности во всех сторонах городской жизни происходило постепенное изменение культурно-пространственной

среды и, соответственно, художественного пространства. Многие деятели из культурного сообщества обращались к сфере искусства, когда увлекались творчеством художников, собирали картины, рисунки, скульптуру. Они находили связь между произведениями, ценности для общества, его воспитания, образования и просвещения. В создаваемых культурных формированиях появлялись центры, которые производили оценку проведенных мероприятий, членами обсуждались вопросы по сохранению выдающихся живописных полотен, работ, представляющих интерес настоящего общества.

В результате развития городской среды и появления новых выставочных пространств появлялась возможность создавать художественные центры, где жители постепенно знакомились с произведениями мастеров. Можно заметить, что к концу XIX в. деятели искусства Иркутской губернии объединяются в работе по созданию общества передвижных выставок. В соответствующих мероприятиях принимали участие разные специалисты, которые имели большой опыт включения произведений искусства в собрания музеев, понимали основные принципы построения пространства для показа уникальных предметов. Увеличилось количество издаваемых работ по вопросам сохранения художественного наследия, которые разбирали выявленные и подробно проанализированные документальные свидетельства о том, как складывались мнения о значимости музейного дела для современного общества (Шахеров 2013б: 27–31). Творческое сообщество, которое участвовало в распространении знаний об отечественном искусстве, организовывало пространства для взаимодействия с другими представителями городского общества в Иркутской губернии (Дамешек 2019: 34).

Сообщество художников и коллекционеров конца XIX – начала XX в. в Иркутской губернии ориентировалось на общие тенденции в построении работы в регионе, которые были востребованы в крупных городах Российской империи. В данный период статьи в периодической печати сообщают, что в частных собраниях и общественных, государственных музеях проводились художественные мероприятия: от встреч с известными художниками до отведения отдельных помещений во время демонстрации произведений. Происходил подъем интереса посетителей к предметам искусства, который был важен для определения направленности работы музеев в настоящее время. С одной стороны, внимание сосредотачивалось на построении экспозиций, выделении ценных предметов и раскры-

тии их через документальные и изобразительные материалы. С другой стороны, необходимо было донести исторический процесс, взаимосвязь автора-исследователя с действующими в картинах фигурами (Ткачев 2022, 2023).

В исследовании анализируются материалы фонда Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии. Используются летописи художественной жизни Иркутской губернии из Государственного архива Иркутской области и материалы о музейных сотрудниках в фондах художественного музея Иркутска. Разбор содержательных сторон воспоминаний, впечатлений мастеров в документах дают понимание того, как создавались новые художественные связи между деятелями искусства и коллекционерами Иркутской губернии.

Основные подходы в объединении сил деятелей искусства и коллекционеров Иркутской губернии в едином обществе передвижных выставок, сосредоточение направления по развитию совместных научных исследований и представление результатов на общедоступных мероприятиях были изложены сибирскими историками (Сукачев 1891: 14; Чирков 2014: 25–28). Исследователи продолжают изучать вопросы развития городов в дореволюционный период, выделяя полученные результаты за прошедшее время (Кошман 2011, 2015; Стась 2020). Экономические, культурные основы в формировании купеческого сословия, участие коллекционеров в процессе изучения художественного наследия, материалов, которые собирали ученые в результате научных экспедиций, рассматривали многие историки (Шахеров 2013а, 2022). Сюжеты из истории создания выставочных пространств, особенности передачи знаний о существующих ведущих художественных школах, работу деятелей искусства в музеях и галереях прослеживали в своих исторических трудах исследователи разных научных направлений (Туманова 2008: 16–19).

Отношение общества к музеям и музейному делу изменялось постепенно, что подтверждают исследования сибирских историков. Из множества литературы, которая в настоящее время доступна, стоит выделить группу, которая обращается к сюжетам, где описывается влияние предметов искусства на жизнь горожан. Достаточно обозначить, что ученые обращаются к изучению не только истории создания музейного собрания, но и процесса взаимодействия с разными категориями населения (Фатьянов 1993; 1995: 16–19). Созда-

ние среды в рамках приобщения жителей к искусству, собраниям художественных произведений рассматривают и в области получения художественного образования в Российской империи.

Истории музейного дела в Иркутской губернии посвящены отдельные труды (Шелегина 2019, 2021). Они дают представление о том, как формировались понимание места определения предмета в экспозиции, музейные решения, ценности и важность сохранности памятников. Также в статьях и разделах монографий поднимаются вопросы о выделении особенностей выставочной направленности музейной работы деятелей искусства (Лыхин 2002: 17). Приведенные труды дают возможность по отдельным сюжетам восстановить историю создания сибирских музеев, появление первых собраний произведений искусства в Иркутской губернии. С одной стороны, в последнее время проводятся научные конференции, где сотрудники художественных центров описывают музейную работу в дореволюционный период. С другой стороны, исследованиям не хватает глубины осознания, понимания происходящих процессов в музейной среде. В полной степени не рассматриваются явления, которые влияли на изменчивость во взаимодействии музейного сообщества с художниками и коллекционерами.

Таким образом, сибирские исследователи изучают работу деятелей искусства в музеях, представления горожан о музейном пространстве, отношение жителей к предметам искусства, историю создания художественных выставок. Рассматривая известные труды историков и исследователей модернизации дореволюционной городской среды, можно отметить, что значимая для общества часть сюжетов, связанных с процессом построения просветительской работы в регионе, включение предметов из музейного собрания и частных коллекций в состав экспозиций конца XIX – начала XX в., не изучены, представлены современными отечественными исследователями. Настоящая статья, анализируя новые, выявленные архивные материалы, определяет процесс организации работы деятелей искусства по привлечению жителей Иркутской губернии к процессу сбора произведений отечественного и мирового искусства для музеев, научных объединений и художественных центров городских пространств. Рассматриваются события, которые влияют на изменение отношения творческого сообщества и ценителей искусства к городу как месту по созданию условий для сохранения художественного наследия.

Документальные сведения о работе деятелей искусства и коллекционеров, которые стремились создать условия для показа произведений сибирских мастеров в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в.

В процессе изучения истории становления художественного пространства городов дореволюционного периода современному историку необходимо знать и понимать труды, которые создавались редакторами, искусствоведами о проходящих художественных событиях. Авторы активно занимались составлением статей для существующих в городе газетных изданий, которые постепенно публиковали материалы о создании выставочных пространств в городе Иркутске конца XIX – начала XX в.

Особенности построения просветительской деятельности и взаимодействия посетителей с произведениями искусства влияли на общий результат мероприятий, их эффективность, получение знаний об истории региона. Документальные свидетельства, которые сохранились в архивах Иркутска, дают представление о том, как организаторы сообществ художников и коллекционеров определяли направления просветительской деятельности по созданию и поддержанию образовательных пространств. Так, на протяжении дореволюционного периода возможно проследить обращение к мероприятиям, которые были сосредоточены на внимании зрителя к актуальным социальным, экономическим, политическим изменениям, происходившим в связи с ростом численности населения городов, появлением благоустроенных пространств, развитием художественных образов административных, учебных и других зданий. Создаются выставочные проекты, объединяющие творческие сообщества сибирских регионов, ученых, художников, коллекционеров, педагогов и других представителей общественности, которые собирали и понимали содержание произведений отечественных мастеров. Подобные направления в музейной работе изложены в документальных свидетельствах.

Существующие архивные материалы можно объединить в следующие группы: описывающие процесс создания выставок, обозначающие деятельность общества передвижных выставок, раскрывающие музейную работу. Каждая группа определяется особенной структурой и содержанием в передаче основных сведений о появ-

лении центров сохранения художественного наследия. Так, стоит отметить, что в материалах можно встретить описание как событий, так и непосредственно участников данных мероприятий, организаторов выставочных площадок, создателей центров сохранения и изучения художественного наследия.

Первая группа источников раскрывает события, которые описывают создание выставочных пространств в рамках работы общественных объединений. Так, в архивах Иркутска сохранились документы, которые свидетельствуют о том, как общественность заботилась о благоустройстве творческих площадок в городах. Этим занимались М. И. Педашенко-Третьякова, М. В. Сукачева, В. В. Матэ, А. И. Менделеева, Е. М. Бем, А. А. Киселев, Э. О. Визель, А. Орлов и П. Самойлов (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 13). Вторая группа источников раскрывает историю деятельности общества передвижных выставок. На страницах периодических изданий «Сибирь», «Иркутские губернские ведомости» были представлены основные этапы создания и проведения передвижных художественных выставок в городах. Так, в газете «Сибирь» от 1910 г. подробно изложено, как общественность поддерживала мероприятия и просветительскую деятельность первых творческих объединений: «В страну холода и ссылки стали проникать лучи чистого искусства. За последние 13 лет в Иркутске было около 10 художественных выставок. В первой половине 1880-х гг. В. П. Сукачев в здании музея устроил выставку картин русских художников. Затем, через 6 лет, В. П. Сукачев повторил эту выставку, дополнив ее целой серией новых картин – В. В. Верещагина, К. А. Трутовского, И. А. Вельца, Г. И. Семирадского и др. В 1909 г. на пасхальные недели было разом три художественные выставки: местных художников в музее, А. Ф. Лытнева в здании мужской гимназии и Г. И. Гуркина в здании 5-тиклассного училища, последняя имела крупный и заслуженный успех» (Там же. Д. 162. Л. 17).

Процесс проведения первой передвижной выставки, которая была основана на произведениях сибирских мастеров, был представлен в следующей статье: «Теперь на осьминог неделе 1910 г. открылась у нас в Иркутске “первая сибирская передвижная выставка”. Эта выставка с полным правом может именоваться сибирской, так как в ней громадное большинство картин писано на сибирские темы. Сибирь давно ждет своих художников, и уже пора

запечатлеть красками на полотне и природу, и человека этой обширной страны» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2. Л. 18). На страницах сибирских газет можно было встретить как специальные тематические рубрики по отдельным художественным школам или событиям, так и подробные описания выставок, на которых были представлены живописные полотна мастеров. Группа документов, описывающих музейную работу, подробно отражает то, как сотрудники собирали экспонаты для учреждения. Так, в одном отчете раскрываются принципы отбора предметов и их изучение: «Библиотека к началу 1881 г. достигла численности 984 названий в 3694 книгах, брошюрах, картах; из этого числа в минувшем году поступило 4 названий в количестве 2577 номеров; большая часть из имеющегося в библиотеке поступила в виде пожертвований от ученых обществ и учреждений и частных лиц, или в обмен за высылаемые номера «Известий». Из частных лиц наиболее ценные пожертвования сделаны действительными членами: Высокопреосвященным Вениамином и господами: И. С. Боголюбским, Н. А. Гребницким, Н. Н. Синицыным, М. Я. Писаревым и другими» (Там же. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 15).

Становление просветительских центров для знакомства с художественным наследием в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. и их влияние на развитие интересов жителей в искусстве

В городском пространстве особое значение имело создание культурных, научных учреждений, деятельность которых была направлена на становление и поддержание прочных связей между разными представителями общественности. Просветительские центры являлись местами для изучения и сохранения художественного наследия. Для того чтобы понять основные принципы построения работы в рамках включения произведений искусства в жизнь горожан, необходимо подробно изучить историю пополнения музейных собраний уникальными и редкими предметами. Известно, что музеи становились ведущими исследовательскими организациями. Так, музей при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества и Иркутской губернской мужской гимназии, городская картинная галерея В. П. Сукачева не только активно занимались просветительской деятельностью (проводили

лекции и экскурсии), но и изучали собранные документальные свидетельства, коллекции в рамках создания выставочных проектов и организации учебного процесса (Романов 1993: 46–49; 1994: 28–34).

Проводился поиск материалов по творчеству первых сибирских мастеров и участников научных экспедиций, описывались художественные элементы предметов народного и декоративно-прикладного искусства (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2. Л. 18). Музеи выполняли важные функции по развитию образовательного, научного потенциала региона. Они становились центрами по распространению знаний об искусстве, развития научных исследований в Сибири. Для того чтобы понять процесс организации музейной работы, необходимо изучать и разбирать рукописные собрания сотрудников учреждений, коллекционеров и других представителей общественности, которые отражают с разных сторон особенности взаимодействия жителей с произведениями искусства. Выявленные в разных областях изучения предметы описывались, по ним составляли каталоги и публиковали статьи в местных журналах. Также по результатам экспедиций проводились конференции, круглые столы, лекции и отдельные встречи с учеными. При планировании международных и региональных мероприятий многие материалы отбирали для экспозиций, чтобы продемонстрировать их научному сообществу. Так, уникальные и ценные экспонаты музеев можно было увидеть на площадках научно-промышленных выставок. В процессе включения предметов искусства и музейных экспонатов в жизнь горожан, знакомства посетителей с уникальными произведениями, которые были подробно представлены на выставках, происходил процесс формирования у жителей представления об истории региона. Данные события влияли на работу деятелей искусства в Иркутской губернии, таких как И. Н. Дроздов, поэтому важно изучить его отношение и влияние на художественную жизнь, представив в отдельной статье.

Важность сохранения и изучения архивных материалов для восстановления исторических событий понимали многие ученые, деятели искусства Иркутска и Иркутской губернии. Значимую роль в сохранении художественного наследия в архивах, коллекциях можно отвести исследователю церковного дела, истории искусства, священнику И. Н. Дроздову. Он не только постепенно продолжал

собирать документы о первых мастерах в Иркутской губернии, но и взаимодействовал с административными структурами, использовал возможности для создания комиссий по систематизации собраний документов и совершенствования архивного дела в Иркутске. Так, протокол заседания архивной комиссии по Иркутской губернии сообщает следующие сведения: «Из протокола заседания 6 мая 1912 г. видно, что священник И. Н. Дроздов высказал желание о том, чтобы в нашу комиссию были направляемы для просмотра описи и дела, хранящиеся в архивах не одной лишь Иркутской губернии, но и других сибирских, где нет архивных комиссий; для осуществления же этого надлежит снестись с начальниками всех вообще сибирских губерний. Постановлено предложенное о. И. Н. Дроздовым привести в исполнение» (ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13. Л. 14). В дальнейшем документы сообщают о необходимости создания выставочных пространств в рамках сохранения художественного наследия, выявления предметов искусства, которые находились в домах жителей Иркутской губернии: «Тогда же председатель выразил необходимость образовать “редакционный комитет” для рассмотрения им рукописей и вообще для редактирования этого сборника. В состав такого комитета были избраны свящ. И. Н. Дроздов, свящ. А. В. Азлецкий, А. А. Романовский, И. В. Собакарев и Д. М. Хрусталеv. Затем председатель предложил устроить в сентябре текущего года выставку таких предметов древности, которые сохранились в самом Иркутске и этой губернии. Приняв такое предложение, комиссия признала необходимым, в ближайшем своем заседании, избрать лиц для детальной разработки плана и правил, относящихся к такой выставке. Вскоре после этого, а именно 12 мая 1912 г., из числа наших членов было выбрано шестеро в состав так называемого “выставочного комитета”, которому будет поручено устройство осенью выставки тех предметов сибирских древностей, которые находятся у некоторых жителей Иркутска» (Архив ИОХМ. Личное дело Н. И. Верхотурова. Л. 12).

И. Н. Дроздов проводил подробное изучение основных этапов проектирования и строительства, признаваемых экспертным сообществом историков и художников, деревянных и каменных памятников Иркутской губернии. Настоящие объекты отражали изменчивость стилей, приемов обработки природных материалов, использование декоративных элементов и многие другие приемы. В архивах

Иркутска сохранились материалы о том, как историки постепенно собирали документы по истории строительства зданий для учебных заведений, государственных служб. Приведем в качестве примера то, как исследователь церковного дела описывал архитектурные объекты, происхождение и борьбу за сохранение уникальных элементов. В одном докладе автор описывает события, которые влияли на включение памятников в основной список для поддержания состояния (Архив ИОХМ. Дело по истории Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Л. 9).

И. Н. Дроздов сообщал подробные сведения о состоянии Московских триумфальных ворот: «В Иркутске существуют на берегу реки Ангары так называемые “Московские ворота”. Они являются весьма ценным архитектурным памятником эпохи Александра I. До самого последнего времени они были в более или менее удовлетворительной сохранности и утилизировались городом в качестве места для хранения архива. Теперь, благодаря неудовлетворительности фундамента, они наклонились к реке Ангаре, дали во многих местах серьезные трещины и вообще внушают опасения, что в одно время могут рухнуть. Ввиду этого городским самоуправлением не раз поднимался вопрос об их ремонте и реставрации. Особенно этот вопрос стал наиболее жгучим в последние 4 года. Начиная с 1909 г. не проходило ни одного года, чтобы этот вопрос не поднимался. В настоящее время вопрос о ремонте их является неотложным» (Архив ИОХМ. Дело по истории художественной жизни в Иркутской губернии. Л. 16).

Заключение

Таким образом, городская среда в Иркутской губернии являлась пространством для взаимодействия участников процесса информационного обмена, передачи знаний о достижениях в мировых и отечественных интеллектуальных преобразованиях. В рамках знакомства с материалами, которые возможно было встретить в местах сосредоточения творческого сообщества, можно было наблюдать постепенное понимание посетителями основных сюжетов представляемых произведений и стремление к сотрудничеству с другими представителями городского общества. Изменения отношения к городу как центру сохранения художественного наследия определяло и стремление к объединению сил иркутской интелли-

генции в работе по сбору материалов и созданию помещений для размещения живописных полотен в конце XIX – начале XX в. В Иркутской губернии активно просветительской деятельностью занимались творческие и научные общественные организации.

Города становятся местами для создания центров сохранения художественного наследия. Работа деятелей искусства и коллекционеров была направлена на приобщение жителей Иркутской губернии к процессу сбора предметов искусства в дореволюционный период, что было отражено в документах архивов Иркутской области. Представленная деятельность творческих организаций подтверждает, что художники проявляли интерес к изучению и освоению художественного наследия региона. Выявленные материалы, сохранившиеся в архивах Иркутска, представляют основные подходы в создании стабильных контактов между разными представителями творческого и научного сообщества на протяжении всего периода развития городского пространства.

Вопросы взаимодействия деятелей искусства, коллекционеров и всего творческого сообщества в период модернизации городской культурной среды необходимо продолжать изучать, поскольку в настоящее время не существуют подробные работы о том, как художественная интеллигенция участвовала в преобразовании пространств и создании центров сохранения художественного наследия. Настоящая работа доказала, что город становится местом сосредоточения внимания исследователей к формированию бережного отношения жителей к живописным полотнам, которые находились в частных и музейных собраниях.

Литература

Дамешек, Л. М. (науч. ред.). 2019. *Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков*. Иркутск: Оттиск.

Кошман, Л. В.

2011. Город на рубеже столетий: лаборатория и хранитель культуры. *Очерки русской культуры конца XIX – начала XX в. Т. 1. Общественно-культурная среда*. М.: Изд-во МГУ. С. 17–78.

2015. Власть и город. К вопросу о самоорганизации общественности в российских городах. Конец XIX – начало XX в. *Исторический журнал: научные исследования* 4: 56–64.

Лыхин, Ю. П. 2002. *Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века)*. Иркутск: Тальцы.

Романов, Н. С.

1993. *Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг.* Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во.

1994. *Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг.* Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во.

Стась, И. Н. 2020. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири. *QUAESTIO ROSSICA* 8(5): 1807–1821.

Сукачев, В. П. 1891. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири: очерк. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К.

Ткачев, В. В.

2022. Влияние сибирской интеллигенции на развитие интереса жителей Иркутской губернии к предметам искусства во второй половине XIX – начале XX в. *История и современность* 1 (43): 61–73.

2023. Общественное значение музеев в городском пространстве Иркутской губернии и отношение к предметам искусства на рубеже XIX–XX вв. *История и современность* 2 (48): 86–100.

Туманова, А. С. 2008. *Общественные организации и русская публика в начале XX века*. М.: Новый хронограф.

Фатьянов, А. Д.

1993. Воспитанники петербургской Академии художеств в Иркутске. *Русская академическая школа. Проблемы и традиции: Материалы научной конференции «Сукачевские чтения – 1990»*. Вып. II. Иркутск. С. 11–15.

1995. *Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии*. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во.

Чирков, В. Ф. 2014. *Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель* в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска».

Шахеров, В. П.

2013а. Культурная среда городов Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX в. *Сибирский город XVIII–XX веков: сб. статей*. Вып. 9. Иркутск: Изд-во Иркутской высш. шк. МВД России. С. 7–22.

2013б. *Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.*: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ.

2022. Становление коллекционирования и музейного дела в Иркутске в XVIII – первой половине XIX вв. «Музей – художник – город»: сб. материалов Международной научно-практической конференции «Сукачевские чтения – 2022», 22–24 сентября 2022. Иркутск: Изд-во ИОХМ. С. 6–14.

Шелегина, О. Н.

2019. Наследие – основа формирования и развития музейного мира Сибири. *Мировые тренды и музейная практика в России*: сб. статей международной научной конференции. М.: РГГУ. С. 148–157.

2021. Взаимодействие государства и общества в процессе развития музейного пространства Сибири. *Гуманитарные науки в Сибири* 28(4): 31–36.

Архивы

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

Архив ИОХМ – Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева.

Р. И. ШАФИГУЛИН, М. И. РАХИМОВА

КАННИБАЛИЗМ И ОТНОШЕНИЕ К НЕКРОФАГИИ У ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА*

В предлагаемой статье рассматриваются тема каннибализма (поедания своих сородичей) и отношение к некрофагии (поеданию мертвецов).

Почему каннибализм, в отличие от рыб и насекомых, не развит у высших организмов – животных? Почему поедание своих сородичей является редкой, исключительной мерой?

*Насколько человеческое общество отличается от животного мира в этом аспекте, и как происходили перемены в отношении к поеданию своих сородичей у *Homo sapiens*? Когда у человечества появилось табу на поедание человеческого мяса? Рассматриваются исследования о каннибализме в животном мире, в различных человеческих обществах: охотников-собирателей, земледельцев неолита, цивилизаций бронзового и железного века.*

Ключевые слова: *насекомые, животные, неолит, бронзовый век, *Homo sapiens*, ритуальный каннибализм, эндоканнибализм, экзоканнибализм, медицинский каннибализм.*

Каннибализм в животном мире

Каннибализм широко распространен среди насекомых (Liske, Davis 1987; Elgar 1992).

Материнский каннибализм, проявляющийся в поедании самкой своих детенышей во время рождения или же в то время, когда личинки вскарабкиваются к ней на спину, встречается у некоторых скорпионов. Мучной жук (*Tribolium castaneum*) может поедать яйца своего вида при высокой численности популяции (Ho, Dawson 1966). И не только он. Многие животные охраняют определенные

* **Для цитирования:** Шафигулин, Р. И., Рахимова, М. И. 2024. Каннибализм и отношение к некрофагии у человеческого общества. *История и современность* 4: 49–78. DOI: 10.30884/iis/2024.04.04.

For citation: Shafigulin, R. I., Rakhimova, M. I. 2024. Cannibalism and Attitudes to Necrophagy in Human Society. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 49–78 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.04.

История и современность, № 4, декабрь 2024 49–78

DOI: 10.30884/iis/2024.04.04

территории, в пределах которых они нетерпимы к присутствию представителей того же вида (конспецификов). Теснота увеличивает частоту, с которой отдельные особи нарушают пространство себе подобных. Каннибализм может способствовать снижению частоты нарушений границ чужих территорий, а также сокращать перенаселенность и плотность.

Многие общественные насекомые (особенно в молодых колониях) поедают часть яиц своего выводка в качестве дополнения к белку в рационе. Исследования показали, что поедание личинок своего же вида может давать репродуктивное преимущество, так как особи-каннибалы дают большее количество потомства, чем особи, которые не являются каннибалами (Aisenberg *et al.* 2011).

Но с другой стороны, каннибалы, будь то микробы или сложные организмы, поедая свое потомство или братьев, сестер и более дальних родственников, тем самым удаляют свои гены из популяции, снижая таким образом свой эволюционный успех, что приводит к уменьшению численности всех генетически связанных родственников данного вида. И наоборот, эволюционный успех благоприятствует тем группам, где развито альтруистическое социальное поведение, где жертвуют собой ради всей популяции, тем самым давая шанс выжить не только своим прямым потомкам, но и всем родственникам, то есть сохранить гены вида. Тем не менее в мире животных наблюдается много случаев каннибализма. Многие беспозвоночные видят в особях своего вида просто пищу. Каннибализм сильно развит внутри таких групп беспозвоночных, как моллюски, пауки и скорпионы. Тысячи водных беспозвоночных, таких как моллюски и кораллы, имеют крошечные планктонные яйца и личинки, и они часто являются основным источником пищи для взрослых особей, питающихся с помощью фильтрации. Поскольку планктонные формы часто принадлежат к тому же виду, что и взрослые особи, это по определению делает форму фильтрообразного питания неизбирательным каннибализмом. Черные пауки-амауробииды (*Amaurobius ferox*) также занимаются каннибализмом. На следующий день после того, как у них вылупляются паучата, матери раздают своим голодным детенышам собственные или чужие кладки трофических яиц. Трофические яйца откладываются специально для пропитания потомства. Они чаще всего не оплодотворены, хотя внешне не отличаются от обычных. Трофическими яйцами молодое потомство кормят в течение трех дней, после чего паучатам требуется другая пища. Но они слишком велики,

и мать не всегда в состоянии обеспечить им должное количество пропитания. В крайнем акте родительской заботы она зовет детенышей к себе, барабаня по их паутине, и прижимается всем телом к собирающейся толпе. Голодные паучата съедают ее живьем, высасывая телесные жидкости и оставляя после себя похожий на шелуху труп (Elgar, Nash 1988; Forster 1992; Kim, Roland 2000).

У некоторых видов улиток детеныши-каннибалы превращаются во взрослых вегетарианцев (Baur 1987). Тест на пищевые предпочтения показал, что только что родившиеся детеныши травоядной улитки питаются исключительно яйцами своего собственного вида (даже когда им предлагают салат); четырехдневные особи употребляют равное количество яиц и салата; а 16-дневные отдают предпочтение овощам. Улитки старше четырех недель при отсутствии салата умирали от голода, хотя им предлагали яйца. Причина такого постепенного перехода к полному вегетарианству, по-видимому, заключается в том, что эти улитки, как и другие травоядные (от термитов до коров), нуждаются в кишечнике, полном симбиотических бактерий, прежде чем они смогут переваривать растительный материал.

Каннибализм встречается также у всех позвоночных, начиная с рыб и заканчивая млекопитающими. Случаи, когда родители съедают свое потомство, были отмечены у грызунов, таких как полевки, мыши и древесные крысы, у кроликов, а также землероек, кротов и ежей. Правда, чаще всего это происходит в целях сокращения размера помета в периоды, когда еды не хватает. Самки поедают своих детенышей и в тех случаях, когда размер помета превышает количество доступных сосков или когда они деформированы, слабы.

Каннибализм весьма часто встречается у рыб (FitzGerald, Whoriskey 1992: 251). Это объясняется тем, что группа в целом имеет больше общего с беспозвоночными, чем с другими классами позвоночных: рептилиями, птицами и млекопитающими. А для беспозвоночных, как уже говорилось, каннибализм является скорее правилом, чем исключением. Поэтому и схожие с ними рыбы производят такое количество икры, которое заведомо рассчитано не только на выживание, но и на то, что большая часть будущего потомства будет съедена. Самка атлантической трески (*Gadus morhua*) производит от 4 до 10 млн яиц за один нерест. А океанская рыба-луна (*Mola mola*) может произвести 300 млн яиц за один нерест – рекорд среди позвоночных. Такое обилие яиц делает их важной составляющей рациона прежде всего представителей соб-

ственного вида. Есть также предположение, что рыбы в еде не брезгуют и своим молодняком, в отличие от других позвоночных. Если детеныши наземных позвоночных сравнительно крупны, то рыбы икринки, личинки и мальки обладают маленькими размерами. Так, взрослая треска по размерам примерно в миллион раз больше, чем ее яйца. Поскольку икринки имеют высокую питательную ценность, они становятся особенно желанной добычей. А их огромное количество исключает опасность снижения популяции даже при том, что большая часть потомства будет использована в качестве пищи для родителей. У некоторых рыб, например щуки, более мелкие особи ее собственного вида составляют около 20 % рациона. Поэтому ихтиологи считают исключением из правил отсутствие каннибализма у рыб, а не его наличие.

Еще одно любопытное наблюдение. Самки рыб, в отличие от самок наземных животных, крайне редко проявляют родительскую заботу о потомстве. Матери наземных позвоночных кормят своих детенышей, защищают выводок и обучают его добывать себе пищу. Самки рыб в основном считают свой долг выполненным сразу после нереста. Происходит это потому, что они теряют огромное количество энергии, производя яйца, и не могут позволить себе тратить много энергии на уход за ними (FitzGerald, Whoriskey 1992).

Поскольку икра и мальки большинства видов рыб обитают в опасных условиях, где присутствует большое число потенциальных хищников, включая родственников, охрану потомства и заботу о нем берут на себя самцы. Они охраняют места яйцекладки, а затем и мальков. В данном случае родительская забота действительно имеет место, но самцы часто во время своего «бебиситтерства» компенсируют затраченные усилия тем, что съедают часть (частичный сыновний каннибализм), а иногда и все икринки. Объясняется это просто. Если самец хоть на время покинет яйцекладку в поисках пропитания, на беззащитные икринки тут же нападут другие рыбы, и прежде всего родственные самцы. Более добросовестные родители вынуждены в некоторой степени голодать. Но такая практика ухудшает их общее физическое состояние и, следовательно, снижает вероятность будущего репродуктивного успеха. Потребляя часть своего выводка, самцы увеличивают шансы на выживание и, соответственно, на производство нового потомства в будущем. Например, самцы бычков-бубырей (*Pomatoschistus minutus*)

в условиях повышенной опасности частично, а то и полностью съедают собственный выводок.

Кроме того, следует учитывать, что самцы вкладывают в производство выводка гораздо меньше энергии, чем самки. Производство сперматозоидов энергетически менее затратно, чем усилия самок, которым приходится носить брюшко, полное яйцеклеток. Таким образом, родительские инвестиции в потомство у рыб-самцов и рыб-самок неравнозначны, и самцы недостаточно высоко ценят свое потомство (Gilmore *et al.* 1983).

Но среди рыб есть виды, защищающие свое потомство различными способами. Так, африканские цихлиды после нереста забирают икринки в рот и вынашивают их до тех пор, пока из икринок не вылупятся мальки. Более того, и после появления мальков цихлиды, завидев опасность, широко открывают рот, и мальки быстро заплывают в ротовую полость – надежное убежище от хищников. Но вынашивать икру и голодать все это время невозможно, так же как и есть обычную еду, неся полный рот яиц. Цихлиды и другие рыбы, носящие во рту икринки, обходят это досадное обстоятельство самым простым способом – съедая часть своего потомства. Правда, голодные самки стараются избирательно потреблять только неоплодотворенные яйца, но делать это с наполненным ртом достаточно сложно, и примерно 15 % оплодотворенных икринок становятся жертвами каннибализма. В ходе наблюдений было замечено, что если в период вынашивания икринок выводок из-за каннибализма сильно уменьшится в размерах и составит примерно 20 % от первоначального, самки прекращают вынашивание икринок и съедают остаток полностью. Выращивать всего 20 % от выводка непродуктивно, так как затраты на уход за ними требуются такие же, как и за полноценным выводком. Самка уже потеряла много энергии, вынашивая икринки, и восстанавливает эти энергозатраты, плотно закусив оставшейся частью потомства, после чего отправляется на поиски нового партнера в попытке все же произвести полноценный выводок.

Каннибализм встречается также у многих видов змей, ящериц, крокодилов и американских аллигаторов (*Alligator mississippiensis*) (Delany *et al.* 2011). И здесь также родители и их родственники употребляют в пищу свой молодняк. Правда, рептилии, в отличие от рыб и амфибий, не знают личиночной стадии, их зародыши проходят все стадии развития непосредственно внутри яйца (Polis, Myers 1985; Pfennig *et al.* 1994). Яйцевую оболочку покидают вполне

зрелые особи, только маленькие по размерам. Это обстоятельство и делает их возможной добычей для родни (Pfennig 1992, 1990).

А вот среди птиц каннибализм редок, хотя они также откладывают яйца (Mock 1984). Но производство потомства у птиц требует куда больше родительской заботы. Самки высиживают птенцов, покидая гнездо на самый короткий срок, чтобы подкрепиться, число яиц, как правило, невелико, и родители дорожат птенцами, тратя все силы на обеспечение их пищей и защищая от внешних врагов, в качестве которых выступают мелкие хищники и хищные птицы. Но сами родители и их родственники птичье потомство, как правило, не трогают. Тем не менее гетероканнибализм (при котором съедают не своих детей и не детей прямых своих родственников) был зарегистрирован в семи из 142 птичьих семейств. Например, в колонии серебристых чаек (*Larus argentatus*) наблюдались набеги на соседние гнезда. Чайки воровали друг у друга яйца и съедали их. Примерно четверть яиц и птенцов стали жертвами каннибализма (Parsons 1971).

Братский каннибализм, при котором братья и сестры съедают более слабых, встречается среди хищных птиц. Птенцы орла, ястреба, пустельги и совы поступают так иногда при недостатке корма. Такая же трагедия происходит время от времени в семействе белой цапли (*Leucophox thula*). Обычно она откладывает три яйца. Но если первые два получают серьезную дозу гормонов еще в теле матери, то третьему яйцу достается только половина. В результате последнему птенцу недостает агрессивности. В любом случае его ждет печальная участь. Если пищи много, то более крупные братья и сестры просто выбрасывают его из гнезда. Но если цапля не может прокормить потомство из-за отсутствия альтернативных источников питания, более агрессивные птенцы спокойно убивают не умеющего сопротивляться брата и съедают его. Безусловно, каннибализм у птиц имеет явную связь с нехваткой пищи. Но есть предположение, что, несмотря на свою жестокость, он не лишен и рационального зерна. По крайней мере, поедание умирающего или уже умершего и разлагающегося птенца может предотвратить заражение здоровых и не допустить ухудшения состояния всей кладки. По-видимому, есть определенные положительные стороны и в избавлении от мертвых цыплят (такие случаи также наблюдаются), прежде чем они привлекут к себе массу падальщиков – мух и личинок. Большинство видов муравьев также поедают своих павших со-

братьев, предотвращая тем самым их разложение и возможное заражение муравейника.

Хотя птичий каннибализм – относительно редкое явление в дикой природе, на птицефабриках ситуация иная. Когда тысячи птиц лишены основного занятия – поиска корма – и мало чем могут занять свое время, в них просыпается агрессивность. Они начинают клевать более слабую особь или набрасываются на птицу, поранившую себе ногу, и начинают расклевывать ранку. В стае может начаться междоусобный расклев перьев вплоть до появления крови. При этом на одну курицу может напасть целая стая, и драка может перерасти в каннибализм. Считалось, что каннибализм на птицефабриках происходит из-за дефицита белка в рационе. Но сейчас исследователи пришли к выводу, что он случается из-за плохих условий содержания, в частности тесноты, несбалансированного питания и других факторов. В таких условиях курица становится злобной и может причинить много вреда другим.

На птицефабриках расклев становится настоящим бедствием. Понятно, что птицеводы прикладывают серьезные усилия в поисках решения этой проблемы. Один из вариантов такого решения – дебикирование. Процедура заключается в том, что клюв птицы немного подрезают таким образом, чтобы это не мешало ей принимать пищу и в то же время она не могла расклевывать подруг. Способ может показаться жестоким, но он достаточно эффективен. При нем действительно повышается сохранность поголовья. Но есть и другой способ, который на первый взгляд может показаться анекдотичным: на кур можно надеть очки. Правда, не простые, а с красным светофильтром. Дело в том, что в свое время американские фермеры заметили: при красном освещении на фермах расклев резко сокращается. Но значительное количество высокочастотного ультрафиолета красных светодиодных ламп не позволяет пользоваться ими непрерывно без ущерба для здоровья птицы. А красные очки в этом плане безопасны (Trudelle-Schwarz 2016).

Такая же ситуация наблюдается и у золотистых хомячков (*Mesocricetus auratus*). Каннибализм проявляется у них, если животное попадает в стесненные условия. Естественная среда обитания золотистого хомяка – пустыня и полупустыня. Живут хомяки в глубоких норах и выходят на поверхность на очень короткое время на рассвете и в сумерках для кормежки. В течение суток они проводят на поверхности в среднем 87 минут, то есть немногим более часа, а все остальное время находятся под землей. В зоомагазинах золо-

тистых хомячков часто содержат неправильно. Чтобы привлечь внимание покупателей, их помещают в хорошо освещенные аквариумы, причем, в целях экономии помещения, – неестественно большими группами. То есть хомяки находятся в состоянии постоянного стресса. Результат печальный – самки золотистых хомячков, особенно молодые, часто поедают своих детенышей.

Мыши, крысы, морские свинки и даже кролики также иногда поедают своих детенышей в неволе (в основном при нехватке пищи и воды) (Elwood 1992; Stanback, Koenig 1992). Но у золотистых хомячков каннибализм проявляется не только в отношении потомства. Если несколько взрослых хомячков содержатся в одной клетке, они начинают вести себя агрессивно по отношению друг к другу, даже если это братья и сестры. Во время драк более слабые особи нередко получают серьезные травмы, а иногда выяснение отношений завершается смертельным исходом для одного из зверьков, причем победитель съедает убитого.

И все же каннибализм скорее протivoестественное явление, а не норма. В настоящее время только 75 видов млекопитающих – из примерно 5700! – в той или иной форме подвержены каннибализму (Elgar, Crespi 1992). Хотя не исключено, что тема эта просто недостаточно изучена, и при дальнейших исследованиях может выясниться, что число животных-каннибалов выше.

В настоящее время установлено, что каннибализмом способны заниматься по меньшей мере 14 видов плотоядных. Пумы (*Puma concolor*), рыси (*Lynx lynx*), леопарды (*Panthera pardus*) и морские львы (*Phocarctos hookeri*), к примеру, прибегают к нему в случаях недостатка пищи, с целью устранения соперников в борьбе за самку, а также для увеличения возможностей спаривания. Самцы львов (*Panthera leo*), захватив прайд, чаще всего съедают детенышей, которых произвел другой самец. По-видимому, в этом проявляется репродуктивная стратегия победителя (Fox 1975; Polis 1981).

Произведя потомство, львицы занимаются им в течение полутора лет, пока детеныши не обретут минимальную самостоятельность. Все это время самки не способны к новому зачатию. Но если по каким-то причинам львица теряет малышей, то становится сексуально восприимчивой почти сразу. Стремление к продолжению рода побуждает самцов искусственно ускорить этот процесс. Они убивают детенышей, после чего спариваются и производят новое потомство (Bertram 1975).

Большинство североамериканских медведей часто убивают и едят медвежат конспецификов примерно по тем же причинам, что и львы – львят. К этому склоняются исследователи, полагающие, что детоубийство во время брачного сезона может обеспечить самцам репродуктивную возможность, а также пищевую награду. Самки белых медведей также быстрее вступают в период половой активности в случае потери потомства (Grigoras 2011; Walton 2008).

У приматов в сравнении с другими группами млекопитающих каннибализм встречается сравнительно редко. По крайней мере, он зафиксирован только у 11 из 418 существующих видов. При этом детоубийство и/или каннибализм, как правило, были связаны со стрессом – перенаселенностью, неестественными обстоятельствами (к примеру, в случае перевода группы макак-резусов на новый остров) и неудовлетворительными условиями содержания в неволе. Животные начинали вести себя агрессивно, причем в каждом случае жертвами неизменно становились новорожденные, а агрессорами выступали не просто члены группы, а прямые родственники, в том числе братья и сестры. В местах, где содержатся колонии племенных приматов, это стало настоящим бедствием, и чтобы предотвратить уничтожение потомства, беременных самок незадолго до родов стали отсаживать в отдельные клетки. Это сразу дало положительный результат.

Но существует группа приматов, в которой детоубийство и каннибализм не являются следствием неблагоприятных обстоятельств, а представляют собой достаточно распространенную практику. Обыкновенные шимпанзе (*Pan troglodytes*) – наши ближайшие родственники среди приматов. Последнее обстоятельство может удивить и шокировать, но только с позиций наших сегодняшних взглядов. Однако нельзя не признать, что *Homo sapiens* за период своего существования и развития ушли куда дальше родственных-приматов (Fernández-Jalvo *et al.* 1999). Хладнокровные убийства, изощренные по своей фантазии случаи каннибализма наряду с многочисленными и бессмысленными жертвоприношениями на протяжении всей истории и даже в современное время (об этом мы поговорим ниже) настолько впечатляющи, что на их фоне поведение шимпанзе может показаться более чем гуманным. Ведь даже в XX в., во время Второй мировой войны, каннибализм среди современных и цивилизованных людей был отнюдь не единичным явлением. Самым известным эпизодом того времени стал случай на острове Титидзима (Hearn 2003), когда японский генерал-лейтенант

Есио Тачибана (立花芳夫) приказал своим солдатам казнить группу сбитых американских летчиков, захваченных в плен. Солдаты голодали, поскольку на остров долгое время не доставлялось продовольствие. Санитары получили приказ вырезать из тел убитых печень, приготовить и подать старшему офицерскому персоналу. Остальное досталось рядовым. После окончания войны Тачибана и еще несколько человек были арестованы и подверглись суду. Но каннибализм не был включен в список военных преступлений, и арестованные фактически были осуждены и повешены лишь за то, что плохо обращались с военнопленными. А погребению с воинскими почестями погибших летчиков помешало то обстоятельство, что хоронить было нечего – убитых съели генерал и его люди. Позже выяснилось, что американская подводная лодка нашла одного из девяти сбитых летчиков и тем самым спасла его от участи быть съеденным голодающими японцами. Счастливчиком оказался 20-летний лейтенант Дж. Буш-старший (в будущем 41-й президент США) (Hearn 2003; Laurence 2003).

Но вернемся к приматам. Взрослые самцы шимпанзе довольно часто убивают детенышей «чужаков» – то есть малышей, принадлежащих самкам из посторонних групп. Здесь причина каннибализма ясна – забота о сохранении своей территории. Еще одна из причин такого поведения – недостаточное количество самок в своей группе. В этом случае самцы убивают чужих детенышей, поскольку самки с прерванным периодом кормления быстрее переходят к половой активности и самец-убийца получает возможность спариться и зачать своего детеныша. Нападение самцов шимпанзе на детородных самок происходит также во время «межобщинной агрессии», когда группы самцов шимпанзе, патрулирующие внешние границы своих территорий, сталкиваются с особями из соседних сообществ (Schutt 2017).

До сих пор мы говорили о каннибализме самцов. Но иногда им занимаются и матери. И это несмотря на то, что они затрачивают много энергии и времени на выращивание детей и, безусловно, дорожат ими. Детоубийство и поедание детенышей самками можно рассматривать как патологическое, представляющее собой отклонение от нормы. Однако существует объяснение некоторых случаев детоубийства среди самок, которое, как представляется, заслуживает внимания, несмотря на отсутствие экспериментальных данных.

Как это ни странно, детоубийство и каннибализм являются иногда формой защиты от болезней, в частности для защиты помета от инфекционного кишечного или респираторного заболевания, если один из детенышей заболевает. Хотя новорожденные животные в основном устойчивы к условно-патогенным микроорганизмам благодаря материнским антителам, проходящим через молочные железы, иногда животное может приобрести патоген из окружающей среды, если оно не получает достаточного количества материнских защитных средств или страдает от недостаточной генетически приобретенной устойчивости к воздействию различных неблагоприятных факторов. В этом случае новорожденный может выступать в качестве резервуара для размножения патогена, что представляет опасность для остального выводка. Мать замечает ранние признаки болезни ребенка и избавляется от него, чтобы спасти остальных. Прямых экспериментальных данных, подтверждающих эту точку зрения на материнский каннибализм, как уже говорилось, не существует, но ветеринары, лабораторные исследователи и селекционеры давно признали, что именно больные или деформированные от рождения младенцы наиболее часто становятся жертвами каннибализма (Hart B. L., Hart L. A. 1985; Harkness, Wagner 1995).

Но в животном мире присутствует и обратная поведенческая норма – запрет на каннибализм. Некоторые плотоядные и всеядные животные, включая крыс, проявляют нежелание питаться тушами мертвых особей своего биологического вида, даже если они очень голодны (Fox 1975). Голодные крысы, отказывающиеся есть своих мертвых собратьев, охотно делают это, если с мертвых крыс снимают шкурку (Carr *et al.* 1979: 899–906). Объяснение такому поведению видится в том, что животное, которое не было убито в бою или более сильным хищником, вполне вероятно, умерло от болезни, и поедание его небезопасно. Если же крысам предлагается мясо сородича без шкурки, они просто не знают, какой смертью он погиб, и не проявляют необходимой осторожности. Замечено, что львы и гиены также не едят сородичей, внезапно умерших своей смертью, но иногда могут съесть собрата, если сами его убили. Видимо, убитый сородич в их представлении вряд ли был болен инфекционным заболеванием; по крайней мере, шансов оказаться больным гораздо больше у того, кто умер своей смертью (Packer, Pusey 1984). Заболевания желудочно-кишечного тракта, а также системные заболевания (то есть болезни, затрагивающие весь организм) могут быть приобретены через патогенные микроорганизмы

или токсические продукты. Можно указать по крайней мере на два описанных поведенческих механизма, с помощью которых животные избегают подобных заболеваний. Это табу на каннибализм и обусловленные пищевые отвращения. Под последним термином имеется в виду реакция на определенные вкусовые свойства, напоминающие о тех, что ранее вызвали болезнь.

Каннибализм у *Homo sapiens*

Итальянский историк и священнослужитель П. М. Вермилли (1457–1526), никогда не бывавший в Америке, тем не менее очень интересовался ею и собирал материалы о Новом Свете. Его книга, которая так и называется “*De Orbe Novo*” («О Новом Свете»), была опубликована в 1530 г. и представляет собой эпическое полотно первых восьми десятилетий испанского владычества в Вест-Индии. Он собирал документы и отчеты первооткрывателей, а также лично беседовал с ними, внимательно изучил письма Х. Колумба и его доклады, тем самым проделав выдающуюся исследовательскую работу, делающую его книгу и сегодня интересной для историков (Marlar *et al.* 2000).

В ту часть книги, где подробно описаны путешествия Х. Колумба, автор включил раздел о печально известной хижине каннибалов. Он написан со слов спутника мореплавателя испанского врача Д. А. Чансы (America Journeys Collection, Doc No AJ-065). Во время второго путешествия Х. Колумба П. М. Вермилли вновь пересказал историю, рассказанную Д. А. Чансой, однако, похоже, прибавив кое-что от себя и явно сгустив краски. Вместо одной хижины, о которой говорил врач, возникло уже несколько жилищ, где в котлах варились гуси вперемешку с кусками человеческого мяса. Куски человеческих тел были также прикреплены к вертелам, готовые к жарке. Обыскав еще один дом, испанцы нашли кости человеческих рук и ног. Каннибалы хранили их для изготовления наконечников стрел (железо, бронзу и медь они еще не изобрели). Все остальные кости, после того как мясо было съедено, выбрасывались. В ходе обыска испанцы обнаружили недавно отрубленную голову молодого человека, все еще мокрую от крови.

До сих пор ведутся споры: действительно ли существовал на Карибских островах каннибализм в то время, когда на них прибыл Х. Колумб? Английский антрополог Н. Уайтхед полагает, что, хотя многие сообщения об этом являются «пропагандой колониальной империи», все же есть несколько причин, позволяющих думать, что

жители островов Карибского бассейна (как, впрочем, и другие индейские группы) прибегали к ритуальному каннибализму. Н. Уайтхед обосновывает это тем, что о людоедстве на Карибах свидетельствовали не только Колумб и его люди, такая же информация поступала и из других источников. В частности, по словам испанских конкистадоров, карибские индейцы сделали каннибализм частью погребальных ритуалов. Он был также распространен в обращении с врагами при захвате человеческих трофеев во время битвы. Ритуальный каннибализм был распространен и среди индейских племен, населявших северную часть Бразилии, таких как араваки и тупинамба.

В XVII в. испанский свидетель Хасинто де Карвахаль писал: «Обычной пищей племен на Карибских островах была маниока, рыба или дичь... Они едят и человеческую плоть, когда воюют, но делают это в знак победы, а не для утоления голода» (de Carvajal 1892).

Антропологи делят ритуализированный каннибализм на две формы: экзоканнибализм и эндоканнибализм. Экзоканнибализм (от греч. «извне») относится к потреблению индивидов, не относящихся к собственной общине или социальной группе, в то время как эндоканнибализм (от греч. «внутри») определяется как ритуальное потребление умерших членов своей семьи, общины или социальной группы.

Что касается экзоканнибализма, то в ряде исторических источников действительно утверждается, что карибы поедали своих врагов, как убитых в бою, так и взятых в плен или захваченных во время набегов. Считалось, что при этом положительные качества врагов, такие как сила, мужество, переходят от умерших к живым (Schutt 2017).

Кроме того, широкое распространение повсюду получила практика поедания человеческой плоти как акт мести. По-видимому, победители испытывали огромное удовлетворение, поедая поверженного врага. В Африке, особенно в южной ее части, среди племен алленга и фанг в Габоне, как и в Меланезии, победители также съедали тело врага. Считалось, что при этом они навсегда избавлялись от его призрака, который в противном случае мог бы постоянно возвращаться в деревню и даже, возможно, мстить оставшимся в живых врагам (Каневский 2014).

В некоторых случаях каннибализм превращался в мучительную пытку: еще живого врага не спеша расчленяли, отсекая ему то ногу,

то руку, которые тут же, на глазах содрогающейся жертвы, жарили на огне и съедали. Считалось, что это проявление самого глубокого презрения к поверженному противнику. Племя батаков практиковало каннибализм как вид самого сурового наказания внутри сообщества. Оно назначалось за такие преступления, как измена или прелюбодеяние с женой вождя. До начала ужасной трапезы близкие родственники преступника должны были принести достаточное количество соли и извести, требующихся для обработки тела жертвы. Присутствие родных преступника на церемонии было обязательным. По-видимому, это позволяло избежать вражды между семьями пострадавшего и преступника (Талалай С., Талалай Я. 1998).

В другие времена и в других местах экзоканнибализм использовался для того, чтобы запугать врага и одновременно накормить голодных, поскольку племя испытывало недостаток пищи. Причем подобные вещи происходили в достаточно близкое к нам время. В 1960-х гг. антрополог П. Кластер, живший в Парагвае, утверждал, что одна из четырех групп, которые он изучал, съела своих врагов. Аналогичные заявления были сделаны и о племени тупинамба в восточной Бразилии. Наиболее точные сведения о южно-американских каннибалах современники получили от немецкого моряка Г. Штадена, дважды побывавшего в составе испанской и португальской экспедиций конкистадоров. Во время второго путешествия судно, на котором находились члены экспедиции, потерпело кораблекрушение, и Штаден попал в плен к индейцам. В плену он провел год, после чего сумел сбежать и после возвращения в Европу опубликовал в 1557 г. повесть о своих приключениях «Достоверная история и описание страны диких, голых, суровых людей-людоедов Нового Света Америки» (*Warhaftige Historia und Beschreibung einer Landtschafft der Wilden Nacketen, Grimmigen Menschfresser-Leuthen in der Newenwelt America gelegen*). Г. Штаден подробно описал жизнь и быт племени тупинамба (тупи), их набеги на недружественных индейцев, которые заканчивались кровавой трапезой: победители убивали и ели всех, кого они захватывали. При этом тупи соединяли каннибализм с обрядом жертвоприношения. В назначенный день связанного пленника выволакивали на деревенскую площадь. Здесь путы с него снимали, и начиналась смертельная игра: пленника окружали женщины, которые всячески оскорбляли его и издевались над ним. Жертве разрешалось оборо-

няться. Плененный кидал в них фрукты и черепки от глиняной посуды, но судьба его была предрешена: старухи, раскрашенные черно-красными полосами, с ожерельями из человеческих зубов на шее, уже притаскивали на площадь украшенные орнаментом глиняные горшки, в которых будут сварены кровь жертвы и ее внутренности. Тут инициатива переходила к мужчинам. Церемониальная дубинка, которая использовалась для убийства, переходила у них из рук в руки, чтобы «наделить силой и помочь поймать в будущем еще не одного пленника». Пленнику наносились удар за ударом. Правда, он получал определенную свободу передвижений по ограниченному пространству, чтобы уклоняться от ударов, более того, иногда и ему давали дубинку, чтобы обороняться, но это было лишь продолжением «игры» – вырваться за пределы смертельного круга пленник не мог, и какую бы ловкость и находчивость ни проявил, рассчитывать на помилование ему не приходилось. Когда же силы несчастного иссякали и он уже не мог сопротивляться, ему наконец раскраивали череп, что сопровождалось радостными криками и свистом. Если у пленника до казни была жена из местных, то она должна была проливать слезы над убитым, но потом все равно присоединиться ко всеобщему торжеству. Очень безобразно выглядели старухи племени, отталкивавшие друг друга, чтобы быстрее добраться до мертвого и напиться его теплой крови. Детей заставляли погружать в кровь руки. Матери смазывали кровью соски (Каневский 2014).

Ритуальный канниализм

Меланезийцы (те социальные группы, которые жили на Фиджи, Соломоновых островах, Вануату и Папуа – Новой Гвинее) практиковали канниализм как часть погребального обряда. В частности, перед захоронением из тел умерших вырезались небольшие лакомые (с точки зрения соплеменников) кусочки, которые поедались родственниками. Глубоко в тропических лесах Западной Амазонии живет индейское племя вари. Антрополог Б. Конклин, изучавшая его быт и обычаи, сообщила, что до 1960-х гг. вари потребляли человеческую плоть, а также костную муку, смешанную с медом. Проведя обширные интервью со старейшинами вари, она пришла к выводу: индейцы этого племени остро осознают, что длительное горе затрудняет скорбящим жизнь. Поскольку труп – самое силь-

ное напоминание о несчастье, от него избавляются таким образом. При этом погребение в землю вари считали особенно отталкивающим, находя землю холодной, влажной и грязной. Они полагали, что оставлять тело любимого человека гнить в грязи неуважительно и унижительно для мертвых и душераздирающе для тех, кто оплакивал их (Conklin 2001).

Народ форе обитает на территории Восточного нагорья Папуа – Новой Гвинеи. Традицию ритуального каннибализма здесь чтили, так как считали, что лучше быть съеденным своими близкими, чем червями и личинками, и, кроме того, видели в каннибализме устойчивую форму выражения любви к умершему и скорби в связи с его смертью. Более того, жутковатая трапеза, по убеждению форе, должна обеспечить благополучный проход усопших в квеланандамунди – Страну мертвых. Ритуал каннибализма был тщательно продуманным. Тело умершего укладывали на покров из съедобных листьев таким образом, чтобы он не касался земли, так как подобное было бы неуважением к нему. Тело разрезали бамбуковым ножом на части, которые обрабатывались затем несколькими женщинами, доводившимися умершему родственницами. Чаще всего это были дочери и невестки покойного. Они разрезали большие куски мяса на более мелкие полоски, которые укладывались в бамбуковые сосуды вместе с листьями папоротника и варились на костре. Следующая часть ритуала считалась особенно важной. Самые старые женщины окружали тело сплошной стеной, чтобы молодые женщины и дети не видели, как удаляются кишки и гениталии. Эти органы вручались вдове, если таковая имелась. Как только мясо было готово, воду из бамбуковых сосудов вычерпывали, а мясо выкладывали на общие тарелки, сделанные из листьев. В погребальной трапезе участвовали родственники покойного и их дети. Голова покойного также была частью трапезы. Ее сначала варили, чтобы удалить волосы, затем череп раскалывали каменным топором, а мозг удаляли. Полужелатиновую ткань, считавшуюся деликатесом, смешивали с папоротником, варили и также съедали. Кости прокалывали на огне, что облегчало дальнейшее измельчение их в порошок, который смешивали с травой и нагревали в бамбуковых трубках. Согласно сведениям, полученным от английского исследователя-нейробиолога Дж. Уитфилда, племя форе съедало все, вклю-

чая репродуктивные органы умершего и фекалии, выскобленные из кишечника (Collinge *et al.* 2008; Schutt 2017).

В других местах останки кремации смешивали с супом для живых родственников. Так, антрополог Н. Шаньон рассказывает о традиционном обычае каннибализма среди индейских племен яномамо, живущих в лесных районах на севере Бразилии и юге Венесуэлы. Сначала тело кремируют на деревенской поляне, причем дым погребального костра считается опасным для живых. Поэтому детей и больных стараются удалить из деревни на время ритуала. Оставшийся после кремации пепел «торжественно просеивают» и хранят в тыкве, а несгоревшие кости и зубы помещают в специальное полое бревно, в котором размалывают в тончайший порошок. Затем туда вливается отвар подорожника, который «торжественно выпивается», в то время как собравшиеся «громко и отчаянно скорбят, выдирая руками волосы и обильно плача». Пепел в тыквах хранится для новой церемонии, когда соберется большее число родственников. Его также разводят отваром подорожника, и этот своего рода суп дружно поглощается. Детский пепел, как правило, небольшой по объему, после разведения отваром подорожника пьется только родителями (Chagnon 1992).

Геродот сообщал, что в некоторых регионах варварских земель умерших стариков не хоронили и не кремировали – их просто съедали любящие родственники. Причины такого странного захоронения были разными. Съедение трупа обычно считалось проявлением симпатии к усопшему, и было широко распространено поверье, что участники людоедской трапезы унаследуют все положительные качества умершего.

Обычай поедания тел усопших родственников был широко распространен также среди индейского племени калатиан. Члены племени диери в Центральной Австралии также занимались каннибализмом, но в несколько ограниченном виде: они съедали только жир мертвеца, снимая его с некоторых частей тела. Правда, они срезали еще плоть с лица, живота и некоторых суставов умершего, считая, что именно через эти части тела передается сила его души (Талалай С., Талалай Я. 1998).

Члены отдельных африканских и австралийских племен поедают своих умерших родственников, считая это самым хорошим способом захоронения. Целая группа племен на севере Тихоокеанско-

го побережья занималась каннибализмом во время тщательно разработанных церемоний, призванных установить добрые отношения с богами. Так, племя овимбунду, жившее в Юго-Западной Африке, устраивало людоедское пиршество, чтобы задобрить богов и обеспечить тем самым удачу каравану, отправляющемуся в дальний путь (Каневский 2014).

Каннибализм был редкостью и вовсе не являлся мотивом для убийства среди обществ охотников-собирателей аборигенной Австралии. Аборигены в целом ненавидели тех, кто употребляет человеческое мясо. Часто группа аборигенов называла своих врагов каннибалами. Во многих мифах рассказывалось о злых духах, которые убивали людей ради еды. А вот на островах Новой Зеландии и Новой Гвинеи каннибализм широко практиковался, и прежде всего ради получения белковой пищи. Несмотря на то что на этих островах жили более продвинутые общества, в отличие от аборигенов Австралии, эти племена занимались земледелием.

Австралийские антропологи К. и Р. Берндт считали, что каннибализм в Австралии в более общем смысле, без сомнений, практиковался, но его распространенность была «сильно преувеличена» (Berndt R. M., Berndt C. H. 1954). Ритуальный каннибализм практиковался из любви. Как писали исследователи, «они едят плоть своих собственных детей (умерших естественной смертью) из-за любви и привязанности... Кажется очевидным, что цель ритуального каннибализма (при погребении съедались части тела) состояла в том, чтобы усвоить некоторые качества умершего человека. А ребенка дать возможность заново переродиться... Часто аборигены носили с собой части тела трупа, подвешивая к шее иссохшую человеческую руку, и таким образом оказывали дань уважения умершему человеку» (*Ibid.*).

Такая практика, несомненно, обеспечила им незаслуженную репутацию каннибалов. Археолог М. Пикеринг пришел к выводу, что природа каннибализма была сильно преувеличена и искажена. Были зафиксированы случаи каннибализма и убийства на юге Австралии в Виктории, на севере в прибрежных землях Арнем и на северо-востоке в Квинсленде. Матери душили новорожденных, так как возобновленной подачей молока мог воспользоваться не отлученный от груди старший ребенок. По этим же причинам при рож-

дении одного из пары близнецов убивали, так как грудного молока хватало лишь на одного ребенка.

Также убивали уродливого ребенка или сиамских близнецов. Частота убийства новорожденных детей увеличивалась в трудные времена. Если мать умирала при родах или от болезни, и от нее оставался ребенок, то он также погибал. При кочевании на новую стоянку нежелательных детей оставляли в старом лагере. Когда в Сиднее в 1792 г. женщина умерла от чахотки (туберкулеза), ее тело положили в могилу, рядом с ней оставили маленькую дочь, бросив камень на голову ребенка, и быстро засыпали могилу. Такую страшную, трагическую смерть ребенка аборигены считали более гуманной. Из-за отсутствия кормящей матери младенца ожидала голодная смерть: для них почти не существовало альтернативного питания, кроме молока матери, так как не было одомашненных животных, следовательно, и молока животного происхождения. Племена не занимались фермерством, не было керамических сосудов, в которых можно было бы сварить пригодную для младенцев мягкую еду – кашу из диких овощей и фруктов (Campbell 2002; Flood 2007).

По словам археолога М. Пикеринга, который рассмотрел все этнографические упоминания о каннибализме у аборигенов Австралии, было две формы каннибализма: погребальный, при котором поедались части тела умершего из своего окружения, и употребление в пищу плоти убитых врагов.

Аборигены северного Квинсленда, живущие в районе реки Паннфазер (Австралия), весьма своеобразно подходили к захоронению умерших детей. Обычно туземцы отрезали у них подошвы и некоторые особенно мясистые части бедер, которые жарили, тушили, затем резали на маленькие кусочки и откладывали про запас. Иногда матери предоставлялось право полакомиться мясом собственного умершего ребенка. При этом существовало убеждение, что теперь дух ребенка вновь возродится, но уже в теле матери.

Поедание трупов вместо их захоронения было распространенным явлением в некоторых регионах Новой Гвинеи. Старого дедушку, которому явно оставалось жить считанные дни, а то и часы, любящие внучата выводили из дома и привязывали к ветвям дерева. После того как старик умирал, они принимались энергично тря-

сти дерево и делали это до тех пор, пока труп не падал на землю. Члены семьи зажаривали его и съедали.

В племенах жумана и кобена в бассейне Амазонки благоговейно поедались трупы наиболее почитаемых родственников в надежде, что к живым перейдут все их положительные качества. У североамериканских индейцев квакиутль существовал обычай своего рода посвящения молодых во взрослых членов племени. Для этого устраивалось каннибальское пиршество, во время которого лучшие качества умершего должны были перейти его молодым родственникам. Умерших хоронили на деревьях. Предварительно тело мертвеца выдерживали в соленой воде, потом коптили на костре и только после этого подвешивали на ветви дерева. На таком празднике посвящения каждый из молодых родственников (причем строго по старшинству) брал кусочек трупа и угощался (Талалай С., Талалай Я. 1998).

Все же на основании этноисторических свидетельств, передававшихся на протяжении сотен лет, считается, что племена многих островов Карибов, Тихого океана и племена, живущие на материках, но ведущие архаичный образ жизни охотников-собирателей, вероятнее всего, практиковали как эндоканнибализм, то есть ритуальный каннибализм, так и экзоканнибализм, целью которого было получить власть над побежденными врагами. Но не стоит думать, что только примитивные народы использовали ритуальный каннибализм. Даже в развитых европейских странах и на Дальнем Востоке был распространен так называемый медицинский каннибализм.

Медицинский каннибализм

Употребление измельченных человеческих костей или органов для лечения какой-либо болезни подпадают под общую рубрику медицинского каннибализма, который, по сути, можно рассматривать как форму ритуального каннибализма. Многие просвещенные христиане эпохи Возрождения из Испании, Англии, Франции, Германии и других стран обращались к лекарственному каннибализму. Врачами в лечебных целях использовались все мыслимые части тела, включая «человеческую печень... масло, полученное из человеческого мозга, измельченное сердце, камни мочевого пузыря, теплую кровь, грудное молоко и экстракт желчи <...> Также попу-

лярными в лечебных отварах были кости, мясо и жир, последний прикладывался к ранам или принимался внутрь для лечения ревматизма» (Sugg 2011).

Европейцы, от королей до простолюдинов, регулярно, считая, что это делается в лечебных целях, употребляли в том или ином виде человеческую кровь, кости, кожу и другие части тела.

Члены британской королевской семьи применяли, пили или носили отвары, приготовленные из частей человеческого тела, и продолжали делать это вплоть до конца XVIII в. Спрос на части человеческого тела постоянно рос, в результате чего популярность публичных казней в XVII в. также резко возросла. В своей жестокости цивилизованные народы даже превосходили диких индейцев – известно немало случаев, когда отборные куски мяса отрезали от заключенных еще при их жизни. Среди сторонников медицинского каннибализма были такие видные просвещенные люди, как король Франции Франциск I (1494–1547), итальянский анатом Я. Беренгаро да Карпи (1460–1530), поэт и священник Дж. Донн (1572–1631), философ и основоположник эмпиризма и английского материализма Ф. Бэкон (1561–1626), хирург Елизаветы I Дж. Банистер (1533–1610), врач и зять У. Шекспира Дж. Холл (1574–1635) и натурфилософ, химик и изобретатель Р. Бойль (1627–1691).

Человеческие черепа, не растертые в порошок, часто оставляли на воздухе, где они служили субстратом для «черепного мха» – лечебного средства, применяемого при кровотечениях и для лечения заболеваний головы. По утверждению натуралиста и философа Р. Джеймса (1703–1776), Парацельс считал, что мох, выращенный на телах непогребенных умерших, вполне приемлем (Sugg 2011).

Самым известным примером европейского медицинского каннибализма может служить обычай измельчения мумий. Полученный порошок часто использовали как ингредиент различных напитков, его добавляли к мазям, а также к тканевым компрессам. Мумия использовалась при лечении различных заболеваний, начиная от эпилепсии и кровоподтеков и заканчивая кровоизлияниями и расстройством желудка (O’Hearn 2018). Но проблема заключалась в том, что мумии было трудно достать. В Европу их привозили из Египта, но в ограниченном количестве, что приводило к массовому недовольству. Высокий спрос породил кустарную промышленность по изготовлению суррогатных мумий, которая очень ско-

ро стала процветать. Причем заказы на эрзац-мумии делали сами врачи. Немецкий врач О. Кролл (1560–1609) рекомендовал сделать мумию из трупа рыжеволосого мужчины 24 лет, который был повешен. Труп должен был лежать в холодной воде в течение 24 часов, после чего плоть разрезали, вытаскивали внутренности, посыпали благовониями мирры и алоэ. После этого его замачивали в спирте, вине или скипидаре и, выдержав так в течение 24 часов, подвешивали на 12 часов, снова замачивали в спиртовой смеси на 24 часа и, наконец, подвешивали для просушки.

Не исключено, что измельчение мумий в медицинских целях началось из-за неправильного перевода древних текстов. Арабы часто использовали для заживления ран вещество, полученное на основе нефти. Мы называем его битумом. На арабском оно называется «мумие». Этот продукт природно-биологического происхождения использовался как лекарственное средство не только у арабов, но также в Древней Индии и Древней Греции. Обнаружив мумифицированные человеческие останки в Египте, который они захватили в VI в. н. э., арабы ошибочно пришли к выводу, что при изготовлении мумий в процессе консервации применялся битум. Столетия спустя европейцы узнали о лечебных свойствах мумие. К несчастью, переводчиков древних текстов смутило созвучие слов *мумие* и *мумия*. В результате европейцы запаслись мумиями – бальзамированными мертвецами, а не мумие – смолистым веществом (O’Hearn 2018; Parra 2019).

Такой самообман растянулся на сотни лет, лекарственный каннибализм был широко распространен в западной культуре. Однако в период эпохи Просвещения он резко исчезает, и даже в исторических записях о нем не найти упоминания.

Но у китайцев, чья литература, медицинские тексты и исторические отчеты охватывают более 2 тыс. лет, содержатся подробные инструкции, как готовить и использовать части человеческого тела в качестве лечебных средств. Первое документальное подтверждение использования человеческих органов и плоти в лечебных целях относится к периоду династии Хань (25–220 гг. н. э.), а лекарственный каннибализм становился все более популярным начиная с династии Тан (618–907 гг. н. э.). К концу правления династии Цин (1644–1912) западные врачи-миссионеры, ознакомившись с опытом своих китайских коллег, писали, что китайское ле-

чение включает в себя потребление «желчного пузыря, костей, волос, пальцев ног и ногтей, сердца и печени» (Chong 1990).

Т. Чен, профессор патологии в Медицинской школе Нью-Джерси, говорит, что «ногти, волосы, кожа, молоко, моча, осадки мочи, желчь, плацента и даже плоть» были популярны в Китае как лечебные средства на протяжении всей его истории [Schutt 2017].

Жертвоприношение

Но чем выше по своему развитию находилось общество, тем сильнее менялось его отношение к каннибализму. Если у первобытных племен, у охотников-собирателей каннибализм был безыскусный – пленников просто съедали, то скотоводы, а также племена, ведущие оседлый образ жизни, пленников перед этим часто приносили в жертву. Делалось это в храмах и во время ритуальных церемоний, и поэтому считалось, что участники обряда не просто поедают труп врага, а становятся участниками жертвоприношения. Этот момент был важной составной частью священных празднеств многих местных традиционных культур до возникновения государств в Месопотамии, Египте, Индии, Китае и Европе. Отголоски его дошли почти до наших дней. Всего 100 или даже 50 лет назад в сотнях туземных общин на территории Африки к югу от Сахары, в Юго-Восточной Азии, Малайзии, Индонезии и Океании действовал обычай принесения в жертву пленников и распределения между присутствующими на ритуале кусочков их мертвых тел.

У ацтеков человеческое жертвоприношение существовало и широко применялось как религиозный культ; по уровню культурного развития они находились в позднем мезолите, в медно-каменном веке. Схожую картину мы наблюдаем в Старом Свете, где в период мезолита и энеолита, во времена воздвижения курганов, были распространены жертвоприношения. Правда, существовало строгое табу на употребление в пищу человеческой плоти. Практика человеческих жертвоприношений в Старом Свете очень редко сопровождалась поеданием человеческой плоти. Сообщения о случаях каннибализма в Египте, Индии, Китае обычно появлялись в периоды голода, и все они являлись актом отчаяния перед реальной угрозой смерти.

Табличка из Лагаша, составленная около 2500 г. до н. э., сообщает нам, что тысячи вражеских трупов обычно складывались в боль-

шие пирамиды. Захваченные в плен воины часто становились объектом жертвоприношений и в Древнем Китае. Массовые убийства пленных происходили здесь на похоронах вождей и императоров, часто в число жертв попадали также их жены, слуги и телохранители. Скифы, например, хороня царя, убивали всех царских поваров, конюхов и слуг. Умерщвляли и прекрасных холеных лошадей (нередко вместе с юными наездниками), чтобы вельможные усопшие могли кататься в потустороннем мире. Следы принесения в жертву царских слуг удалось обнаружить в древних египетских гробницах в Абидосе, а также в погребениях шумерских царей в Уре.

В Китае в конце 2-го тыс. до н. э., по всей видимости, было совершено множество таких человеческих жертвоприношений. Тысячи людей гибли на каждых похоронах императора только для того, чтобы в ином мире он не испытывал нехватки в слугах и почитателях. Этот кровавый ритуал, так же как и принесение в жертву пленников, исчерпал себя во время правления в стране династии Чу (1023–257 гг. до н. э.). При династии Цинь живых людей и животных во время жертвоприношений заменили глиняные изваяния. Когда в 210 г. до н. э. скончался первый император объединенного Китая Цинь Шихуанди, по случаю этого печального события было изготовлено 6 тыс. керамических статуй в натуральную величину – они изображали его пехотинцев и кавалеристов на конях (Каневский 2014).

Вполне возможно, наши далекие предки *Homo antecessor* и *Homo heidelbergensis* употребляли в пищу своих сородичей чисто в практических целях, в качестве дополнительного источника питания. Но, как мы видим, по мере того как культура эволюционировала, отношение к человеческому телу, пусть даже мертвому, становилось более уважительным. В самых архаичных племенах бывали случаи, когда труп родственника или врага съедали, придавая каннибализму религиозно-ритуальный оттенок. Со временем, в неолите и бронзовом веке, во многих регионах уже существовал ритуал принесения в жертву людей, но съедали их довольно редко. Во времена Троянской войны сами греки не сторонились убийства небольшого числа пленников, чтобы тем самым умиловить богов. Согласно Гомеру, например, ее легендарный герой Ахилл бросил на погребальный костер своего погибшего соратника Патрокла 12 захваченных в плен троянцев, чтобы боги, получив такую жерт-

ву, были добры к его другу. Человеческие жертвоприношения играли важную роль и в религии кельтов. У них эта процедура осуществлялась под присмотром особой касты жрецов, получившей название друидов. Геродот сообщает также об «охотниках за черепами» – скифах, живших в низовьях Дуная и на берегах Черного моря. Они, как правило, приносили в жертву каждого сотого пленника из захваченных на поле брани. Видимо, традиция «охоты за черепами», дожившая до начала железного века, имеет более древние истоки. Ведь даже совсем недавно, до прибытия европейцев, в архаичных первобытных племенах Полинезии, Меланезии, Новой Гвинеи, некоторых племенах Африки и у индейцев Америки существовала практика «охоты за человеческими головами».

Вполне вероятно, что там, где популяция не испытывала на себе давления эпидемий или же эпидемии происходили очень давно, в генетической памяти человечества стиралось представление о повальной смертности, культура погребения и отношение к останкам формировались иначе и возникали различные традиции так называемого эндоканнибализма, другие случаи ритуального каннибализма и жертвоприношения.

Опасен ли был каннибализм для тех, кто практиковал его? Безусловно, поскольку он способствовал передаче трофических заболеваний внутри популяции.

Наиболее существенным из них является повышенная вероятность приобретения вредных паразитов или болезней, относящихся к одному и тому же биологическому виду. Как паразиты, так и патогены часто являются видоспецифичными, и во многих из них уже развились механизмы поражения иммунной защиты хозяина. В результате хищники, потребляющие себе подобных, подвергаются большему риску подхватить болезнь или паразита, чем хищники, питающиеся исключительно другими видами. Наиболее известный пример передачи болезней, связанных с каннибализмом, дает первобытный народ Новой Гвинеи. Он был доведен до почти полного вымирания в результате ритуального потребления мозга и других тканей, вырезанных из тел умерших родственников. Тем самым живые заражались от мертвецов неизлечимой и очень распространенной неврологической болезнью куру. Слово *куру* на языке племени *форе* означает «дрожь» и «порча». Члены племени *форе* были убеждены, что болезнь эта – результат сглаза чужим шаманом.

На самом деле при этой болезни мозг дегенерирует, и те, кто съедает зараженный орган, в свою очередь заражаются сами. Четкая связь между каннибализмом и куру впервые была открыта еще в 1950-х гг. (Arens 1998; Arens, Sahlins 1979). Плачевным результатом ритуального каннибализма стала эпидемия, в результате которой с 1957 по 1960 г. погибло около 1000 человек. Исследования показывают, что риск встретить инфицированную жертву выше там, где более высок уровень каннибализма.

Существует множество других болезней, передающихся через поедание трупов. Это бычья губчатая энцефалопатия, или коровье бешенство, – еще одно заболевание, которое обычно вызывается скармливанием зараженной бычьей ткани другому крупному рогатому скоту. Оно может распространиться и на людей, если человек будет потреблять зараженную говядину. Распространение паразитов, таких как нематоды, также может происходить через каннибализм, поскольку их яйца легко переносятся от одного хозяина к другому. Другие формы заболеваний включают саркоистоз и иридовирус у рептилий и амфибий; вирус гранулеза, болезнь Шагаса и микроспоридии у насекомых; болезнь пятнистых креветок, синдром белого пятна, гельминтов и ленточных червей у ракообразных и рыб (Collinge *et al.* 2008).

По причине страха заразиться от трупа происходили изменения в отношении к трупу и человеческому телу. Во многих обществах люди категорически отказывались употреблять в пищу своих родственников. Появилось определенное и совершенно новое отношение к умершим у *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*. В какой-то момент *Homo sapiens* даже полностью отказались от каннибализма, накладывая табу на потребление человеческой плоти, а трупы начали подвергаться обычному погребению.

Литература

Каневский, Л. 2014. *История каннибализма и человеческих жертвоприношений*. М.: Алгоритм.

Талалай, С., Талалай, Я. 1998. *Самые невероятные в мире – секс, ритуалы, обычаи*. М.: Крон-Пресс.

Aisenberg, A., Costa, F., Gonzalez, M. 2011. Male Sexual Cannibalism in a Sand-Dwelling Wolf Spider with Sex Role Reversal. *Biological Journal of the Linnean Society* 103(1): 68–75.

- Arens, W.** 1998. Rethinking Anthropophagy. In Barker, F., Hulme, P., Iverson, M. (eds.), *Cannibalism and the Colonial World*. New York: Cambridge University Press. Pp. 39–63.
- Arens, W., Sahlins, M.** 1979. Cannibalism: An Exchange. *New York Review of Books* 26(4): 46–47.
- Baur, B.** 1987. Effects of Early Feeding Experience and Age on the Cannibalistic Propensity of the Land Snail *Arianta arbustorum*. *Canadian Journal of Zoology* 65: 3068–3070.
- Berndt, R. M., Berndt, C. H.** 1954. *Arnhem Land: Its History and Its People*. Melbourne: F. W. Cheshire.
- Bertram, B.** 1975. Social Factors Influencing Reproduction in Wild Lions. *Journal of Zoology* 177: 463–482.
- Campbell, J.** 2002. *Invisible Invaders Smallpox and other Diseases in Aboriginal Australia 1780–1880*. Melbourne: Melbourne University Publishing.
- Carr, W. J., Hirsch, J. T., Campellone, B. L., Marasco, E.** 1979. Some Determinants of a Natural Food Aversion in Norway Rats. *Journal of Comparative and Physiological Psychology* 93(5): 899–906.
- Carvajal, J. de.** 1892. Relación del descubrimiento del río Apure hasta su ingreso en el Orinoco. URL: <https://bibliotecadigital.jcyl.es/es/consulta/registro.do?id=1353>.
- Chagnon, N. A.** 1992. *Yanomamo: The Fierce People (Case Studies in Cultural Anthropology)*. New York: Harcourt Brace College Publishers.
- Chong, R.** 1990. *Cannibalism in China*. Wakefield: Longwood Academic. DOI: 10.1017/S0305741000004379.
- Collinge, J., Whitfield, J., McKintosh, E., Frosh, A., Mead, S., Hill, A. F., Brandner, S., Thomas, D., Alpers, M. P.** 2008. A Clinical Study of Kuru Patients with Long Incubation Periods at the End of the Epidemic in Papua New Guinea. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences* 363(1510): 3725–3739.
- Conklin, B.** 2001. *Consuming Grief Compassionate Cannibalism in an Amazonian Society*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Delany, M., Woodward, A., Kiltie, R., Moore, C.** 2011. Mortality of American Alligators attributed to Cannibalism. *Herpetologica* 67(2): 174–185.
- Elgar, M. A.** 1992. Sexual Cannibalism in Spiders and Other Invertebrates. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press. Pp. 129–143.
- Elgar, M. A., Crespi, B. J. (eds.)** 1992. *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press.

Elgar, M. A., Nash, D. R. 1988. Sexual Cannibalism in the Garden Spider, *Araneus diadematus*. *Animal Behavior* 36: 1511–1571.

Elwood, R. 1992. Pup-Cannibalism in Rodents: Causes and Consequences. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press. Pp. 299–322.

Fernandez-Jalvo, Y., Diez, J., Caceres, I., Rosell, J. 1999. Human cannibalism in the early Pleistocene of Europe (Gran Dolina, Sierra de Atapuerca, Burgos, Spain). *Journal of Human Evolution* 37: 591–622.

FitzGerald, G. J., Whoriskey, F. G. 1992. Empirical Studies of Cannibalism in Fish. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press.

Flood, J. 2007. *The Original Australians: Story of the Aboriginal People*. Crows Nest, NSW: Allen & Unwin.

Forster, L. M. 1992. The Stereotypical Behavior of Sexual Cannibalism in *Latrodectus Hasselti* (Araneae: Theridiidae), the Australian Redback Spider. *Australian Journal of Zoology* 40: 1–11.

Fox, L. R. 1975. Cannibalism in Natural Populations. *Annual Review of Ecology and Systematics* 6: 87–106.

Gilmore, R. G., Dodrill, J. W., Linley, P. A. 1983. Reproduction and Embryonic Development of the Sand Tiger Shark. *Odontaspis taurus* (Rafinesque). *Fishery Bulletin* 8(2): 201–225.

Grigoras, O. 2011. Polar Bear Cannibalism Linked to Climate Change. *Softpedia* December 9. URL: <https://news.softpedia.com/news/Polar-Bear-Cannibalism-Linked-to-Climate-Change-239585.shtml>.

Harkness, J. E., Wagner, J. E. 1995. *The Biology and Medicine of Rabbits and Rodents*. Philadelphia: Lea and Febiger.

Hart, B. L., Hart, L. A. 1985. *Canine and Feline Behavioral Therapy*. Philadelphia: Lea and Febiger.

Hearn, C. 2003. *Sorties into Hell: The Hidden War on Chichi Jima*. Santa Barbara, CA: Greenwood Publishing Group.

Ho, F. K., Dawson, P. S. 1966. Egg Cannibalism by *Tribolium* larvae. *Ecology* 47: 318–322.

Kim, K. W., Roland, C. 2000. Trophic Egg Laying in the Spider, *Amaurobius ferox*: Mother-Offspring Interactions and Functional Value. *Behavioral Processes* 50(1): 31–42.

Laurence, Ch. 2003. George Bush's comrades eaten by their Japanese POW guards. *Telegraph* October 26. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/>

worldnews/asia/japan/1445167/George-Bushs-comrades-eaten-by-their-Japanese-PoW-guards.html.

Liske, E., Davis, W. J. 1987. Courtship and Mating Behavior of the Chinese Praying Mantis, *Tenodera sinensis*. *Animal Behavior* 35: 1524–1537.

Marlar, R. A., Leonard, B. L., Billman, B. R., Lambert, P. M., Marlar, J. E. 2000. Biochemical Evidence of Cannibalism at a Prehistoric Puebloan Site in Southwestern Colorado. *Nature* 401: 74–78.

Mock, D. W. 1984. Infanticide, Siblicide, and Avian Nestling Mortality. In Hausfater, G., Hrdy, S. B. (eds.), *Infanticide*. Hawthorne, NY: Aldine Publishing. Pp. 3–30.

O’Hearn, M. 2018. The Strange Fates of Pillaged Mummies. *JSTOR* October 17. URL: <https://about.jstor.org/blog/the-strange-fates-of-pillaged-mummies/>.

Packer, C., Pusey, A. E. 1984. Infanticide in Carnivores. In Hausfater, G., Hrdy, S. B. (eds.), *Infanticide Comparative and Evolutionary Perspectives*. New York: Aldine. Pp. 31–42.

Parra, J. M. 2019. Europe’s Morbid “Mummy Craze” has been an Obsession for Centuries. *National Geographic* December 12. URL: <https://web.archive.org/web/20221015025950/https://www.nationalgeographic.co.uk/history-and-civilisation/2019/12/europes-morbid-mummy-craze-has-been-an-obsession-for-centuries>.

Parsons, J. 1971. Cannibalism in Herring Gulls. *British Birds* 64: 528–537.

Pfennig, D. W.

1990. The Adaptive Significance of an Environmentally-Cued Developmental Switch in an Anuran Tadpole. *Oecologia* 85: 101–107.

1992. Proximate and Functional Causes of Polyphenism in an Anuran Tadpole. *Functional Ecology* 6: 167–174.

Pfennig, D. W., Sherman, P. W., Collins, J. P. 1994. Kin Recognition and Cannibalism in Polyphenic Salamanders. *Behavioral Ecology* 5: 225–232.

Polis, G. A. 1981. The Evolution and Dynamics of Intraspecific Predation. *Annual Review of Ecology and Systematics* 12: 225–251.

Polis, G. A., Myers, C. A. 1985. A Survey of Intraspecific Predation among Reptiles and Amphibians. *Journal of Herpetology* 19(1): 99–107.

Schutt, B. B. 2017. *Cannibalism: A Perfectly Natural History*. Chapel Hill, NC: Algonquin Books of Chapel Hill.

Stanback, M. T., Koenig, W. D. 1992. Pup Cannibalism in Rodents. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press. Pp. 285–286.

Sugg, R. 2011. *Mummies, Cannibals and Vampires: the History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians*. New York: Routledge.

Trudelle-Schwarz, R. 2016. Cannibalism: Chicken Little Meets Hannibal Lector? *Behave: Stories of Applied Animal Behavior* September 12. URL: https://www.webpages.uidaho.edu/range556/Appl_BEHAVE/projects/Chicken_Cannibalism.html.

Walton, M. 2008. Polar Bears Resort to Cannibalism as Arctic Ice Shrinks. *CNN Tech* September 23. URL: <https://edition.cnn.com/2008/BUSINESS/09/23/arctic.ice/>.

ДИСКУССИЯ

О. Л. ГУБАРЕВ

СЛЕПОТА НЕВНИМАНИЯ НЕОАНТИНОРМАНИЗМА*

Данная статья является ответом на статью А. А. Романчука¹, посвященную спорам по «варяжскому вопросу» между так называемыми «норманистами» и неоантинорманистами. Показано, что «норманизм» и «норманская теория» – это фантомы, существующие только в сознании неоантинорманистов. А. А. Романчук вслед за А. Г. Кузьминым и В. В. Фоминым выступает против основных положений отечественной и зарубежной исторической науки. В статье разобран вопрос о неоантинорманизме и показано, чем он отличается от своих предшественников и почему не играет даже той минимальной позитивной роли, которую играл антинорманизм в XIX в.

Ключевые слова: неоантинорманизм, «слепые пятна», «норманизм», варяги, А. А. Романчук.

* Неоантинорманистами мы называем такого рода исследователей в соответствии с их собственными взглядами, поскольку они отделяют себя от всех прежних антинорманистов, которых называют «мнимыми», считавших варягов скандинавами и только подчеркивавших их незначительную роль в истории Древней Руси (Фомин 2005: 120–199). И это действительно так, поскольку абсолютное большинство антинорманистов времен царской России и СССР не сомневалось в скандинавской природе варягов, за исключением небольшого числа историков XIX в. (С. А. Геденов, И. Е. Забелин, Ю. И. Венелин), считавших их балтийскими славянами (Губарев 2015а: 353–354).

Для цитирования: Губарев, О. Л. 2024. Слепота невнимания неоантинорманизма. *История и современность* 4: 79–94. DOI: 10.30884/iis/2024.04.05.

For citation: Gubarev, O. L. 2024. Inattentional Blindness of the Neoantinormanists. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 79–94 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.05.

¹ Статья А. А. Романчука ««Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства» была опубликована в журнале «История и современность», № 1/2024, с. 81–99.

История и современность, № 4, декабрь 2024 79–94

DOI: 10.30884/iis/2024.04.05

Pugna (избиение – *лат.*) – прием, ...основан на том, что противнику или концепции, которую он защищает, присваивают ложное название, после чего вся полемика ведется против этого произвольно взятого термина.

Этим приемом пользуются чаще всего в так называемых принципиальных полемиках. Противника обвиняют в каком-нибудь непотребном «изме» и потом разделяются с этим «измом».

К. Чанек

А. А. Романчук начинает свою статью с определения норманизма² и утверждения, что он существует, вопреки мнению Л. С. Клейна, который считал, что так называемый норманизм – это исторический фантом и негативный ярлык, позволяющий оппоненту сразу, еще до начала дискуссии, занять выгодную позицию (Клейн 2014: 337).

Дело в том, что каждый неоантинорманист дает свое определение пресловутому «норманизму», что указывает на то, что данное явление, скорее всего, в реальности не существует. Однако при этом всегда присутствует скрытый смысл, заложенный в определение «норманизма».

Согласно определению, данному норманской теории (еще один одиозный термин) в «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), «политический смысл норманской теории заключался в том, чтобы представить Древнюю Русь отсталой страной, неспособной к самостоятельному государственному творчеству, а норманов – силой, которая с самого начала русской истории влияла на развитие России, ее экономику и культуру» (Прохоров 1974: 131). Собственно, тот же политический смысл вкладывается и в термин «норманизм».

Л. С. Клейн в 1960-е гг., когда готовил свою книгу, изданную только в 2009 г., признавал норманистом того, кто придерживается двух последних ступеней его метафорической «лестницы норманизма». Эти две ступени соответствуют политическому смыслу, заложенному в определении норманской теории в БСЭ.

² Несмотря на давнее существование норманской теории, написание связанных с ней терминов является неустоявшимся: возможны варианты как с одной, так и с удвоенной «н». Разница в написании этих терминов в рамках данного раздела обусловлена предпочтениями авторов статей. – *Прим. ред.*

«...Если бы норманская теория состояла из одного четкого положения, то дело было бы просто: кто его признает – норманист, кто против – не норманист. Но норманская теория – непростая конструкция. За долгие годы первоначально простая схема обросла множеством пристроек и надстроек. Наоборот, некоторые части первоначального здания отрезаны и удалены. Основной же вопрос в следующем: что из них – норманизм, а что само по себе – ненорманизм и лишь используется норманистами?...» (Клейн 2009: 121).

И далее он приводит эти две ступени лестницы «норманизма», которые, собственно, и составляют «норманизм» и соответствуют политическому смыслу «норманской теории» в определении БСЭ.

«5. Причиной важной роли, которую норманы сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.

6. Политический вывод к современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам – повиноваться... Из всей “лестницы норманизма” лишь две последних ступеньки неприемлемы, лишь ступая на них, исследователь оказывается норманистом. Но таких очень мало, добавляли мы. Теперь мы можем честно признать: таких в науке вообще не было и нет» (Там же: 199).

Действительно, ни один историк в здравом уме в недавнем прошлом и в настоящее время не делал, не делает и не будет делать подобных утверждений. Привести подобные примеры и назвать конкретных историков, заявляющих подобное, невозможно, но тем не менее именно этот скрытый смысл подразумевается при каждом использовании данного термина, сколько бы неоантинорманисты ни уверяли, что этот смысл термина они не имеют в виду.

Именно так интерпретируют неоантинорманисты любые попытки объективно взглянуть на уровень развития восточных славян дорюриковской эпохи (Минасян 2012; Губарев 2020), которым они приписывают создание «союзов племен» и даже «суперсоюзов», наличие «богатой славянской знати» и «политогенез» (Жих 2020: 116).

А. А. Романчук фактически сам признает, что определение норманизма очень расплывчато: «Норманизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение... Насколько данное мною определение удачно – судить читателям. И хотя можно, наверное, это определение *уточнять, дополнять, корректиро-*

вать, все же очевидно, что оно отражает реально существующий феномен» (Романчук 2024: 82; курсив мой. – О. Г.).

Но если каждый антинорманист дает свое определение этому явлению, то есть, по выражению Романчука, *уточняет, дополняет и корректирует*, то есть дает совершенно другое определение данному явлению, то стоит усомниться в том, что оно реально существует. Именно об этой расплывчатости понятий говорил в свое время, в 1960-е гг., Л. С. Клейн.

Простой пример. Вот что говорит о пресловутом норманизме В. П. Шушарин, которого цитирует Л. С. Клейн: «...Современный норманизм – во всех его формах (sic! – Л. К.)... – полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному научному творчеству» (Шушарин 1964: 238).

А вот определение норманизма согласно С. В. Томсинскому: «Под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой» (Томсинский 2014: 358).

Как видим, это определение норманизма совершенно отличается от приведенного мною ниже определения норманизма согласно А. А. Романчуку. И таких примеров можно привести множество.

Романчук делает вид, что не понимает, или просто игнорирует тот факт, что когда Л. С. Клейн в 1960-е гг. писал о «норманизме», он, в связи с господством официальной идеологии антинорманизма, вынужден был признавать существование «норманизма» и «норманской теории», что, впрочем, не спасло его позже от тюрьмы за его научные взгляды.

Но как только с распадом СССР историки и археологи смогли говорить открыто то, что думали на самом деле, Клейн занял непримиримую позицию, убедительно доказывая, что норманизм – это фантом, существующий только в умах неоантинорманистов, таких как А. А. Романчук.

Негативный смысл в общественном сознании за данным термином уже закрепился, и поэтому его использование позволяет неоантинорманистам сразу стать в позу борцов за историческую справедливость.

Иначе почему бы не отказаться от использования данного термина и не заменить его на другой, не имеющий негативных коннотаций? Но нет, в интересах неоантинорманистов использование именно этого термина, и они никогда от него не откажутся в силу

указанных выше причин. Правда, с наукой тут очень мало общего, и, как отмечено в определении БСЭ, тут замешана политика.

Себя автор статьи позиционирует как человека, стоящего над схваткой, которого «норманисты» считают «антинорманистом», а «антинорманисты» считают «норманистом» (Романчук 2024: 83).

Правда, я нигде не встречал статей, в которых бы А. А. Романчук был назван «норманистом», и, думаю, привести подобные примеры он сам тоже не сможет. Отмечу, что в последнее время принадлежать к антинорманизму как маргинальному явлению в исторической науке стало неудобно, и другие неоантинорманисты, например М. И. Жих, тоже стараются не относить себя к антинорманизму (возможно, в этом есть малая заслуга автора данной статьи). За них это делают занимаемая ими позиция и их взгляды.

Романчук прав в том, что Л. С. Клейн считал его работы наиболее серьезными среди работ других неоантинорманистов, поддерживающих маргинальные гипотезы, и поэтому тем более требующими жесткой критики.

К чести А. А. Романчука, он дал свое определение «норманизма», которое превращает в «норманизм» всю современную отечественную и зарубежную историческую науку, за исключением Г. В. Вилинбахова, А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина, В. И. Меркулова, Л. К. Грот, Е. С. Галкиной и самого А. А. Романчука.

«На мой взгляд, при всем разнообразии мнений и нюансов позиций, совершенно четким критерием здесь служит ответ на вопрос: “Были ли летописные варяги скандинавами?”» (Романчук 2013: 71, прим. 34). Этому определению и взглядам А. А. Романчука я посвятил доклад на VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Губарев 2015б).

Говоря о «норманизме», А. А. Романчук произвольно начинает разделять его на подвиды. Он выделяет отдельно «научный норманизм», не указывая, чем же он отличается от «бытового, обывательского норманизма».

«Однако, с другой стороны, наше понимание ситуации в дискуссии норманизма и антинорманизма будет неполным, если не обратить внимание на еще одну ее важную составляющую – на то, что, помимо научного норманизма, существует и норманизм (как и антинорманизм, разумеется – и даже, пожалуй, в большей степени), если так можно выразиться, “бытовой”, “обывательский”. Его, кстати, прекрасно описал, помимо прочих, тот же Л. С. Клейн (Клейн 2009: 107–139)» (Романчук 2024: 83).

А в своем варианте данной статьи на английском языке он называет этот «обывательский норманизм» еще и «филистерским», никак не указывая, чем он отличается от научного или обывательского (Romanchuk 2023: 96).

Отметим, что термин «филистерский» носит гораздо более одиозный характер, чем просто «обывательский», если имеется в виду один и тот же вид норманизма. Словари и справочники определяют филистера как человека с узким, ограниченным, обывательским умственным кругозором и ханжеским поведением; мещанина, обывателя.

А. А. Романчук опять старается не замечать, что описание норманизма, на которое он ссылается, содержится в выступлении Л. С. Клейна по поводу книги И. П. Шаскольского на диспуте, инициированном парткомом института с целью уничтожить Славяно-варяжский семинар. Естественно, что тогда ни Клейн, ни его студенты не могли говорить то, что думали, и им приходилось изобретать свои способы борьбы с партийным мракобесием и использовать в споре такое оружие, как ссылки на норманизм К. Маркса.

Хотя А. А. Романчук дает ссылку на все выступление Клейна, но ясно, что он имеет в виду заключительную его часть «Норманизм в остатке». Любой читатель сразу поймет, что именно здесь Л. С. Клейн вынужден был отдать Цезарю цезарево, а именно выступить с гневными выпадами против «буржуазной» науки, как это было принято в СССР (как будто была отдельная «советская» и отдельная «буржуазная» наука!).

«Не в вопросе о происхождении Древнерусского государства центр тяжести норманизма. Действительным врагам нашего народа и государства норманская характеристика Древнерусского государства сама по себе не важна – им важна возможность сделать из этого выводы о непрочности современного нашего государства и творческой неспособности народа... Необходим тезис о том, что древними успехами своими варяги обязаны своим северогерманским природным качествам, расовому превосходству... Поэтому для действительно успешной борьбы против настоящего, злокачественного норманизма необходимо выяснить подлинные причины варяжских походов и их успешности во многих странах» (Клейн 2009: 132).

То есть здесь Клейн был вынужден ради спасения семинара признавать существование в зарубежной исторической науке тех самых двух последних ступеней лестницы «норманизма», о которых он позже открыто заявлял (см. выше), что их в науке и в при-

роде не существует. И именно на эти, вынужденные под угрозой разгона семинара и репрессий, слова Клейна и нашел возможным сослаться А. А. Романчук в своем обосновании существования «норманизма». И далее Романчук повторяет эти вынужденные инвективы Клейна против буржуазной науки, только уже всерьез.

«О том, что этот “обывательский норманизм” (как и антинорманизм), увы, существует (и процветает) и сегодня, свидетельствуют мелькающие в западных СМИ статьи, где возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманистским образом, на уровне представлений позапрошлого века» (Романчук 2024: 83).

Характерно, что ссылок на такие работы зарубежных ученых, которые он имеет в виду под «обывательским норманизмом», Романчук не приводит, а говорит о них огульно. И понятно, почему. Потому что такие ссылки привести невозможно в связи с отсутствием подобных книг и статей в зарубежных научных исторических журналах. Здесь он фактически повторяет выпады Л. П. Грот, приписывающей современным отечественным и зарубежным исследователям взгляды историков XVII–XVIII вв., так называемого *готицизма* (Грот 2010: 176–202).

Далее А. А. Романчук поясняет нам, в чем он видит роль «обывательского норманизма», хотя ссылок опять же не приводит. «Несомненно, что эти “обывательские” версии обоих научных течений и являются одной из определяющих причин такой ожесточенности спора между ними» (Романчук 2024: 83).

Поскольку ссылок Романчук не приводит, можно только догадываться о том, какие версии он имеет в виду. Об этом он уже говорил в другой своей работе. «И когда с капитальными пятисотстраничными работами С. А. Геденова, А. Г. Кузьмина и самого В. В. Фомина, чрезвычайно насыщенными фактами, аргументами, вопросами и действительно привлекающими огромное количество источников, зачастую ускользающих от внимания норманистов, “расправляются” одной-двумя фразами, оставляя поставленные ими вопросы совершенно без ответа, подобная “критика” нисколько не убеждает» (Романчук 2013: 120).

Под «обывательским» и «филистерским» норманизмом он имеет в виду, конечно же, саркастические статьи, критикующие неоантинорманистов без вступления с ними в «научную дискуссию». Речь идет о статьях по поводу их маргинальных взглядов, основывающихся на

вающихся на трудах XIX в. – С. А. Геденова и И. Е. Забелина, на работах XVII–XVIII вв. для изучения Руси IX в. и т. д. и т. п. (Мурашева 2009; Мишин 2005; Комар 2010; Мельникова 2009; Котляр 2007; Коновалова 2003; Кучкин 2010; Губарев 2015а; Клейн 2015; Мусин 2017).

Да и как иначе можно относиться к статьям неоантинорманистов с научными степенями, берущимися изучать историю Древней Руси по сказкам Арины Родионовны об острове Буяне, как В. И. Меркулов, или по «Сказам» П. П. Бажова и индийской космологии, как Л. П. Грот (Губарев 2019а: 7)?

Романчук уже неоднократно обвинял ученых, критикующих неоантинорманизм, в том, что они заменяют анализ аргументов неоантинорманистов их психоанализом (Романчук 2024: 84).

Далее А. А. Романчук сам переходит, видимо, не замечая этого, к психоанализу своих оппонентов, утверждая, что «можно также полагать, что именно “обывательский норманизм”, оказывая свое влияние на уровне подсознания, формирования “картины мира”, является во многом и причиной тех “слепых пятен”, что имеют место в представлениях сторонников норманистских гипотез (и даже у действительно прекрасных ученых)» (Там же).

Интересно, кого А. А. Романчук имеет в виду под «обывательскими норманистами» и кого под «действительно прекрасными учеными»?

Дело в том, что возмущенно и саркастически о неоантинорманистах писали д. и. н., к. ф. н., историк-медиевист, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующая центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Е. А. Мельникова, д. и. н., главный научный сотрудник, зам. директора ИВИ РАН, заведующая центром исторической географии и отделом специальных исторических дисциплин И. Г. Коновалова, д. и. н., член-корреспондент Национальной академии наук Украины Н. Ф. Котляр, к. и. н., российский историк и археолог, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников, заведующая сектором археологии развитого Средневековья Государственного исторического музея В. В. Мурашева и другие профессиональные историки и археологи того же уровня при всем разнообразии их научных взглядов.

Видимо, именно их А. А. Романчук подразумевает под теми самыми «обывательскими», или, в английском варианте, «филистерскими» норманистами.

Так, И. Г. Коновалова, говоря о неоантинорманистах и научной дискуссии с ними, вспоминает рассказ В. С. Шукшина «Срезал», где «народный интеллеktуал» ставит в тупик заезжего кандидата наук своими вопросами: «Как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?» и «Как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?»

По мнению Е. А. Мельниковой, Н. Ф. Котляра, И. Г. Коноваловой, Л. С. Клейна и других историков и археологов, «аргументы» неоантинорманистов из того же разряда. Но кто же тогда «действительно прекрасные ученые»? По-моему, эти два вида из классификации А. А. Романчука совпадают.

Видимо, действительно выдающимися учеными Романчук считает только А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, благо из всей исторической науки именно эти два известных ученых считают термин «варяги» спорным и относящимся ко всему населению Западной Европы (*sic!*) (Романчук 2024: 84).

Все сказанное Романчуком в первой части его статьи к «слепым пятнам» норманизма имеет только косвенное отношение и необходимо ему для того, чтобы сразу встать в позицию борца за историческую объективность, стоящего над спором о происхождении Древней Руси. Тем не менее, поскольку Романчук считает, что варяги – это балтийские славяне (Он же 2013), это сразу включает его в ряды неоантинорманистов, как бы он от этого ни отрекся и ни называл свою статью «взглядом со стороны».

Далее он переходит к «слепым пятнам» пресловутого «норманизма», то есть всей исторической науки, отечественной и зарубежной. Таким «белым пятном» А. А. Романчук считает тезис Л. С. Клейна, да и абсолютного большинства отечественных и зарубежных историков, о том, что «варяги – это скандинавы». И в качестве доказательства идентичности термина «варяги» IX в. и «немцы» А. А. Романчук ссылается на какие-то анналы (без конкретного указания, что имеется в виду) и на письмо Ивана Грозного королю Швеции Юхану (XVI в.).

Кстати, Романчук и в других своих работах постоянно пренебрегает требованием единства времени и пространства и готов обсуждать клятву русов X в. на примере то ирландцев времен короля Конхобара, датируемого примерно временем правления императо-

ра Августа (где Русь и где Ирландия?), то клятвы над ружьем русского крестьянина XIX в. (Романчук 2018: 94, 97).

Другое «слепое пятно», по мнению А. А. Романчука, – это происхождение варягов. Интересно, что в поисках происхождения термина «варяги» Романчук считает термины *varini*, *vari*, *vagri*, *vaigri* и т. д. производными от германского, по его мнению, термина *vaeringi*. В этом его позиция отличается от взглядов остальных последователей А. Г. Кузьмина, считающих по созвучию термин «варяги» происходящим от этнонима «вагры». При этом Романчук не поясняет, как племя балтийских славян – вагров могло получить свое наименование от германского этнонима.

Далее без доказательств Романчук заявляет, будто не может согласиться с тем, что этноним «русь» означал скандинавов. При этом он игнорирует четкое указание летописца, ставящего русов в один ряд с другими скандинавскими народами (Адрианова-Перетц 1950, ч. 1: 214).

Затем А. А. Романчук ссылается на гипотезу С. Л. Николаева о существовании особого русско-варяжского диалекта. Не являясь лингвистом, не буду касаться этой темы. Однако по поводу данной гипотезы С. Л. Николаева М. В. Елиферовой были высказаны серьезные сомнения (Елиферова 2020: 55, 60–61, 64).

Далее Романчук переходит к связям Старой Ладogi с Фризией. Надо отдать ему должное, он совершенно справедливо говорит о достаточно тесных связях русов с фризами, упоминая все те археологические артефакты, о которых говорил и я (Губарев 2019б: 220–224), перечисляя связи и заимствования – камерные погребения, фризские гребни, ритуальные сосуды типа Татинг и т. д. Он говорит об этих связях как о доказательстве, что они доставлены в Восточную Европу фризами, а не скандинавами. Но здесь решающую роль начинает играть хронология.

Слепота невнимания А. А. Романчука заключается в том, что он игнорирует гипотезу о «фризских данах» Рёрика Фрисландского, тождественного, согласно этой гипотезе, Рюрику. Тогда указание летописца, ставящего русов в ряд скандинавских народов, но указывающего, что они отличались от остальных варягов-скандинавов, полностью оправдывается. Ибо именно «фризские даны», в отличие от остальных скандинавов-язычников, первыми и раньше других скандинавов приняли христианство и почти 70 лет провели во Фризии, на территории империи франков (Bauduin 2024: 1–9).

«Сам основатель династии, сумевшей объединить Северную и Южную Русь в единую могущественную державу, Рюрик “Начальной летописи”, носил имя, традиционное в его роду. Вполне убедительное отождествление этого исторического персонажа с ютландским вождем Хререком из датского королевского рода Скъельдунгов... долго отвергалось учеными, пребывавшими под мощным гнетом официального антинорманизма, и лишь в последнее время получило справедливое признание в советской исторической науке...» (Молчанов 1992: 45).

Но, во-первых, расцвет фризской торговли приходится на VIII в., а в IX в. их сменяют скандинавы (Lebecq 1989: 45–59). Скандинавское происхождение русов подтверждается сообщением Титмара Мерзебургского о «быстроногих данах», населяющих Киев, проверяемое по сообщениям двух византийских хроник о русах-дромитах «от рода франков», называемых дромитами за быстроту перемещений (Karlin-Hayter 1965; Горский 2008). Не говоря уже об огромном количестве археологических находок скандинавского происхождения на территории Древней Руси.

А во-вторых, в договоре Игоря с греками дважды (в преамбуле и в заключительной части) повторяется древнефризская формула (Губарев 2017), которая встречается и в «Молитве» митрополита Илариона (Молдован 2018), что указывает на прямые контакты скандинавов-русов с фризами. И, таким образом, ссылки А. А. Романчука на связи Руси с Фризией, вопреки его намерению, только лишний раз доказывают скандинавскую природу русов (данов) Рюрика.

В-третьих, одним из самых сильных аргументов против маргинальной гипотезы о варягах и русах как балтийских славянах является их особое отношение к христианству. Нетерпимость балтийских славян к христианству, которое они рассматривали как инструмент их порабощения франками, известна.

А уже при Игоре количество христиан на Руси было столь велико, что они приносили отдельную присягу в церкви. Эпизод с варягом-христианином и его сыном в «Повести временных лет» говорит о роли варягов-христиан на Руси. Кроме того, ни сам А. А. Романчук, ни В. В. Фомин так и не рассмотрели критику этой фантастической балтийско-славянской гипотезы со стороны И. И. Первольфа, хотя необходимость такого опровержения ее положений Романчук отмечал еще в 2013 г. (Романчук 2013: 85).

И, наконец, самое главное. В своей статье А. А. Романчук обходит молчанием вторую альтернативную гипотезу Е. С. Галкиной о происхождении русов от рокс/рухс-алан, взаимоисключающую по отношению к гипотезе русов как балтийских славян (Галкина 2002).

А ведь из двух взаимоисключающих гипотез неоантинорманистов верной может быть только одна, или обе могут быть неверны. Но чтобы избежать спора и разделения ничтожной кучки историков-неоантинорманистов еще и между собой, Е. С. Галкина смешивает своих алан с балтийскими славянами, тем самым объединяя две взаимоисключающие гипотезы в одну (Галкина 2002). Хочется спросить: где же здесь наука?

Известен также прием неоантинорманистов, ставящих все альтернативные гипотезы происхождения Руси – скандинавскую, от рюгенских славян, от алан – в один ряд, перечисляя их как равнозначные, без учета их достоверности, опирающейся на количество и качество исторических и археологических фактов. Но когда есть скандинавская гипотеза, убедительно отвечающая на все основные вопросы, то маргинальные альтернативные гипотезы срезаются «бритвой Оккама», требующей не умножать сущности сверх необходимого.

Не упоминает А. А. Романчук и о двойственности варягов у В. В. Фомина, который вынужден, в связи с огромным количеством археологических находок и невозможностью отрицать очевидное, признать, что варяги с X в. были скандинавами, а вот до того – балтийскими славянами (Фомин 2005). Но никак не объясняется перенос имени с балтийских славян на скандинавов.

И последнее. Сами неоантинорманисты археологических и исторических исследований не ведут, а в своих работах вынуждены использовать труды тех, кого они именуют «норманистами».

И А. А. Романчук здесь не исключение. Собственно, об этом говорит сам заголовок статьи Романчука, который считает, что «слепые пятна» мешают так называемым «норманистам», среди которых есть «действительно прекрасные ученые», правильно оценивать результаты своих работ, которые только неонорманисты могут правильно понять и оценить.

И хотя открыто об этом Романчук не говорит и старается объяснить «инерцией мышления», но из такого подхода подспудно следует, что все так называемые «норманисты» (а это почти все отечественные и зарубежные археологи и историки, считающие

варягов скандинавами) настолько глупы, что не могут сделать правильные выводы из собственных вполне профессиональных работ.

Потому что если работы этих историков и археологов, так называемых «норманистов», признать ошибочными и выполненными на несоответствующем уровне, то неоантинорманистам вообще не на что будет опираться. Поскольку, за исключением некоторых работ поздних немецких историков XVI–XVII вв. (Меркулов 2015), трудов антинорманистов XIX в. Е. И. Классена, С. В. Руссова, С. А. Геденова, И. Е. Забелина (Фомин 2005: 11, 100–101, 137–142, 142–145) и фальсификата – Иоакимовской летописи (Азбелев 2003), у неоантинорманистов нет другого выхода, кроме как использовать работы так называемых «норманистов» (см. ссылки А. А. Романчука на работы Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина, Л. С. Клейна, Е. И. Горюновой, С. Л. Санкиной, А. В. Плохова и других «норманистов» в рассматриваемой здесь статье А. А. Романчука).

А если признать, что исследования «норманистов» выполнены на профессиональном уровне и показывают результаты, на самом деле подтверждающие догадки неоантинорманистов, то отсюда следует тот самый вывод о коварстве этих историков и археологов, которые скрывают истину, искажают реальность и лгут народу. Из этого следует, что только неоантинорманисты открывают народу глаза на правду и истину. И это тот вывод, который постоянно встречается среди сторонников неоантинорманизма в Интернете.

В заключение хочется отметить ничтожность реальных *фактов*, например археологических находок, которые могут привлечь неоантинорманисты в поддержку своих маргинальных гипотез, и в основном наличие *интерпретаций*, вроде рассуждений по поводу этнонима *варяги*.

Все неудобные для данной гипотезы аргументы, говорящие в пользу ее ненаучности, А. А. Романчук предпочитает сознательно игнорировать. В этом и заключается слепота невнимания неоантинорманистов.

Литература

Адрианова-Перетц, В. П. (ред.). 1950. *Повесть временных лет*. Ч. 1. Ч. 1–2. 1-е изд. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук.

Азбелев, С. Н. 2003. К изучению Иоакимовской летописи. *Новгородский исторический сборник* 9(19): 5–27.

Галкина, Е. С. 2002. *Тайны Русского каганата*. М.: Вече.

Горский, А. А. 2008. Русь «от рода франков». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2(32): 55–59.

Грот, Л. П. 2010. Современный норманизм – наследник готицизма, рудбекианизма и утопий эпохи Просвещения. В: Фомин, В. В. (ред.), *Варяго-русский вопрос в историографии*: сб. Вып. 2. М.: Русская панорама. С. 176–202.

Губарев, О. Л.

2015а. «Неонорманизм» или неонантинорманизм? *Stratum plus* 5: 351–355.

2015б. А были ли варяги скандинавами? Об определении «норманистов» и «норманизма» по А. А. Романчуку. Тезисы доклада участника VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3(61): 37.

2017. «Дондеже солнце съяеть и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.). *Valla* 3(3): 16–22.

2019а. Царь Салтан и Медной горы хозяйка. *Троицкий вариант* 280: 7.

2019б. *Рюрик Скьельдунг*. СПб.: Евразия.

2020. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Novogardia* 2: 4–36.

Елиферова, М. В. 2020. Англосаксонский след в договорах Руси с Византией. В: Рашковский, Б. Е. (отв. ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики Античности и Средневековья*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 51–72.

Жих, М. И. 2020. О недопустимости дилетантизма в исторической работе. Реплика по поводу статьи: Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Исторический формат* 4: 115–134.

Клейн, Л. С.

2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. СПб: Евразия.

2014. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора. *Stratum Plus* 5: 335–343.

2015. Ленинградский неонорманизм – в самом деле? *Stratum Plus* 5: 345–349.

Комар, А. В. 2010. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е. С. Галкиной). *Ruthenica* 9: 93–96.

Коновалова, И. Г. 2003. Второе пришествие варягов. *Независимая газета Ex Libris* 16 января. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-01-16/7_varyg.html?id_user=Y.

Котляр, Н. Ф. 2007. В тоске по утраченному времени. В: Горский, А. А. (отв. ред.), *Средневековая Русь*. Вып. 7. М.: Индрик. С. 343–353.

Кучкин, В. А. 2010. Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время? *Российская история* 4: 192–207.

Мельникова, Е. А. 2009. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке. *Родина* 3: 56–58; 5: 55–57.

Меркулов, В. И. 2015. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Фридриха Хемница. *Исторический формат* 2: 54–74.

Минасян, Р. С. 2012. Попытка трезво оценить уровень раннеславянского металлообрабатывающего производства. В: Горюнова, В. М. (науч. ред.), *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968)*. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб.: СОЛО. С. 281–284.

Мишин, Д. Е. 2005. Рец. на кн.: Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002. 452 с. *Славяноведение* 4: 95–96.

Молдован, А. М. 2018. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона. *Словъне. Международный славистический журнал* 7(1): 8–26.

Молчанов, А. А. 1992. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей. В: Новосельцев, А. П. (отв. ред.), *Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пацуто. Москва, 15–15 апреля 1992 г.: тезисы докладов*. М.: Ин-т российской истории РАН. С. 44–47.

Мурашева, В. В. 2009. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу»). *Российская история* 4: 174–180.

Мусин, А. Е. 2017. «Столетняя война» российской археологии. В: Вишняцкий, Л. Б. (отв. ред.), *Ex Ungue Leonet: сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна*. СПб.: Нестор-История. С. 223–244.

Прохоров, А. М. (ред.). 1974. *Большая советская энциклопедия*: в 30 т. 3-е изд. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия.

Романчук, А. А.

2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Вестник КИГИТ* 36 (6): 73–131.

2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică* XIV(1): 93–107.

2024. «Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. *История и современность* 1: 82–99.

Томсинский, С. В. 2014. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги. *Stratum plus* 5: 357–370.

Фомин, В. В. 2005. *Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. М.: Русская панорама.

Шушарин, В. П. 1964. *Современная буржуазная историография Древней Руси*. М.: Наука.

Bauduin, P. 2024. Les Francs et la succession danoise. Harald Klak: un modele d'integration a l'epreuve? *LAMOP* August 26. URL: https://lamop.pantheonsorbonne.fr/sites/default/files/inline-files/Frontieres_Harald_Klak_Bauduin_2006.pdf

Karlin-Hayter, P. 1965. Swift Danes. *Byzantion* 35: 359.

Lebecq, S. 1989. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siecles. In: *Les mondes normands (VIIIe–XIIe s.)*; *Actes du deuxieme congres international d'archeologie medievale* (Caen, 2–4 Octobre 1987). Caen: Societe d'Archeologie Medievale. Pp. 45–59.

Romanchuk, A. A. 2023. “Blind Spots” of the “Scandinavian-Centric” Hypothesis on the Origin of the Old Russian State. *Social Evolution & History* 22(2): 94–110.

А. А. РОМАНЧУК

ОТВЕТ О. Л. ГУБАРЕВУ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ВАРЯГО-РУССКОЙ ДИСКУССИИ*

Статья представляет собой ответ (в рамках организованной редакцией журнала «История и современность» дискуссии) на комментарий О. Л. Губарева к некоторым работам автора. Помимо того, были проанализированы и озвученные недавно А. С. Щавелевым и М. В. Елиферовой возражения против предложенной ранее С. Л. Николаевым гипотезы о существовании отдельного «русско-варяжского диалекта». Показано, что ни возражения А. С. Щавелева, ни возражения М. В. Елиферовой гипотезу С. Л. Николаева нисколько не подрывают. Работа же М. В. Елиферовой, даже наоборот, добавляет новые существенные аргументы в пользу гипотезы С. Л. Николаева.

Ключевые слова: *варяго-русская дискуссия, норманнизм, антинорманнизм, варяги, русь, скандинавы, русско-варяжский диалект.*

Уже более 10 лет О. Л. Губарев пытается вступить со мной в «дискуссию» (увы, без кавычек тут, полагаю, не обойтись). Недавно он предпринял очередную попытку – выслав свой комментарий (Губарев 2024) к статье (Romanchuk 2023; Романчук 2024а) в редакцию журнала «История и современность».

Ранее я все эти попытки О. Л. Губарева просто игнорировал. Причины такой моей позиции, думаю, лучше будет изложить в заключительной части данного текста – завершая анализ тезисов О. Л. Губарева, а не предваряя его. Впрочем, рискну предположить, что движущие мной причины станут достаточно ясны читателю уже по ходу самого этого анализа. Равно как, думаю, они давно

* **Для цитирования:** Романчук, А. А. 2024. Ответ О. Л. Губареву и некоторые другие вопросы варяго-русской дискуссии. *История и современность* 4: 95–133. DOI: 10.30884/iis/2024.04.06.

For citation: Romanchuk, A. A. 2024. Answer to Oleg L. Gubarev and Some Other Questions of the Varangian-Russian Discussion. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 95–133 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.06.

История и современность, № 4, декабрь 2024 95–133

DOI: 10.30884/iis/2024.04.06

очевидны и самому О. Л. Губареву (хотя и вряд ли правильно им поняты).

Как бы то ни было, на этот раз я решил, отчасти благодаря пожеланиям редакции журнала «История и современность», все же ответить О. Л. Губареву.

Поэтому приступим.

Итак, О. Л. Губарев начинает (собственно, он уделяет этому большую часть своего текста) с попытки в очередной раз «доказать» свой (и Л. С. Клейна) давний тезис: «Никакого норманнизма не существует». И с этой целью в том числе пытается оспорить предложенное мною ранее определение норманнизма как научного направления.

Должен признаться, однако, что я вообще не вижу здесь проблемы, требующей обсуждения. И ранее я неоднократно (и, как мне кажется, более чем внятно) постарался показать, почему норманизм как научное направление, безусловно, существует.

Собственно, отрицая существование норманнизма как научного направления, О. Л. Губарев пытается «доказать» по определению недоказуемое: если нет норманнизма, то откуда бы взяться анти-норманизму (само название которого подразумевает реакцию, ответ на норманизм)?

Попытки О. Л. Губарева апеллировать в качестве «доказательства» своего тезиса к тому, что количество предлагаемых в науке определений норманнизма более одного (но, кстати, не так много, как это представляется О. Л. Губареву: «Каждый неоантинорманист дает свое определение пресловутому “норманизму”, что указывает на то, что данное явление, скорее всего, в реальности не существует» [Губарев 2024: 79]), и вовсе представляют собой нонсенс.

Огромное множество явлений окружающего нас мира существует, не имея при этом никакого определения ни в одном из человеческих языков. Им (явлениям) это нисколько не мешает существовать.

Кстати, хорошей «лакмусовой бумажкой» здесь для О. Л. Губарева могла бы послужить попытка таким же образом подойти к вопросу о существовании антинорманнизма. Позиции представителей которого много разнообразнее (что, кстати, отмечает и сам О. Л. Губарев) и еще хуже поддаются совмещению в рамках общего определения.

Впрочем, как что-то мне подсказывает, то, что применение предлагаемого О. Л. Губаревым «метода» аргументации к иному объекту при тех же условиях даст абсурдный, с его же точки зрения, результат (позволит аналогичным же образом отрицать и существование антинорманнизма), самого О. Л. Губарева несколько не смутит.

Далее, попросту забавно (увы, но мне придется достаточно часто использовать этот эпитет по отношению к тексту О. Л. Губарева), что, прибегая к действительно изумительной эквилибристике, одним из «доказательств» отсутствия норманнизма О. Л. Губарев предлагает считать якобы испытываемые мною сомнения по поводу предложенного мною же критерия разделения норманнистов и антинорманнистов.

Еще забавнее, что О. Л. Губарев в качестве «доказательства» существования этих «сомнений» тут же цитирует мои слова, из которых недвусмысленно следует как раз прямо противоположное: «Романчук фактически сам признает, что определение “норманнизма” очень расплывчато: “Норманнизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение... Насколько данное мною определение удачно – судить читателям. И хотя можно, наверное, это определение уточнять, дополнять, корректировать, все же очевидно, что оно отражает реально существующий феномен” (Романчук 2024а: 82). Но если каждый антинорманист дает свое определение этому явлению, то есть, по выражению Романчука, уточняет, дополняет и корректирует, то есть дает совершенно другое определение данному явлению, то стоит усомниться в том, что оно реально существует» (Губарев 2024: 81).

Право, я затрудняюсь ответить, каким образом возможно, чтобы мое вполне однозначное утверждение («Норманнизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение») – вдруг стало толковаться как свидетельство якобы моих сомнений.

Пожалуй, в данной ситуации (и не только в данной, поскольку это обычный и характерный для О. Л. Губарева прием ведения «дискуссии») могу лишь порекомендовать О. Л. Губареву делить мои (и прочих «оппонентов») тезисы не на предложения и даже не на слова – а сразу на буквы. Из которых О. Л. Губарев затем сможет сложить все, что будет его душе угодно – буквы стерпят все.

Увы, рискуя разочаровать О. Л. Губарева, никаких сомнений здесь я не испытываю. Использованный мною в процитированном отрывке оборот – лишь обязательная, на мой взгляд, норма вежли-

ности в научном тексте. Уточнять же, дополнять и корректировать можно любое определение, что никак не может толковаться в качестве признака сомнения как в верности этого определения, так и (тем более) в существовании отражаемого им феномена.

Что же касается предлагаемого мной определения норманнизма (и антинорманнизма), то буду лишь рад, если кто-то предложит более удачное.

Однако мне представляется вполне очевидным, что не только самым главным, фундаментальным, но и фактически единственно возможным вопросом-критерием, который и позволяет разбить всю (подчеркну: всю) совокупность исследователей (равно как и «болельщиков» – представителей околонаучных и вообще внеаучных, но «живо интересующихся» вопросом кругов), вовлеченных в обсуждение проблемы возникновения древнерусского народа и государства, на два подмножества, соответствующих определениям «норманнисты» и «антинорманнисты», будет вопрос: «Считаете ли вы варягов (и русь до их славянизации) скандинавами?»

Все норманнисты однозначно отвечают на этот вопрос утвердительно. Тогда как все антинорманнисты либо отвечают на него так же однозначно отрицательно, либо предлагают более сложные варианты ответа.

Такая жесткая корреляция между избранным вариантом ответа и соответствующим подмножеством как раз наглядно демонстрирует, что именно данный вопрос-критерий делает нашу классификацию «работающей» и отражающей реальность.

Если моя аргументация здесь остается для О. Л. Губарева все еще неочевидной, могу лишь посоветовать ему обратиться к блестящей «Археологической типологии» Л. С. Клейна (1991), где базовые принципы классификации и типологии объясняются весьма детально и внятно.

В качестве еще одного «возражения» против обозначаемого мною критерия разделения норманнистов и антинорманнистов О. Л. Губарев предлагает то, что антинорманнисты, исходя из этого критерия, оказываются в подавляющем меньшинстве: «К чести А. А. Романчука, он дал свое определение “норманизма”, которое превращает в норманизм всю современную отечественную и зарубежную историческую науку, за исключением Г. В. Вилинбахова, А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина, В. И. Меркулова, Л. К. Грот, Е. С. Галкиной и самого А. А. Романчука» (Губарев 2024: 82).

Однако (и, опять-таки, увы для О. Л. Губарева) даже если в итоге процедуры классификации согласно озвученному критерию я оказался единственным представителем современного антинорманизма, это никак не могло бы трактоваться как доказательство отсутствия норманизма или же неверности предложенной классификации.

Впрочем, представителей антинорманизма сегодня все же много больше, чем утверждает здесь О. Л. Губарев. Но это, собственно, неважно.

Научные проблемы не решаются и не могут решаться голосованием. А вся история науки весьма наглядно свидетельствует о том, что большинство очень и очень даже может ошибаться – правы же нередко оказываются как раз одиночки.

Надеюсь, озвученный выше вывод (а еще более – предшествующие ему разъяснения) позволит развеять подозрения О. Л. Губарева в том, что якобы я, как он выразился, «пытаюсь откреститься от антинорманизма» (буквально так: «Романчук считает, что варяги – это балтийские славяне (Романчук 2013б), это сразу ставит его в ряды неоантинорманистов, как бы он от этого ни отрешивался и ни называл свою статью “взглядом со стороны”» [Губарев 2024: 86]).

Вообще этот вопрос отчего-то очень задевает О. Л. Губарева. И, видимо, оттого (или в силу его «важности») неоднократно им затрагивается в рассматриваемом тексте.

Так, процитирую: «Себя автор статьи позиционирует как человека, стоящего над схваткой, которого “норманисты” считают “антинорманистом”, а “антинорманисты” считают “норманистом” (Романчук 2024а: 83). Правда, я нигде не встречал статей, в которых бы А. А. Романчук был назван “норманистом”, и, думаю, привести подобные примеры он сам тоже не сможет. Отмечу, что в последнее время принадлежать к антинорманизму как маргинальному явлению в исторической науке стало неудобно, и другие неоантинорманисты, например М. И. Жих, тоже стараются не относить себя к антинорманизму (возможно, в этом есть малая заслуга автора данной статьи)» (Губарев 2024: 82).

Признаться, подобные подозрения в принципе представляются мне достаточно странными, тем более что предлагаемый мною же критерий разделения норманистов и антинорманистов автоматически относит меня к стану последних. Впрочем, каждый судит по себе.

Однако, безусловно будучи антинорманнистом, я действительно (и не раз), пусть и в частных беседах, сталкивался с восприятием своей позиции как существенно отличающейся от позиций других антинорманнистов и сближающейся с позицией норманнистов. То, что сегодня антинорманнисты в большинстве своем отнюдь не воспринимают меня как своего безусловного сторонника (если вообще сторонника), хорошо видно также и по тому, на что именно в моих работах по варяго-русской проблеме они ссылаются (а еще более – на что не ссылаются).

И совершенно верно также и то, что в момент вхождения в дискуссию по варяго-русскому вопросу (именно этой своей первой статье по данной теме я и дал цитируемый О. Л. Губаревым подзаголовок: «Взгляд со стороны») у меня отсутствовали какие-либо предпочтения в отношении любой из сторон этой дискуссии. И потому, смею надеяться, это был именно «взгляд со стороны».

Разумеется, в процессе анализа проблемы у меня сформировалась своя позиция, которая, замечу, отличается (нередко – весьма) от позиций всех прочих участников этой дискуссии, причем принадлежащих к стану как норманнистов, так и антинорманнистов; именно это и позволяет мне считать себя «третьей силой» в этой дискуссии. Насколько эта позиция остается «взглядом со стороны» – судить, как я неоднократно повторял, другим.

Однако совершенно точно, что я никогда не втягивался (и, надеюсь, не буду) в те безобразные раздоры, в которые сегодня нередко перерастает дискуссия между норманнистами и антинорманнистами. «Голый конунг норманнизма» (В. В. Фомин) или «бить канделябрами за такие гипотезы» (В. Я. Петрухин) друг друга вполне стоят.

Поэтому, по крайней мере в данном отношении, я уж точно «стою над схваткой».

Надеюсь, сказанного вполне достаточно, чтобы пояснить мою позицию в этом вопросе.

Поэтому позволю себе перейти к другой живо волнующей О. Л. Губарева теме – теме «обывательского норманнизма» (как я его обозначил) и тому, «кто к обывательскому норманнизму относится».

Характерным и ключевым моментом тезисов О. Л. Губарева на этот счет является его стремление представить ситуацию таким образом, что якобы я вообще пытаюсь (и в том числе дополнительно

за счет введения термина «обывательский норманнизм»), равно как и другие антинорманнисты, попросту использовать термин «норманнизм» для дискредитации позиции представителей этого научного представления.

Собственно, О. Л. Губарев заявляет это и прямо: «Иначе почему бы не отказаться от использования данного термина и не заменить его на другой, не имеющий негативных коннотаций? Но нет, в интересах неоантинорманнистов использование именно этого термина, и они никогда от него не откажутся в силу указанных выше причин» (Губарев 2024: 81–82).

Читать эти утверждения О. Л. Губарева более чем странно и опять-таки забавно. Поскольку я с самого начала, с работ (Романчук 2013а: 283, 2013б: 71), и далее неоднократно совершенно прямо и безоговорочно заявлял, что никакого негативного смысла я в термин «норманнизм» (как научное направление) не вкладываю. В том числе я это повторил и в той свежей статье, которая послужила О. Л. Губареву очередным поводом для «дискуссии» со мной и которую он вроде бы читал (и читал только что).

Протицирую: «Я неоднократно отмечал и хотел бы особо подчеркнуть, что считаю существование норманнизма как научного направления явлением чрезвычайно позитивным для науки (и конкретно для вопроса о происхождении руси и Древнерусского государства)» (Романчук 2024а: 82; Romanchuk 2023: 95).

Более того, в этой статье я как раз (и неоднократно) именно и заменяю термин «норманнизм» термином «скандинавоцентричная парадигма» (Романчук 2024а: 91–95). А статья (Romanchuk 2023) вообще носит название «“Blind Spots” of the “Scandinavian-Centric” Hypothesis on the Origin of the Old Russian State». Еще раз: «“Scandinavian-Centric” Hypothesis».

Наконец, в обсуждаемой статье я говорю не только об «обывательском норманнизме» – но и об «обывательском антинорманнизме»: «Помимо научного норманнизма, существует и норманнизм (как и антинорманнизм, разумеется – и даже, пожалуй, в большей степени), если так можно выразиться, “бытовой”, обывательский» [Романчук 2024а: 83]).

Каким образом О. Л. Губарев умудрился всего этого «не заметить»? Не буду озвучивать возможные варианты ответа, но все они для О. Л. Губарева нелицеприятны.

Так что я вовсе не против замены термина «норманнизм» каким-либо иным. Только, разумеется, если не пытаться заменять термин «норманнизм» термином «нормальная наука» (как в свое время предлагал Л. С. Клейн). Поскольку, кроме улыбки, подобные претензии ничего более не вызывают.

Но, как мне кажется, дело здесь вовсе не в термине. И любой новый термин тоже, и очень быстро, обрстет «негативными коннотациями» – если не изменится главное. То есть, как я неоднократно повторял, если участники дискуссии не научатся относиться друг к другу с уважением.

Обращаясь далее к собственно проблеме «обывательского норманнизма» в ее восприятии О. Л. Губаревым, начну с его утверждения об «отсутствии» текстов, которые можно было бы отнести к жанру «обывательского норманнизма»: «“О том, что этот «обывательский норманнизм» (как и антинорманнизм), увы, существует (и процветает) и сегодня, свидетельствуют мелькающие в западных СМИ статьи, где возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманнистским образом, на уровне представлений позапрошлого века” (Романчук 2024а: 83). Характерно, что ссылок на такие работы зарубежных ученых, которые он имеет в виду под “обывательским норманнизмом”, Романчук не приводит, а говорит о них огульно. И понятно, почему. Потому что такие ссылки привести невозможно в связи с отсутствием подобных книг и статей в зарубежных научных исторических журналах» (Губарев 2024).

Здесь О. Л. Губарев почему-то игнорирует мое прямое указание на то, что речь идет о статьях в СМИ (еще раз: «мелькающие в западных СМИ статьи» [Романчук 2024а: 83]). Как игнорирует («Он выделяет отдельно “научный норманнизм”, не указывая, чем же он отличается от “бытового, обывательского норманнизма”» [Губарев 2024]) и содержащееся здесь же указание на один из характерных признаков «обывательского норманнизма» – то, что в этих текстах «возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманнистским образом, на уровне представлений позапрошлого века» (Романчук 2024а: 83).

Думаю, что, посетив хотя бы сайт «ИноСМИ» (где даются в переводе на русский статьи зарубежной прессы), О. Л. Губарев достаточно легко обнаружит такие, в духе обывательского норманнизма, статьи.

Однако весьма забавно, что, если говорить о проявлениях «обывательского норманизма» вне СМИ, в «научных» (точнее, претендующих на научность) текстах, то весьма ярким образом обывательского норманизма служит как раз подавляющее большинство (но, подчеркну: все же не все) текстов самого О. Л. Губарева.

Причем включая и обсуждаемый здесь, где, в частности, он пишет буквально следующее: «Именно так интерпретируют неоантинорманисты любые попытки объективно взглянуть на уровень развития восточных славян дорюриковской эпохи (Минасян 2012; Губарев 2020), которым они приписывают создание “союзов племен” и даже “суперсоюзов”, наличие “богатой славянской знати” и “политогенез” (Жих 2020: 116)» (Губарев 2024).

То есть О. Л. Губарев прямо и недвусмысленно отрицает здесь (и в своей более ранней статье, на которую он ссылается) и существование у восточных славян до Рюрика (по его мнению, соответственно – до прихода скандинавов) знати, и возникновение предгосударственных образований, и даже в целом процессы политогенеза.

Прошу прощения, но это попросту очевидный нонсенс. И нонсенс именно в стиле «обывательского норманизма», который, в принципе, даже не имеет смысла как-то специально критиковать.

Сегодня (и уже давно) в науке никто не сомневается ни в существовании предгосударственных образований у восточных славян еще задолго до Рюрика, ни в существовании у них же знати – тоже задолго до Рюрика (краткий, но емкий обзор накопленных на сегодняшний день наукой данных на этот счет: [Толочко 2016: 157–213]). Да это, вообще говоря, очевидно уже хотя бы из того, что каждое из упоминаемых в «Повести временных лет» восточнославянских племен (поляне, древляне, дреговичи, кривичи, вятичи, радимичи и прочие) занимает и контролирует (и опять-таки задолго до Рюрика) весьма обширную территорию, что по определению подразумевает уже достаточно сложную политическую и социальную организацию. Несомненно, что каждое из этих «племен» состояло из более мелких организационных единиц и имело многоуровневую (двухуровневую как минимум) иерархическую организационную структуру.

Наконец, даже такие славянские политические термины, как «князь» и «бояре» (обозначающие соответственно правителя и правящую элиту), имеют общеславянский характер и еще праславян-

ское происхождение. То есть – опять-таки, они возникли по определению задолго до Рюрика.

Собственно, этот нонсенс (авторства О. Л. Губарева) был уже вполне убедительно и подробно проанализирован и подвергнут справедливой, убедительной и жесткой критике М. И. Жихом (2020). Что, однако, как видим, нисколько не побудило О. Л. Губарева от этого нонсенса отказаться.

Почему О. Л. Губарев продолжает на этом нонсенсе настаивать – вопрос отдельный и, в принципе, как кажется, уже риторический.

Таким образом, как видим, примеры «обывательского норманнизма» сегодня на самом деле отыскать легко – и ходить за ними далеко даже не нужно¹.

Поэтому, отвечая на тоже живо интересующий О. Л. Губарева вопрос (думаю, с вполне очевидным на самом деле для него ответом) на этот счет («Интересно, кого Романчук имеет в виду под “обывательскими норманнистами” и кого под “действительно прекрасными учеными”?» [Губарев 2024]), вынужден подтвердить: да, я действительно считаю О. Л. Губарева типичным представителем обывательского норманнизма.

¹ Наконец, и опять-таки вопреки О. Л. Губареву, проявления «обывательского норманнизма» вполне обнаруживаются и в академических (по крайней мере – формально академических) зарубежных изданиях. Наглядным примером могут служить крайне популярные на Западе работы О. Прицака (они, признаться, вызывают у меня достаточно смешанные чувства – поскольку собственно научный анализ в них вполне мирно соседствует с настолько фантастическими, тенденциозными и абсолютно произвольными допущениями, что возникают серьезнейшие сомнения в том, что эти работы действительно можно отнести к жанру научных). В частности, О. Прицак пришел к весьма оригинальному выводу, что «идеи государственности не возникают спонтанно, но переносятся из одного региона в другой, а ее носителями и основателями государств являются купцы и воины, наиболее рано выделившиеся в профессиональные группы населения... Из последующего изложения видим, что во Францию или Германию, а также Хазарию государственность все же не была принесена, но родилась там спонтанно. А вот в среду восточных славян была, да еще сразу с двух сторон, с запада и востока. Некое торговое объединение “Русь”, возникшее где-то в Галлии, как полагал О. Прицак, устремило свои интересы на восток. В это же время (около середины VII в.) аналогичное объединение восточных купцов устремило свои интересы на запад. Два потока столкнулись на Волге и общими усилиями создали Древнерусское государство. Изначально оно состояло из двух частей, северной, где хозяевами положения были венецкие и готские кланы, и южной, где господствовали авары, болгары, хазары. А где же славяне? Их, как будто, и вовсе не было» (Толочко 2016: 102–103).

Требуется ли это особых комментариев?

И, напротив, я категорически не согласен с тем, что якобы «под “обывательским” и “филистерским” норманнизмом он имеет в виду, конечно же, саркастические статьи, критикующие неоантинорманнистов без вступления с ними в “научную дискуссию”» (Губарев 2024: 84–85), с перечислением длинного списка авторов таких статей.

Всех перечисленных О. Л. Губаревым в этом списке исследователей (за категорическим исключением самого О. Л. Губарева) и огромное множество других сторонников норманнистских гипотез я считаю как раз и именно «действительно прекрасными учеными». И неоднократно об этом говорил публично в различных своих статьях. Начиная уже с того, что свои первые работы по варяго-русской проблеме я начал с весьма недвусмысленного посвящения: «А. Г. Кузьмину, Л. С. Клейну, В. Б. Вилинбахову, Т. Н. Джек-сон, Е. А. Мельниковой, О. Н. Трубачеву и В. В. Фомину – с огромным уважением» (Романчук 2013а: 283, 2013б: 70).

Но что касается «саркастических статей, критикующих неоантинорманнистов без вступления с ними в “научную дискуссию”», этих ли, либо же любых других ученых, то не думаю, что эти статьи могут быть названы их творческой удачей.

Я отнюдь не против сарказма (если он не перерастает в хамство), и когда это сарказм тонкий и умный – читаю такие статьи с огромным удовольствием².

² Собственно, О. Л. Губарев неверно трактует и мои слова по поводу «замены анализа аргументов психоанализом оппонентов» («Романчук уже неоднократно обвинял ученых, критикующих неоантинорманизм, в том, что они заменяют анализ аргументов неоантинорманистов их психоанализом [Романчук 2024а: 84]. Далее А. А. Романчук сам переходит, видимо, не замечая этого, к психоанализу») (Губарев 2024: 85).

Прежде всего, не думаю, что какие-либо мои слова в цитируемой О. Л. Губаревым статье (или любой другой) действительно достигают уровня «психоанализа». Но важнее другое – смысл моего высказывания существенно иной. И писал я (адресуя эти слова, кстати, равно как норманистам, так и антинорманистам) буквально следующее: «...вместо того, чтобы рассуждать о мотивах друг друга и заменять анализ аргументов психоанализом оппонента – давайте обсуждать именно главные и относящиеся к сути дискуссии вопросы и, что принципиально, – не искажать позиции оппонентов» (Романчук 2013а: 295).

Умный, глубокий и корректный (очень важно!) «психоанализ» – пусть и очень даже не лучшее решение (оппонент всегда будет реагировать на него болезненно), но все же не то чтобы вовсе неуместен.

Категорически же недопустимо, на мой взгляд, когда такой «психоанализ» (сколь бы умен, глубок и корректен он ни был – хотя без предварительного глубо-

Но я также совершенно уверен, что самое тонкое и блестящее остроумие ни в малейшей степени не может заменить научную аргументацию. Научные вопросы не могут решаться ни с помощью наиострейшей сатиры, ни с помощью самого блестящего остроумия.

Ни то ни другое попросту ничего не доказывает и ни в чем оппонентов не убеждает.

Вынужден повторить: «И когда с капитальными пятисотстраничными работами С. А. Гедеонова, А. Г. Кузьмина и самого В. В. Фомина, чрезвычайно насыщенными фактами, аргументами, вопросами и действительно привлекающими огромное количество источников, зачастую ускользающих от внимания норманистов, “расправляются” одной-двумя фразами, оставляя поставленные ими вопросы совершенно без ответа, подобная “критика” нисколько не убеждает» (Романчук 2013а: 294, 2013б: 120).

Надеюсь, что из вышеизложенного О. Л. Губареву станет вполне ясно, кого я считаю представителями обывательского норманизма, и кого, наоборот, «действительно прекрасными учеными».

Должен, однако, также заметить, что вообще сама постановка этого вопроса О. Л. Губаревым, равно как и манера его обсуждения и особенно способ аргументации предлагаемого им вывода, представляются попросту неприемлемыми и вообще, и уж тем более в тексте, претендующем на статус научного.

Прошу извинить, но де-факто это напоминает политический донос, а отнюдь не научную дискуссию. Если в рассматриваемом тексте О. Л. Губарева (да, впрочем, и в большинстве других его текстов) заменить антинорманистов на троцкистов, этот текст, рискну предположить, вполне органично смотрелся бы в кругу текстов определенного рода в 1937 г.

Так, помимо представленного выше, О. Л. Губарев пишет: «И хотя открыто об этом А. А. Романчук не говорит и старается объяснить “инерцией мышления”, но из такого подхода подспудно следует, что все так называемые “норманисты” (а это почти все археологи и историки, отечественные и зарубежные, считающие варягов скандинавами) настолько глупы, что не могут сделать правильные выводы из собственных вполне профессиональных работ» (Губарев 2024: 89–90).

кого анализа аргументов он таковым быть и не может по определению) попросту подменяет собой анализ аргументов.

С каких пор несогласие с тем или иным выводом исследователя, даже ключевым, равнозначно утверждению, что он «настолько глуп, что не может сделать правильные выводы из своих собственных работ»? Или что следует «работы этих историков и археологов, так называемых “норманнистов”, признать ошибочными и выполненными на несоответствующем уровне» (Губарев 2024: 90)?

Наконец, почему, «если признать, что исследования “норманнистов” выполнены на профессиональном уровне и показывают результаты, на самом деле подтверждающие догадки неоантинорманнистов, то отсюда следует тот самый вывод о коварстве этих историков и археологов, которые скрывают истину, искажают реальность и лгут народу» (Там же)?

Какой логикой нужно руководствоваться, чтобы получить такой вывод? Я уже не говорю о том, каковы основания, чтобы приписывать подобный вывод мне.

В этом же контексте стоит коснуться еще одного тезиса О. Л. Губарева: «Сами неоантинорманнисты археологических и исторических исследований не ведут, а в своих работах вынуждены использовать труды тех, кого они именуют “норманнистами”. И Романчук тут не исключение» (Там же: 89).

По всей видимости, чтобы понять это высказывание О. Л. Губарева, следует предположить, что под «археологическими и историческими исследованиями» он подразумевает здесь именно исследования, нацеленные на первичный сбор и обработку материала (в противном случае это его высказывание представляет собой очередной нонсенс). То есть, другими словами, О. Л. Губарев здесь хочет сказать, что антинорманнисты в архивах над документами не сидят и на раскопках лопатами не машут.

Если это так, то и здесь утверждение О. Л. Губарева не соответствует действительности и игнорирует вроде бы хорошо известные ему факты.

Так, ранее я уже упоминал, например, что переписку короля Юхана и Ивана Грозного по поводу того, «кто такие варяги», ввел в научный оборот именно В. В. Фомин (Романчук 2013а: 290; 2015: гл. 1, прим. 4). Равно как упоминал, что именно В. И. Меркулов ввел в научный оборот такой ценнейший источник, как витраж Доберанского монастыря (Он же 2024а: 88, прим. 4; 2015: гл. 1, прим. 4). Наконец, недавно умерший академик П. П. Толочко, автор более 270 научных работ и сторонник южного происхождения и этнонима «русь», и народа русь, и древнерусской государственности (То-

лочко 2016: 10–100), огромную часть своей жизни провел именно в археологических экспедициях как участник и руководитель раскопок.

Можно упомянуть еще много других имен, но, надеюсь, достаточно и сказанного.

Что касается лично меня, то, хотя ни Новгород, ни Псков, ни Старую Ладугу я не копал (так и живу я отнюдь не в Петербурге и даже вовсе не в России), но вообще-то у меня 17 полноценных полевых сезонов (и из них более половины в качестве руководителя раскопок), две сугубо археологические монографии и несколько десятков статей по археологии. Последние же 10 лет, будучи сотрудником Центра этнологии Института культурного наследия (г. Кишинев, Республика Молдова), я провел огромную часть этого времени в полевых исследованиях, собирая этнографический и диалектологический материал. Итогом этой работы стала недавно вышедшая монография (Романчук 2024б).

Так что, надеюсь, по крайней мере, определенное представление об исследовательской работе по первичному сбору материала и его обработке у меня есть.

В отличие, насколько мне известно, от О. Л. Губарева.

Вообще интересно, понимает ли О. Л. Губарев, что своим вышеприведенным высказыванием он вычеркивает из списка «ведущих исторические и археологические исследования» не только себя (что в первую очередь очевидно), но даже, например, Л. С. Клейна и Д. А. Мачинского? Которые, насколько мне помнится, в раскопках археологических памятников, имеющих отношение к варяго-русскому вопросу, тоже замечены не были. Но огромный вклад которых как в археологию вообще, так и в варяго-русскую дискуссию не подлежит никакому сомнению.

Мне, кстати, приходилось слышать от некоторых археологов по поводу Л. С. Клейна, что они, дескать, занимаются археологией, а Клейн – «теорией». На что я отвечал им тогда и хочу повторить здесь (очевидную в принципе вещь): Л. С. Клейн, работая над важнейшими теоретическими вопросами археологии, сделал для развития археологии неизмеримо больше, чем многие из тех, кто провел всю свою жизнь исключительно на раскопках.

Наука без теории, без глубочайшего анализа обширнейших массивов информации (которые по определению не могут быть собраны одним человеком, но лишь трудом сотен, если не тысяч исследователей; так что никто из тех, кто действительно занимается

наукой, не может ограничиться лишь тем, что добыл лично – будь то в архиве или на раскопе) и обязательно за этим следующего синтеза попросту перестает быть наукой и превращается в простое коллекционирование спичечных коробков. Занятие, может, для кого-то и увлекательное, но, с моей точки зрения, совершенно бессмысленное (да и неинтересное).

Пожалуй, на этом анализ глобальных (имеющих отношение к проблеме норманнизма и антинорманнизма в целом) вопросов, заданных О. Л. Губаревым, можно и завершить. Но, помимо «глобальных», О. Л. Губарев в своем комментарии затронул также немало и частных вопросов варяго-русской дискуссии и сделал множество ремарок, которые тоже стоит прокомментировать.

Прежде всего начну здесь с тезиса: «Романчук и в других своих работах постоянно пренебрегает требованием единства времени и пространства и готов обсуждать клятву русов X в. на примере то ирландцев времен короля Конхобара, датируемого примерно временем правления императора Августа (где Русь и где Ирландия?), то клятвы над ружьем русского крестьянина XIX в. (Романчук 2018: 94, 97)» (Губарев 2024).

Серьезно?

Вопору задать тут же встречные вопросы: а где нартский эпос и где «верховные боги индоевропейцев» (Ж. Дюмезиль)? Где потлач и тлинкиты и где *Homo ludens* (Й. Хейзинга)? Где наборы «игральных костей» в погребениях катакомбной культуры и где индийское позднесредневековое прозаическое сочинение «Видхуропандитаджатака» (Клейн 1997: 61)?

Неужели О. Л. Губарев никогда не слышал, что этнографические данные являются не только совершенно «законным» источником в исторических исследованиях, но в тех случаях, когда они имеют непосредственное отношение к исследуемому вопросу, и строго обязательным к использованию?

Именно таковы в данном случае и этнографические восточно-славянские (и вообще славянские) данные, и данные ирландских саг, позволяющие реконструировать кельтскую традицию клятв на оружии.

Как можно было вообще делать вывод о скандинавском происхождении клятв русов, не проверив предварительно славянские данные? И не проведя детальное (с учетом всех структурных и семантических нюансов) сопоставление славянской и скандинавской, а также в целом германской традиции клятв на оружии?

А между тем именно так О. Л. Губарев и поступил в своей статье (Губарев 2013) о клятве русов.

Данная статья О. Л. Губарева – пожалуй, единственный из его текстов, который не относится к жанру «обывательского норманизма» (впрочем, возможно, что это заслуга редакторов).

Тем не менее эта статья, по моему мнению (разумеется, сугубо субъективному), – довольно слабая, достаточно тенденциозная и во многих отношениях уж слишком, на мой взгляд, близка по содержанию к более ранней статье А. А. Фетисова на ту же тему (Фетисов 2002).

Причем, что характерно, если А. А. Фетисов и упомянул, и достаточно подробно охарактеризовал как славянские, так и тюркские, и угорские параллели клятве русов (Там же: 44), то у О. Л. Губарева они, напротив, вообще выпали из анализа. В отношении всех иных, помимо скандинавских, аналогий клятве русов на оружии во всем своем тексте О. Л. Губарев ограничился единственной фразой: «Наличие параллелей сюжету в эпосах других народов (нартско-осетинском, чечено-ингушском) привело А. А. Фетисова к выводу о том, что мотив смерти от собственного оружия не является принадлежностью исключительно скандинавского эпоса» (Губарев 2013: 241). Более никаких последствий эта фраза в дальнейшем тексте О. Л. Губарева так и не имела.

Разумеется, я считаю подобный подход и методологически некорректным, и тенденциозным.

Здесь нет никакой возможности углубляться в данный вопрос. Поэтому я ограничусь тем, что приведу резюме своей статьи (ее расширенной версии) о проблеме происхождения клятв русов «оружьем и обручем». Надеюсь, оно позволит читателям составить достаточное представление о моей позиции по этой проблеме.

Итак, в указанной статье «происхождение клятв русов X в. “оружьем и обручем”» рассматривается с помощью метода сравнительного анализа германской и славянской традиций. Показано, что у различных славянских народов была клятва оружием. В том числе и у тех (сербов, болгар, словаков, чехов), где ее никак нельзя объяснить скандинавским влиянием. Клятва оружием фиксируется и у кельтов. Сопоставление славянской и германской клятв оружием показывает наличие радикальной разницы между ними в ключевых смысловых и обрядовых нюансах. Клятва русов оружием ближе как раз к славянской традиции.

Клятва на кольцах представлена в славянской традиции при обручении, и анализ лингвистических и этнографических данных позволяет говорить о ее праславянском происхождении. А также предполагать, что она представляет собой реминисценцию существовавшей в дохристианское время у славян клятвы на кольцах и в иных контекстах. Использование кольца при обручении у кельтов и римлян, а также клятва кельтов на *torques* (шейной гривне) позволяет думать, что и клятва на кольцах была характерна для многих индоевропейских народов.

Сопоставление же клятв русов “обручем” и германской традиции клятв на кольцах позволяет заметить наличие важного обрядового отличия между ними: русы клянутся “обручем”, слагая его с себя, тогда как скандинавы (и вообще германцы) клянутся на алтарных кольцах, надевая их специально для клятвенной церемонии. Вероятно, клятва русов “оружьем и обручем” сложилась как раз в результате их длительного взаимодействия со славянами» (Романчук 2018: 93–94).

В этой же статье я достаточно подробно объяснил (Там же: 97, 101, прим. 9; см. также: Романчук 2013а: 289; 2013б: 104; 2014: 348, прим. 2), почему кельтские аналогии мы в данном случае должны рассматривать не только в типологическом отношении.

Остановливаясь на вышесказанном, коснусь также еще одного тезиса О. Л. Губарева – по поводу древнефризских параллелей в договоре Игоря с греками: «В договоре Игоря с греками дважды (в преамбуле и в заключительной части) повторяется древнефризская формула (Губарев 2017), которая встречается и в “Молитве” митрополита Илариона (Молдован 2018), что указывает на прямые контакты скандинавов-русов с фризами» (Губарев 2024).

Речь идет о фразе «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» этого договора.

Само по себе наблюдение о сходстве формулы «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» и ее древнефризского аналога любопытно.

Но, во-первых, автором этого наблюдения является отнюдь не О. Л. Губарев, а М. Стейн-Вилькесхёйс, что изначально признавал и сам О. Л. Губарев: «Эта формула договора, как показала Стейн-Вилькесхёйс, имеет наиболее близкое соответствие во фризской юридической практике заключения договоров... Е. Джексон рас-

смаатривает фризские параллели клятве русов более подробно» (Губарев 2017: 16–17).

Считаю необходимым специально обратить на это внимание, поскольку чем далее, тем более О. Л. Губарев представляет древнефризские аналогии формуле «Дондеже солнце съять и весь миръ стоять» как свое открытие, ссылаясь в контексте данного вопроса на свою статью, и вовсе не упоминая ни М. Стейн-Вилькесхёйс, ни Е. Джексон. И это, к сожалению, не только характеризует ситуацию с формулой «Дондеже солнце съять и весь миръ стоять», но и вообще отличает манеру обращения О. Л. Губарева с историографией.

Во-вторых, ни упомянутые исследователи, ни сам О. Л. Губарев, увы, и здесь не провели той совершенно необходимой работы, которая позволила бы О. Л. Губареву утверждать, что формула «Дондеже солнце съять и весь миръ стоять» действительно имеет древнефризское происхождение.

Поскольку как уже сама эта формула, так и то, что она представлена в «Молитве» Иллариона, адресует нас прежде всего к славянским (в том числе восточнославянским) заговорам и заклятиям (которые в славянской народной традиции как раз зачастую именовались именно молитвой).

Как я ранее уже подчеркивал, в науке на сегодня общепринято, что «проклятия и заклятия – представляют собой фактически инвариант клятвы: “клятва – это то же проклятие, но обращенное на субъекта, на говорящего”... и потому – весьма ценный источник информации о собственно клятве» (Романчук 2018: 95).

Совершенно очевидно, что формула «Доколе мир стоит и солнце светит» структурно и семантически идентична заключительным формулам славянских заговоров и заклятий, среди которых в первую очередь выделяются заговоры типа «как не будет веку конца» (Агапкина 2010: 234, 602, 609). Как отмечает здесь же Т. А. Агапкина, «присутствующая в таких формулах временная составляющая... развивается в заговорах в отдельные, вполне самостоятельные заключительные формулы, отчасти восходящие к молитвенным закрепкам типа во веки веков и под.». Причем «многие из итоговых формул явно восходили к каноническим молитвам и богослужебной практике и поддерживались их живым бытованием» (Там же: 234).

Примерами таких формул могут служить «век по век», «отныне и до веку» и подобные³.

В этом же контексте, очевидно, следует учитывать и так называемые «формулы невозможного»: «как реке не течь вспять», «как морю не гореть», «как камню не плавать», «когда небо с землей сойдется» и подобные (Агапкина 2010: 177, 183).

Что касается формулы «как камню не плавать», то весьма любопытно, что она тоже засвидетельствована «Повестью временных лет» и тоже в мирном договоре, но уже князя Владимира с Волжской Булгарией: «Тогда между нами не будет мира, когда камень начнет плавать, а хмель тонуть» (Там же: 177). Причем произносится эта клятва, согласно источнику, именно булгарами. Поскольку аналогичная формула клятвы засвидетельствована и у казанских татар (Давлетшин 2012: 153), то можно полагать, что летопись зафиксировала именно болгарскую (изначально) традицию закрепительной формулы клятвы.

К числу клятвенных «формул невозможности», очевидно, относится и известная фраза в ответе правителя антов Даврита аварским послам: «Пока будут на свете война и мечи».

Все эти факты не позволяют, на мой взгляд, утверждать, что формула «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» древнерусской традиции действительно имеет древнефризское происхождение. По всей видимости, мы имеем дело с традицией, не являющейся ни специфически древнефризской, ни даже специфически германской или славянской⁴.

Однако даже если эта формула и впрямь древнефризская по происхождению, то она никак не свидетельствует ни о том, что ру-

³ Конкретно формула «покуда свет стоит, покуда красно солнышко светит» обнаруживается (в заговоре т. н. «Покрова на род») пока только в распространяемых в Интернете некоторых сборниках заговоров современных шарлатанов – «магических целителей». Я не располагаю сейчас временем, да и не ставлю себе цели установить источник этой формулы в данных сборниках. Однако даже если ее источником стали не действительно народные русские заговоры, а фантазия упомянутых современных шарлатанов, все же нельзя не отметить, что и эта формула, и в целом текст заговора «Покрова на род» – вполне соответствуют характерной восточнославянской модели и цитируемым Т. А. Агапкиной примерам.

⁴ В конце концов, даже известная фраза турецкого коменданта крепости Измаил в ответ на ультиматум А. В. Суворова («Скорее небо упадет на землю, и Дунай потечет вспять») представляет собой не что иное, как инвариант «формулы невозможности», закрепительной формулы клятвы.

сы – это скандинавы, ни о том, что Рюрик пришел из Фризии (еще одна давно пропагандируемая О. Л. Губаревым идея).

В связи с этой идеей О. Л. Губарев пишет, что «слепота невнимания А. А. Романчука заключается в том, что он игнорирует гипотезу о “фризских данах” Рёрика Фрисландского, тождественного, согласно этой гипотезе, Рюрику» (Губарев 2024: 87).

Мне здесь прежде всего непонятно, почему в отношении гипотезы о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского («в девичестве» – насчитывающая более 100 лет гипотеза Х. Холлмана – Ф. Крузе [Толочко 2016: 75]) я должен обращаться к текстам О. Л. Губарева, а не к работам собственно оригинальных авторов по крайней мере ее современной версии, хотя бы того же А. А. Горского (Там же: 84–85).

Увы, но во всех попытках О. Л. Губарева в связи с этой идеей я пока вижу только пережевывание давно пережеванного (и выплюнутого) историографией, и вдобавок сдобренное изрядной порцией методологически некорректных и совершенно произвольных допущений и предположений, принадлежащих действительно уже самому О. Л. Губареву⁵.

Что, опять-таки, и вправду забавно, так это упоминание моего имени в контексте этих попыток О. Л. Губарева: «Романчук пере-

⁵ Здесь же О. Л. Губарев в очередной раз заявляет об «огромном количестве археологических находок скандинавского происхождения на территории Древней Руси» – и использует этот тезис как аргумент в пользу «скандинавского происхождения русов» (Губарев 2024: 88). То есть снова просто игнорирует все сделанные ранее в историографии (в том числе и мной [Романчук 2013а: 286–287; 2013б: 88–99; 2015; 2020]), и в том числе даже в обсуждаемой статье [Романчук 2024а: 91–92]) указания на неверность и такого подхода, и собственно утверждения об «огромном количестве скандинавских находок».

Не повторяя сказанное ранее, приведу здесь лишь также и оценку П. П. Толочко: «В целом, балто-скандинавские вещи составляют только небольшую долю из общего числа археологических находок IX–X вв. на юге Руси. Если обратиться к археологическим комплексам торгово-ремесленных центров Балтийского побережья, то окажется, что в них примерно в таком же соотношении встречаются вещи, происходящие из Руси» (Толочко 2016: 99).

И, его же, по поводу конкретно Искоростеня в связи с гипотезой В. Н. Зоценко о размещении там «варяжского корпуса» (поскольку этот частный случай хорошо иллюстрирует ситуацию в целом): «...никакого “обилия” скандинавских “маркеров” в Искоростене нет. Найдено всего несколько подвесок. Значительно больше здесь вещей, имеющих аналогии в византийских, моравских, венгерских и печенежских древностях. Отчего тогда не предположить, что в Искоростене стоял печенежский корпус? Для этого были бы хоть какие-то основания» (Там же: 207).

ходит к связям Старой Ладogi с Фризией. Надо отдать ему должное, он совершенно справедливо говорит о достаточно тесных связях русов с фризами, упоминая все те археологические артефакты, о которых говорил и я (Губарев 2019: 220–224)» (Губарев 2024: 87).

Юмор ситуации заключается в том, что «о достаточно тесных связях русов с фризами» (на самом деле моя мысль здесь существенно шире) я писал (с тщательным цитированием предшествующей историографии) еще в работах, опубликованных в 2013 г. (Романчук 2013а: 285, 287–288; 2013б: 79–80, 90, 98–101). Там я в том числе указывал на некоторые факты, не учитываемые (или недостаточно учитываемые) в контексте варяго-русской дискуссии. Или же – неверно, на мой взгляд, трактуемые (как присутствие фризских по происхождению вещей в той же Старой Ладогe).

Работы эти были давно и прекрасно О. Л. Губареву известны, он неоднократно пытался их оспорить, и смею предположить, что именно они стали для О. Л. Губарева первоначальным источником сведений о связях древнефризского ареала и Руси.

В последующих работах (Романчук 2015, 2017 и особенно: Он же 2018: 101, прим. 10) я обратил внимание еще на некоторые факты, касающиеся связей Руси и Фризии. И эти работы также прекрасно известны О. Л. Губареву, и по ним он тоже пытался вести «дискуссию».

Из всех этих работ, помимо прочего, достаточно очевидно, почему все попытки О. Л. Губарева использовать данные факты для «доказательства» тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского – попросту методологически некорректны.

Именно потому, что в условиях очевидных тесных и разносторонних контактов между Русью и древнефризским ареалом (эти контакты, как я ранее говорил и подчеркивал, следует рассматривать не изолированно, но в общем контексте Системы Приоритетных Взаимодействий между Юго-Западом Балтики и территорией будущей Руси [подробнее: Он же 2014]), начавшихся явно задолго до Рюрика (чему порукой в том числе находки в Старой Ладогe) и явно продолжавшихся и в IX в. (по крайней мере в его первой половине⁶), следы фризских влияний в древнерусском ареале никак не могут интерпретироваться как результат прихода Рюрика из Фризии.

⁶ Здесь следует заметить, что О. Л. Губарев неверно цитирует в данном контексте и С. Лебека («расцвет фризской торговли приходится на VIII в., а в IX в. их

Наоборот, если уж на то пошло, то приверженцам гипотезы о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского следовало бы предположить, что это Рюрик появился на Руси именно в силу уже существовавшей задолго до него системы связей между древнерусским и древнефризскими ареалами.

Однако искомое тождество Рюрика и Рёрика Фрисландского в этой ситуации можно доказать, только апеллируя к каким-либо фактам, непосредственно указывающим на собственно Рёрика Фрисландского (личные знаки, печати и т. п.).

И, кстати, в этом вопросе О. Л. Губарев игнорирует и хорошо известный ему (он ссылается даже на личную консультацию) вывод С. Л. Николаева о том, что имя Рюрика никак не может быть выведено из древнедатской формы (которую и представляет имя Рёрика Фрисландского).

Сам С. Л. Николаев считает, что имя Рюрик следует возводить либо к древнегютнийскому диалекту, либо к некоему незасвидетельствованному, гипотетическому «восточнодревнешведскому диалекту».

сменяют скандинавы [Lebecq 1989]» [Губарев 2024: 88]). На самом деле С. Лебек писал существенно иное: «La fin du VIIIe siècle et le début du IXe marquent indiscutablement l'apogée des importations frisonnes et rhénanes en Baltique» (Lebecq 1989: 49). То есть: «Конец VIII и начало IX в. – это, несомненно, пик импорта из Фризии и Рейнской области на Балтику».

Как видим, вывод, уже существенно отличающийся от того, который озвучил О. Л. Губарев.

Чуть далее С. Лебек его еще уточняет: «Au moins constatera-t-on que les Frisons n'en furent pas les seules victimes, même si c'est tout le système de relations marchandes qu'ils avaient mis au point à travers la Baltique qui se trouva perturbé d'abord (second quart du IXe siècle), et annihilé ensuite (après 850)» (Lebecq 1989: 54). То есть, согласно С. Лебеку, система торговых отношений, созданная фризами на Балтике, только во второй четверти IX в. была нарушена, а уж окончательно уничтожена лишь после 850 г.

Здесь я даже не буду обсуждать, насколько последний из выводов С. Лебека (об уничтожении созданной фризами системы торговых отношений на Балтике – безотносительно датировки данного предполагаемого события) верен. Поскольку даже это предполагаемое «уничтожение системы» вряд ли следует интерпретировать как окончательное исчезновение фризов из числа действующих на Балтике лиц. Особенно, имея в виду, что мы должны учитывать здесь не только (и даже не столько) собственно фризов Фрисландии – но и те их группы, которые поселились в Южной Ютландии (в частности, в Хайтабу – который изначально был, как известно, колонией фризов).

Собственно, именно это я ранее уже подчеркивал, и неоднократно (Романчук 2013б: 99–101; 2018: 102, прим. 11).

Мне, однако, оба эти предположения представляются не самыми убедительными (Романчук 2023: 379, прим. 5). И я склонен считать, что истоки имени Рюрик (как и Трувор, и Синеус) следует искать все же в континентально-германской (и, возможно, кельтской) среде (Он же 2017).

Надеюсь, из вышеизложенного уже достаточно ясно, почему я крайне скептически отношусь и к идее тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, и к попыткам О. Л. Губарева добавить «аргументов» в ее пользу.

И, завершая «дискуссию» с О. Л. Губаревым, кратко коснусь еще некоторых его «критических замечаний», которые, похоже, уж вовсе были сделаны, исходя из двух базовых принципов: «главное – побольше замечаний» и «авось никто проверять не будет».

В первую очередь того, что «Романчук... не поясняет, как племя балтийских славян – вагров могло получить свое наименование от германского этнонима» (Губарев 2024: 87).

Утверждение крайне странное, поскольку даже в обсуждаемой статье написано, «как этноним “væringi” возник в германской среде на Юго-Западе Балтики, и очень рано, еще в дославянское время» (Романчук 2024а: 89). И ранее, начиная с (Он же 2013а: 289; 2013б: 101–102), я неоднократно подчеркивал хорошо известный в науке и очевидный факт: «У балтийских славян имелся германский субстрат» (Он же 2018: 102, прим. 11). То есть этноним “væringi” для балтийских славян именно субстратный, и славянское племя получило его в процессе взаимодействия с субстратным для него германским населением Юго-Запада Балтики.

В контексте вопроса о варягах же О. Л. Губарев пишет: «В качестве доказательства идентичности термина “варяги” IX в. и “немцы” А. А. Романчук ссылается на какие-то анналы (без конкретного указания, что имеется в виду) и на письмо Ивана Грозного королю Швеции Юхану (XVI в.)» (Губарев 2024: 86).

Здесь, во-первых, существенно неточно излагается моя позиция, поскольку речь идет не о тождестве варягов IX в. (как пишет О. Л. Губарев) и немцев. А о том, что с течением времени происходило расширение значения этнонима «варяг» (с определенного времени ставшего использоваться и для обозначения скандинавов), и к XII в. он стал обозначать западноевропейцев вообще, и в это же время начинает отмечаться его параллелизм термину «немцы».

Во-вторых, и здесь же, в статье (Романчук 2024а: 86), и еще подробнее ранее (начиная с: Он же 2013а: 290) мною были даны от-

ссылки к работам тех исследователей, которые, собственно, и аргументировали и многозначность этнонима «варяг», и постепенное расширение его значения – в первую очередь А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, где в том числе содержится и отсылка к интересующим О. Л. Губарева источникам, рисующим нам эволюцию этнонима «варяги».

В-третьих, помимо А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, О. Л. Губарев мог бы обратить внимание на цитируемые мною в обсуждаемой же статье (Романчук 2024а: 86) ссылки на исследователей, которые никак не относятся к числу антинорманистов, но которые также отмечают и расширение значения этнонима «варяг», и его параллелизм (с определенного момента времени) термину «немцы». Я имею в виду работы (Кучкин 1966) и (Циммерлинг 2021).

Причем, более того, А. В. Циммерлинг мною там же – даже весьма недвусмысленно – цитируется: «А. В. Циммерлинг трактует соотношение этих терминов в грамоте ГВНП № 28 иначе: “...здесь термин «варяг» используется более расширительно в зн. «иностранец на Руси»...” (Там же: 250)» (Романчук 2024а: 86, прим. 2).

Каким образом О. Л. Губарев умудрился всего этого «не заметить», я, право, затрудняюсь объяснить⁷.

⁷ О. Л. Губарев не только всего этого «не заметил» – он умудрился одновременно заявить, что «не упоминает Романчук и двойственность варягов у В. В. Фомина, который вынужден в связи с огромным количеством археологических находок и невозможностью отрицать очевидное признать, что варяги с X в. были скандинавы, а вот до того – балтийские славяне (Фомин 2005: 336–421). Но никак не объясняется перенос имени с балтийских славян на скандинавов» (Губарев 2024: 89).

Читал ли вообще О. Л. Губарев работу В. В. Фомина? А мои работы?

Потому что тут имеет место прямо-таки катастрофическое искажение позиции В. В. Фомина и А. Г. Кузьмина (равно как и моей), и просто какая-то «параллелизация сознания» – поскольку одновременно О. Л. Губарев критикует тезис А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина (и мой) о расширении значения этнонима «варяг» (с его постепенным распространением и на скандинавов, и, далее, на западноевропейцев вообще), и, тем не менее, тут же утверждает, что «не упоминает Романчук и двойственность варягов у В. В. Фомина» (Там же).

Аналогичный нонсенс составляет еще одно «замечание» такого рода со стороны О. Л. Губарева: «Кроме того, ни сам А. А. Романчук, ни В. В. Фомин так и не рассмотрели критику этой фантастической балтийско-славянской гипотезы со стороны И. Первольфа, хотя необходимость такого опровержения ее положений Романчук отмечал еще в 2013 г. (Романчук 2013б: 85)» (Там же: 88–89).

Аналогично странным представляется другое замечание О. Л. Губарева: «Далее без доказательств Романчук заявляет, что не может согласиться с тем, что этноним “русь” означал скандинавов» (Губарев 2024: 87). Не говоря о том, что непосредственно там же содержатся ссылки на мои работы, в которых я как раз объясняю причины своего несогласия: «...этноним “русь” (по мысли норманистов — прилагаемый к скандинавам же, с чем, увы, согласиться не могу), напротив, возникает еще как минимум в VIII в. (Романчук 2013а: 292; 2013б: 108; Николаев 2017: 31, прим. 88; Романчук 2022: 337; Romanchuk 2023)» [Романчук 2024а: 86]], но ведь и сами работы эти, по идее, О. Л. Губареву уже и так давно и хорошо известны. По крайней мере, он неоднократно пытался с ними «дискутировать».

И странно, почему вдруг «забыл».

Впрочем, не буду прибегать к психоанализу. Равно как не буду и комментировать здесь слова О. Л. Губарева: «...игнорирует четкое указание летописца, ставящего русов в один ряд с другими скандинавскими народами» (Губарев 2024: 87). Насчет этого «четкого указания летописца» в историографии столько копий сломано (см., в частности: Толочко 2016: 13), что это даже не забавно.

Лучше в завершение темы О. Л. Губарева остановлюсь на его замечании, которое автор почему-то объявил «самым главным»: «И, наконец, самое главное. В своей статье Романчук обходит молчанием вторую альтернативную гипотезу Е. С. Галкиной о происхождении русов от рокс/рухс-алан, взаимоисключающую по отношению к гипотезе русов как балтийских славян (Галкина 2002). А ведь из двух взаимоисключающих гипотез неоантинорманистов верной может быть только одна, или обе могут быть неверны. Но чтобы избежать спора и разделения ничтожной кучки историков-неоантинорманистов еще и между собой, Е. С. Галкина смеши-

На самом деле я в процитированной статье (Романчук 2013б: 82) говорю не только о возражениях И. Первольфа, но и о возражениях многих других критиков идеи происхождения новгородцев от балтийских славян (в частности: О. Н. Трубачева, В. Б. Крысько, Х. Шустер-Шевца, С. Л. Санкиной). А затем, на протяжении почти десяти страниц — я именно и отвечаю на эту критику.

В следующем же году вышла моя новая статья, которая и вовсе имела весьма выразительное название: «Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии» (Романчук 2014). И целиком была посвящена именно указанной проблеме.

Каким образом О. Л. Губарев всего этого «не заметил»?

вает своих алан с балтийскими славянами, тем самым объединяя две взаимоисключающие гипотезы в одну (Галкина 2002: 358–365). Хочется спросить: где же здесь наука?» (Губарев 2024: 89).

И что?

Вообще-то я, например, ранее игнорировал и «гипотезы» О. Л. Губарева. Значит ли это, что моим мотивом было стремление «избегать спора и разделения» норманнистов, позиции которых на самом деле также достаточно далеки от единства по множеству вопросов?

И почему гипотеза Е. С. Галкиной должна быть для меня столь важна? Она, что, как-то опровергает какой-либо из моих выводов?

Или, не дай бог, она вообще для предлагаемых мною гипотез в варяго-русском вопросе представляет настолько непреодолимое препятствие, даже более впечатляющее, просто несопоставимое, чем любая норманнистская работа, что, не возразив Е. С. Галкиной, я попросту даже не могу далее настаивать на своих выводах?

Насколько я вижу, это далеко не так.

На самом деле книга Е. С. Галкиной – это достаточно слабая в профессиональном отношении компилятивная попытка еще раз представить «причерноморскую» гипотезу (точнее, одну из ее версий) происхождения этнонима «русь», народа русь и Древнерусского государства. Автором которой является вовсе не Е. С. Галкина, а в первую очередь О. Н. Трубачев и Д. Т. Березовец. И если уж с «причерноморской» гипотезой спорить, то лучше опять-таки обращаться к оригиналу.

Пока я такой необходимости не вижу.

Думаю, на этом можно остановиться и подвести некоторые итоги. Итак, из вышеизложенного, думаю, вполне ясны те причины, которые ранее побуждали меня просто воздерживаться от ответа О. Л. Губареву.

Первой из этих причин является именно постоянное и крайнее стремление О. Л. Губарева перевести обсуждение любого сугубо научного вопроса в «борьбу с антинорманнизмом». Мне же такого рода «дискуссии» попросту неинтересны. И ранее (Романчук 2015: гл. 1, прим. 5) я очень даже не случайно в этом контексте вспоминал известную фразу С. Д. Довлатова: «Советский... Антисоветский... Какая разница?!» Она более чем хорошо характеризует как «обывательский норманнизм», так и «обывательский антинорманнизм».

Должен также заметить, что стремление перевести научную дискуссию в «борьбу с -измом» фактически приводит в конечном итоге к разрушению науки как таковой. И когда О. Л. Губарев с гордостью ставит себе в заслугу, что в том числе благодаря его деятельности «принадлежать к антинорманизму как маргинальному явлению в исторической науке стало неудобно» (Губарев 2024) – гордиться тут, на мой взгляд, нечем.

Как я уже отмечал ранее (Романчук 2013б: 114), цитируя по этому поводу А. В. Назаренко, абсолютно ненормально то, что даже обсуждение многих важных вопросов в варяжско-русской дискуссии требует сегодня изрядной смелости.

Что касается второй причины моего длительного игнорирования «дискуссии» с О. Л. Губаревым, то она в конечном итоге сводится к тому, что во всех своих текстах О. Л. Губарев чрезвычайно вторичен (если не третичен). Думаю, для всех очевидно, что при обсуждении любого вопроса совершенно необходимо обращаться именно к оригинальному источнику той или иной точки зрения.

Остановившись на этом, обращусь еще к одному вопросу – отношения к О. Л. Губареву не имеющему, но который целесообразно было бы также здесь рассмотреть.

Я имею в виду очень интересные и важные статьи А. С. Щавелева и М. В. Елиферовой, в которых были высказаны критические замечания в адрес гипотезы «русско-варяжского диалекта» С. Л. Николаева (2017).

Ранее я назвал это открытие С. Л. Николаева эпохальным (Romanchuk 2023: 100; Романчук 2024а: 89) и с удовольствием повторю это здесь еще раз. На мой взгляд, ни возражения А. С. Щавелева, ни возражения М. В. Елиферовой выводы С. Л. Николаева о существовании «русско-варяжского» диалекта подорвать не могут. А работа М. В. Елиферовой гипотезу С. Л. Николаева даже подкрепляет.

Начну с возражений А. С. Щавелева – как более кратких. Для удобства же обсуждения приведу их сразу целиком, благо они помещаются практически в один абзац.

Итак, А. С. Щавелев пишет: «Thus, A. A. Romanchuk considers “epoch-making” (2023: 100) the article by S. L. Nikolaev, who reconstructed a certain archaic “Varangian dialect” of Old Norse on the basis of the list of ambassadors and their confidants in the treaties of Rus’ princes with Byzantine emperors. I shall briefly summarize my doubts, which, as it seems to me, ultimately demands not to use this hypothesis

as a basis for ethnocultural reconstructions but to wait for its evaluation by specialists.

Firstly, the hypothesis of “Varangian dialect” does not pass the experimental test. The studied onomasticon of these treaties E. A. Melnikova... A. Zimmerling... (whom A. A. Romanchuk in his article with full right attests as “one of the greatest Russian Germanists of our time”: 2023: 98), and B. Struminsky... didn’t reveal any special dialect different from the standard Old Norse. Secondly, the linguistic reconstruction of onomastic units should be preceded by a textual reconstruction of the chronicle text in which they have reached us. In this case, it is necessary to compare the six main witnesses of the “Primary Chronicle”... according to a certain procedure, the original text of which is determined by the coincidence of independent readings... And in this case, it was not made by S. N. Nikolaev. Thirdly, the evolution of the text of the treaties of the Rus’ princes with the Byzantines is now quite clear: their originals were drawn up in Greek; no Church Slavonic version existed; then they were copied into a Byzantine copy-book (i.e., some sort of “cartularium”, Greek: “τὸ κοινάκιον”); at the beginning of the 12th century, they were translated into Old Church Slavonic and then copied into the original “Primary Chronicle” which was then edited and “dispersed” in different copies. Besides, we quite understand that during the procedure of the ratification of the treaties, the list of names of Rus’ elitists and their ambassadors should have been pronounced by someone from the side of Rus’, then transferred by Byzantium translators to scribes-compilers of treaties. I consider incredible to expect that after all these procedures the onomastics of treaties will be kept well and will be read any regular linguistic signs of any special dialects. Finally, I emphasize that S. N. Nikolaev’s previous attempt to reconstruct an allegedly ancient “dialect of Krivichi” was convincingly denied» (Shchhavelev 2025).

То есть: «Так, А. А. Романчук считает “эпохальной” (2023: 100) статью С. Л. Николаева, реконструировавшего некий архаичный “варяжский диалект” древнескандинавского языка на основе списка послов и их приближенных в договорах русских князей с византийскими императорами. Кратко изложу свои сомнения, которые, как мне кажется, в конечном итоге требуют не брать эту гипотезу за основу этнокультурных реконструкций, а дожидаться ее оценки специалистами. Во-первых, гипотеза “варяжского диалекта” не про-

шла экспериментальную проверку. Изученный ономастикон этих трактатов Е. А. Мельниковой..., А. Циммерлингом... (которого А. А. Романчук в своей статье с полным правом называет “одним из крупнейших русских германистов современности”: 2023: 98) и Б. Струминским... не выявили в нем какого-либо особого диалекта, отличного от литературного древнескандинавского. Во-вторых, лингвистической реконструкции ономастических единиц должна предшествовать текстовая реконструкция летописного текста, в котором они дошли до нас. В этом случае необходимо сопоставить шесть основных списков “Повести временных лет”... по определенной процедуре, исходный текст которой определяется совпадением независимых прочтений... А в данном случае это не было сделано С. Л. Николаевым. В-третьих, эволюция текста договоров русских князей с византийцами теперь вполне ясна: их оригиналы составлялись на греческом языке; церковнославянской версии не существовало; затем они были переписаны в византийский сборник договоров (то есть своего рода “картулярий”, греч. τὸ κοιντάκιον); в начале XII в. они были переведены на старославянский язык и затем переписаны в оригинал “Повести временных лет”, которая затем была отредактирована и “разошлась” по разным спискам. Кроме того, мы вполне понимаем, что во время процедуры ратификации договоров список имен русских знатных особ и их послов должен был быть произнесен кем-то со стороны Руси, затем передан византийскими переводчиками писцам-составителям договоров. Я считаю невероятным ожидать, что после всех этих процедур ономастика договоров будет хорошо сохранена и будут выявлены какие-либо регулярные языковые признаки каких-либо диалектов. Наконец, я подчеркну, что предыдущая попытка С. Н. Николаева реконструировать якобы древний “диалект кривичей” была убедительно опровергнута...».

Здесь, прежде всего, не могу согласиться с тем, что гипотеза С. Л. Николаева «не прошла экспериментальную проверку». Поскольку впервые она была опубликована 14 лет назад, тут же стала широко известна всем заинтересованным лицам и все эти годы не выпадала из фокуса их внимания.

Можно ли представить, чтобы в течение столь длительного времени (и при том, что, в отличие от даже сравнительно недавнего прошлого, сегодня благодаря Интернету свою реакцию можно

озвучить практически моментально, в режиме реального времени) кто-либо из этих заинтересованных лиц мог, но не стал оспаривать позицию оппонента в вопросе, который имеет для него фундаментальнейшее и принципиальнейшее значение?

Лично я таких примеров в истории науки припомнить не могу, и думаю, что А. С. Щавелев – тоже.

Собственно, и статья М. Е. Елиферовой представляет собой наглядное подтверждение вышесказанному: как только М. В. Елиферова решила, что у нее имеются веские возражения против работы С. Л. Николаева, она их тут же озвучила.

Поэтому то, что предшественники С. Л. Николаева (Е. А. Мельникова, А. В. Циммерлинг, Б. Струминский) не увидели русско-варяжского диалекта, здесь никак не может служить контраргументом. И даже наоборот, то, что они (за исключением умершего в 1998 г. Б. Струминского) уже 14 лет, пребывая, слава богу, в добром здравии и будучи прекрасно осведомлены о работе С. Л. Николаева, так и не собрались ему возразить, свидетельствует как раз в пользу гипотезы последнего.

Далее, никак не могу согласиться и с тем, что С. Л. Николаев пренебрег этапом текстологической работы и проверки написания имен послов в различных списках летописи. Такая работа как раз была им проделана (Николаев 2017: 9–16).

Далее о том, что тексты договоров были изначально на греческом языке и лишь позже переведены на старославянский.

Во-первых, существенная часть рассмотренного С. Л. Николаевым русско-варяжского ономастикона, и притом как раз важнейшие имена (Олег, Ольга, Игорь, Рюрик, Трувор, Синеус, Свенельд, Рогволод, Рогнеда, Глеб), происходит отнюдь не из текстов договоров с греками, а из основного текста «Повести временных лет».

Во-вторых, предположение, что договоры были изначально именно в греческом оригинале – как кажется, все же не столь очевидно и даже, наоборот, более чем не очевидно (Елиферова 2020: 57–65). Ниже при рассмотрении критики М. В. Елиферовой я на этом останавлиюсь подробнее.

В-третьих и в-главных – мы должны исходить из того безусловного и очевидного факта, что С. Л. Николаеву именно и удалось показать и доказать существование регулярных фонетических закономерностей, характеризующих русско-варяжский диалект и се-

рьезно отличающих его от любого из известных скандинавских диалектов соответствующей эпохи.

Грубо говоря, он проанализировал некий массив информации и показал наличие в нем системы, устойчивых закономерностей и упорядоченности. И это должно, безусловно, быть отправной точкой всех наших дальнейших рассуждений и возможной критики гипотезы С. Л. Николаева. Единственной реальной возможностью опровергнуть гипотезу С. Л. Николаева может быть лишь попытка оспорить существование выявленной им в данном массиве информации системы закономерностей. А этого-то до сих пор как раз никак так и не было сделано.

Каким же образом данная система, данная упорядоченность в «Повести временных лет» сохранилась и дошла до нас – вопрос на самом деле уже второй и менее важный.

Наконец, завершая анализ возражений А. С. Щавелева, мне представляется удивительной его апелляция в этом вопросе к тому, что «предыдущая попытка С. Н. Николаева реконструировать якобы древний “диалект кривичей” была убедительно опровергнута».

Во-первых, даже если бы это было так, каким образом это могло бы оспорить совершенно иную гипотезу С. Л. Николаева, относящуюся к абсолютно другой проблеме? С таким же успехом я мог бы здесь апеллировать для аргументации этой гипотезы к иным гипотезам С. Л. Николаева, получившим общее признание в науке.

Во-вторых, никак не могу согласиться и с тезисом о том, что гипотеза С. Л. Николаева о существовании «кривичского диалекта» была опровергнута В. Б. Крысько.

Ранее я касался этого спора (Романчук 2013б: 82–88; 2014), и, на мой взгляд, несмотря на то что многие замечания В. Б. Крысько вполне справедливы (но, однако, никак не могут «разрушить» главные выводы С. Л. Николаева), прав в этой дискуссии по большому счету как раз С. Л. Николаев.

Порукой тому и то, что в монографии А. А. Зализняка о древненовгородском диалекте, при учете критики В. Б. Крысько, тем не менее все ключевые из ранее полученных выводов С. Л. Николаева и А. А. Зализняка остаются в силе (Зализняк 2004: 7, 56).

Переходя далее к замечаниям М. В. Елиферовой, начну тоже с самого важного: оспорила ли она главное в гипотезе С. Л. Николаева, то есть существование фонетических закономерностей, ха-

рактизирующих русско-варяжский диалект, и факт их отличия от любого скандинавского диалекта соответствующей эпохи?

Нет, никоим образом.

Все замечания М. В. Елиферовой касаются второстепенных для гипотезы русско-варяжского диалекта вопросов и гипотезу С. Л. Николаева поколебать не могут.

И даже более того – как я уже отметил выше, результаты М. В. Елиферовой фактически эту гипотезу даже дополнительно подтверждают и позволяют лучше объяснить некоторые моменты.

Во-первых и в-главных, М. В. Елиферова очень последовательно и убедительно подтвердила тот совершенно недооцениваемый историографией факт, который и послужил С. Л. Николаеву отправной точкой в его гипотезе. Именно то, что русско-варяжские имена передаются в «Повести временных лет» с точным отражением исходной германской фонетики.

Позволю себе здесь ради пущей точности обширную цитату.

Итак, М. В. Елиферова пишет: «В свою очередь, германисты, обращавшиеся к данной теме, опускают проблему греческого посредства, рассуждая так, как если бы имена послов передавались непосредственно со скандинавского на славянский... 20 лет назад Е. А. Мельникова на основании особенностей орфографии пришла именно к такому выводу: "...древнерусские формы скандинавских имен не несут ни малейших следов, указывающих на то, что в древнерусский текст они попали через греческое посредство"... Ф. Б. Успенский также полагает, что "скандинавские имена попали в текст договоров, минуя греческое посредство"... Как мы покажем ниже, наблюдения, сделанные германистами над орфографией скандинавских имен в договорах, справедливы: многие формы написания имен необъяснимы, если предполагать транслитерацию с греческого на кириллицу. Однако это порождает вопрос, как вообще греческое посредство можно было "миновать" и откуда славянский переводчик взял германские формы имен. На этот вопрос ответить мало кто пытался» (Елиферова 2020: 60).

Во-вторых, оспорив предложенное С. Л. Николаевым объяснение того, как русско-варяжские имена послов были сохранены в «Повести временных лет» в фонетически точной форме, М. В. Елиферова тут же предложила новое и даже более убедительное объяснение: «Большинство этих проблем разрешимы, если предположить, что имена послов в экземплярах договоров 911 и 945 гг., до-

ступных славянскому переводчику, были записаны латиницей» (Елиферова 2020: 65).

На самом деле, на мой взгляд, еще более убедительным и непротиворечивым объяснением будет то, что и сами договоры, и имена послов были изначально, уже в момент заключения договоров, записаны не только на греческом, но и на славянском (старославянском или же древнерусском – вопрос уже отдельный), и именно кириллицей. И хранились эти договоры именно на Руси.

Да, у нас нет прямых свидетельств существования письменности на Руси до принятия христианства. Но и очевидные следы интенсивных взаимодействий с Византией уже с самого начала X в. (выразившиеся в том числе и в достаточно широком распространении христианства в Киеве уже к эпохе Ольги), и масштабная хозяйственно-административная деятельность той же Ольги на государственном уровне (что, как очевидно, создавало мощный запрос на использование письменности), и археологически очевидное (в том числе по результатам анализа ювелирных украшений [см. работы С. С. Рябцевой, прежде всего: Reabtseva 2014; Рябцева 2018]) значительное влияние со стороны Великой Моравии на земли Киевской Руси, и разгром Великой Моравии венграми как раз в самом начале X в. (что, очевидно, привело к появлению огромного множества беглецов – в том числе, судя по археологическим данным, и на Русь) – все это делает вполне приемлемым, полагаю, предположение о том, что использование кириллицы в Киевской Руси, пусть и далеко не в «промышленных масштабах», началось еще задолго до принятия христианства.

Возвращаясь к возражениям М. В. Елиферовой, перейдем к ее частным (по отношению к гипотезе С. Л. Николаева) выводам.

Среди них в первую очередь важна предложенная ею древнеанглийская линия этимологии ряда имен послов, и прежде всего Актеву.

Прочитую: «Лишь в 2017 г. вышла работа С. Л. Николаева, который попытался сопоставить это имя с именем Эгтеов из “Беовульфа” (Николаев 2017: 26). К сожалению, недостаточно зная древнеанглийский материал и находясь в плену своей идеи “особого русско-варяжского диалекта”, якобы отделившегося от известных северогерманских языков “не позднее VIII в.” (Там же: 15, прим. 23; см. также с. 31), Николаев двинулся в ошибочном направлении – что привело его к недоуменным рассуждениям, откуда на русской почве взялось Ак- вместо ожидаемого Ег-. Между

тем при обращении к древнеанглийскому языку загадочное Актеву приобретает вполне опознаваемый вид – *Āsfrēow*» (Елиферова 2020: 52).

Здесь, помимо неприемлемых, на мой взгляд, в научной дискуссии оборотов и высказываний в адрес С. Л. Николаева (к сожалению, они в данной работе М. В. Елиферовой не единичны⁸ и адресованы не только С. Л. Николаеву, но и некоторым другим из числа тех исследователей, с которыми она дискутирует, что очень портит впечатление от этой в целом, еще раз повторю, прекрасной работы), М. В. Елиферова неточно передает позицию С. Л. Николаева. Последний как раз рассматривал имя Актеву в числе тех, которые отклоняются от фонетики реконструируемого им русско-варяжского диалекта и, соответственно, требуют объяснения.

⁸ Например, М. В. Елиферова пишет: «Приведем характерный пример: “В «русско-варяжском» диалекте не было палатализации зубных согласных, о чем свидетельствует передача [i] после них кириллическим ы: Бруны, Буды, Гуды, Карлы, Кары, Моны, Слуды, Туры” (Николаев 2017. С. 27). Это рассуждение показывает недостаточное знакомство автора как с древнескандинавским, так и с древнерусским консонантизмом, к тому же игнорирует очевидное морфологическое объяснение – аналогию со славянскими словами камы, ремы, любви и т. п.» (Елиферова 2020: 64, прим. 10).

Здесь, во-первых, если М. В. Елиферова не согласна с этим выводом С. Л. Николаева, то ей следовало бы внятно сформулировать, что именно ее к этому несогласию побуждает – а не рассуждать о «недостаточном знакомстве автора». На мой взгляд, это единственно приемлемый в научной дискуссии вариант представления и обоснования предлагаемой критики.

Во-вторых, ей необходимо обосновать, почему мы в данном случае должны предпочесть именно морфологическое объяснение – и это обоснование не может быть оторвано от попытки предложить в целом альтернативное гипотезе С. Л. Николаева объяснение.

Напомню, что А. А. Зализняк по сходному поводу писал следующее: «Во всех таких случаях он использует один и тот же прием: берет один за другим примеры обсуждаемого фонетического явления и для каждого предлагает какой-нибудь сугубо индивидуальный нерегулярный путь, которым мог бы быть достигнут наблюдаемый результат... Этот метод, состоящий в замене единого объяснения для всей рассматриваемой категории примеров дюжиной разных объяснений *ad hoc*, дает необычайно широкие возможности: с его помощью вполне можно “отменить” даже и самые хрестоматийные фонетические явления, нужно лишь иметь достаточно сильное желание» (Зализняк 2004: 49, прим. 8).

Наконец, в-третьих, если уж С. Л. Николаев «недостаточно знаком с древнерусским консонантизмом», то кто тогда с ним действительно знаком?

Неужели М. В. Елиферова?

То, что М. В. Елиферова такое объяснение предложила, гипотезу С. Л. Николаева не только не ослабляет, но и дополнительно подкрепляет.

Равно как и обращаемое ею внимание на имя Инегелд, по поводу которого она пишет следующее: «Имя Инегелд, традиционно интерпретируемое как древнесеверное Ingjald, может быть англосаксонской формой того же имени – Ingeld, Inegild... Совершенно нет оснований усматривать в ней, как это делает С. Л. Николаев, следы неизвестного “русско-варяжского” диалекта (Николаев 2017: 30) – форма In(e)geld, если это не обычное фонетическое упрощение на русской почве (наподобие Астафий < Евстафий), надежно объясняется из древнеанглийского. ...Северогерманское имя Ingjald вторично по отношению к англосаксонскому In(e)geld. <...> В Скандинавии эпохи викингов оно встречается редко (из-за ассоциации с отрицательным персонажем, поскольку легендарный Ингельд-Ингьяльд был злодеем) и не входит в ономастикон королевских династий» (Елиферова 2020: 55).

Здесь, во-первых, следует заметить, что оснований «усматривать следы русско-варяжского диалекта» в имени Инегелд не было, если бы М. В. Елиферова опровергла существование этого диалекта в целом – чего она, как уже было сказано, не сделала. Во-вторых, вне зависимости от того, действительно ли Инегелд представляет собой тоже древнеанглийское влияние, весьма примечательно здесь то, что «вторичное по отношению к англосаксонскому In(e)geld» северогерманское Ingjald в Скандинавии – как раз редко.

Не менее примечательны высказанные ею соображения по поводу имен Шихьберн и Шибьрид: «Мы признаем, что на данном этапе не можем разрешить проблему написаний имен Шигобернъ / Шихьбернъ и Шибьридъ через ш. <...> Имя Шибьридъ (в других списках без ь в середине; иногда в явно ошибочной форме Шибринъ) само по себе представляет загадку. Оно безусловно не скандинавское, а западногерманское» (Там же: 65).

Завершая анализ замечаний М. В. Елиферовой, остановлюсь на предлагаемом ею объяснении появления в договорах имен послов, имеющих древнеанглийские параллели. В качестве такого объяснения она выдвигает «предположение, что в свите Олега и Игоря присутствовали англосаксы из Денло» (Там же: 68).

Однако почему же обязательно из Денло?

Такое предположение исходит сразу из двух аксиоматичных (но отнюдь не являющихся аксиомами) презумпций – что мы должны видеть в руси скандинавов и что носители древнеанглийских имен могли попасть на Русь только из Денло и только со скандинавами.

Между тем в свете отмеченных ранее (Романчук 2015: гл. 3) оснований (прежде всего речь здесь идет о наблюдениях А. Пауля) предполагать «сохранение остатков племени англов в раннем Средневековье в юго-западной части области Ангельн вокруг Хайтабу и внутреннего залива Шлей» резонно, думаю, искать источник появления этих имен в русско-варяжском ономастиконе поближе, чем в Денло, – и именно в указанном регионе на Юго-Западе Балтики (см. в этой связи также: Романчук 2013а: 289).

Таким образом, завершая рассмотрение возражений М. В. Елиферовой, надеюсь, что из вышесказанного вполне очевидна справедливость сделанного мною в начале утверждения – предлагаемая М. В. Елиферовой (как и А. С. Щавелевым) критика гипотезы С. Л. Николаева о существовании русско-варяжского диалекта не только эту гипотезу не подрывает, но даже, наоборот, ее существенно подкрепляет.

На этом я хотел бы поставить точку и в данном тексте в целом. Надеюсь, представленные мною здесь объяснения и ответы вполне пояснят читателям мою позицию.

Литература

- Агапкина, Т. А. 2010. *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: сюжетики и образ мира*. М.: Индрик.
- Галкина, Е. С. 2002. *Тайны Русского каганата*. М.: Вече.
- Губарев, О. Л.
2013. О клятвах русов и славян. *Stratum plus* 5: 239–245.
2017. «Дондеже солнце съять и весь мирь стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.). *Valla* 3(3): 16–22.
2019. *Рюрик Скьельдунг*. СПб.: Евразия.
2020. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Novogardia* 2: 4–36.
2024. Слепота невнимания неоантинорманизма. *История и современность* 4: 78–93.

Давлетшин, Г. М. 2012. Клятва, договор, шертование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар. *Вестник экономики, права и социологии* 4: 153–155.

Елиферова, М. В. 2020. Англосаксонский след в договорах Руси с Византией. В: Рашковский, Б. Е. (отв. ред.), *Древнейшие государства восточной Европы. 2019–2020 годы. Дипломатические практики Античности и Средневековья*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 51–72.

Жих, М. И. 2020. О недопустимости дилетантизма в исторической работе. Реплика по поводу статьи: Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Исторический формат* 4: 115–134.

Зализняк, А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры.

Клейн, Л. С.

1991. *Археологическая типология*. Ленинград: ЛФ ЦЭНДИСИ.

1997. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом. В: Ткачук, М. Е., Манзура, И. В., Мосионж-ник, Л. А. (ред.), *Стратум: структуры и катастрофы (Сборник символической индоевропейской истории)*. СПб.: Нестор. С. 47–66.

Кучкин, В. А. 1966. О древнейших смоленских грамотах. *История СССР* 2: 103–115.

Минасян, Р. С. 2012. Попытка трезво оценить уровень раннеславянского металлообрабатывающего производства. В: Горюнова, В. М. (науч. ред.), *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968)*. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб.: СОЛО. С. 281–284.

Молдован, А. М. 2018. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона. *Словъне. Международный славистический журнал* 7(1): 8–26.

Николаев, С. Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». *Вопросы ономастики* 14(2): 7–54.

Романчук, А. А.

2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* 5: 283–299.

2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). *Вестник КИГИТ* 36(6): 73–131.

2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* 5: 345–355.

2015. Норманизм vs анти-норманизм: как дойти до продуктивной дискуссии? *Генофонд.рф* 12 октября. URL: http://генофонд.рф/?page_id=4842.

2017. Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ. В: Вишняцкий, Л. Б. (отв. ред.), *Ex Ungue Leonem: сб. статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. СПб.: Нестор-История. С. 245–255.

2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică* XIV(1): 93–107.

2022. Этноним русь и восточногерманское *gauþs «красный»: еще раз к обоснованию гипотезы. *Stratum plus* 5: 335–343.

2023. «Русь Стемида и Лидулфа» и гипотеза о восточногерманском происхождении этнонима русь. *Stratum plus* 5: 375–381.

2024а. «Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. *История и современность* 1: 82–99.

2024б. *Булаештские украинцы в контексте славяно-восточно-романских взаимодействий Карпато-Днестровского региона*. Кишинэу: Stratum plus.

Рябцева, С. С. 2018. О Великоморавском и Подунайском влиянии на формирование древнерусского ювелирного убора X – начала XI в. = [On the Great Moravian and Danube influence on the formation of the Old Rus' jewelry dress of the 10th – the beginning of the 11th c.]. В: Георгиев, П., Димитров, Я. (ред.), *Плиска-Преслав 13. В памет на професор Тотю Тотев (1930–2015)*. София: НАИМ БАН. С. 495–508.

Толочко, П. П. 2016. *Откуда есть пошла Русская земля*. Киев: Русь-ке слово.

Фетисов, А. А. 2002. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. В: Робинсон, М. А. (отв. ред.), *Славянский альманах 2001*. М.: Индрик. С. 36–46.

Фомин, В. В. 2005. *Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. М.: Русская панорама.

Циммерлинг, А. В. 2021. Имена и сообщества: варяги, колбяги и викинги вокруг Балтики. В: Матыцина, И. В. (отв. ред.), *Гуманитарный полилог: сб. статей к юбилею Елены Михайловны Чекалиной*. М.: МАКС Пресс. С. 247–254.

Lebecq, S. 1989. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles. In: *Les mondes normands (VIIIe–XIIe s.)*; *Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale* (Caen, 2–4 Octobre 1987). Caen: Société d'Archéologie Médiévale. Pp. 45–59.

Reabtseva, S. S. 2014. Contacts between Eastern Europe and Great Moravia. In Kouřil, P. (ed.), *Great Moravia and the Beginnings of Christianity*. Brno: The Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Czech Republic. Pp. 170–177.

Romanchuk, A. A. 2023. “Blind Spots” of the “Scandinavian-Centric” Hypothesis on the Origin of the Old Russian State. *Social Evolution & History* 22(2): 94–110.

Shchavchev, A. S. 2025. People Rus’ in the Ninth – Middle Eleventh Centuries: New Approaches to the Study of Ethnogenesis and Politogenesis. *Social Evolution & History* 1 (in print).

НАСЛЕДИЕ

В. М. БОНДАРЕНКО

Н. Д. КОНДРАТЬЕВ: ЕГО НАСЛЕДИЕ И РОЛЬ ЕГО ВЗГЛЯДОВ В АНАЛИЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И ТЕНДЕНЦИЙ*

В статье говорится об истории признания идей Н. Д. Кондратьева, особенно в области теории конъюнктуры, закономерностей ее динамики, длинных волн экономической конъюнктуры. Сначала они были признаны за рубежом, а в России – только начиная с конца 80-х гг. XX столетия. Наследие Кондратьева гораздо богаче. Он сформулировал методологические подходы к анализу сущего и должного, проанализировал соотношение телеологического и генетического метода исследования, заложил основы в разработку теории прогнозирования. Но именно раздел учения Кондратьева о циклических колебаниях длинных волн экономической конъюнктуры более всего воспринят современными учеными и является основой для анализа сегодняшних экономических проблем и тенденций.

Ключевые слова: Н. Д. Кондратьев, наследие, теории конъюнктуры, закономерности экономической динамики, К-волны, сущее, должное, телеологический и генетический методы, прогнозирование, Л. И. Абалкин, современные ученые.

* Публикация посвящена памяти известного ученого-экономиста Валентины Михайловны Бондаренко, трагически ушедшей из жизни 22 июля 2024 г. Впервые статья была опубликована в коллективной монографии «Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности» в 2017 г., однако не потеряла своей актуальности до сих пор.

Для цитирования: Бондаренко, В. М. 2024. Н. Д. Кондратьев: его наследие и роль его взглядов в анализе современных экономических проблем и тенденций. *История и современность* 4: 134–146. DOI: 10.30884/iis/2024.04.07.

For citation: Bondarenko, V. M. 2024. Nikolai D. Kondratiev: His Legacy and the Role of His Views in the Analysis of Modern Economic Problems and Trends. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 134–146 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.07.

История и современность, № 4, декабрь 2024 134–146

DOI: 10.30884/iis/2024.04.07

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – один из выдающихся представителей российской школы экономической мысли начала XX в. С его именем связаны капитальные исследования в области теории конъюнктуры, закономерностей ее динамики, длинных волн экономической конъюнктуры. Научное наследие Н. Д. Кондратьева, выдвинутые им и признанные в мире идеи и теории отвергались и подвергались жестокой критике на родине ученого. Выходили книги, специально посвященные уничтожающей критике его идей, например изданные Комакадемией сборники «Кондратьевщина» (Милютин 1930) и «Против кондратьевщины: классовая борьба в экономической теории» (Против... 1931). В «Большой советской энциклопедии» было написано, что теория больших циклов – одна из вульгарных буржуазных теорий кризисов и экономического цикла, что она направлена в противовес марксистской теории кризисов, затушевывает неразрешимые противоречия капиталистического общества (Больших... 1973). Во втором томе «Экономической энциклопедии» «Политическая экономия» (Экономическая... 1975) отмечалось, что Н. Д. Кондратьев – автор апологетической теории больших циклов конъюнктуры, которая затушевывала сущность общего кризиса капитализма, представляя его как простую конъюнктурную депрессию длительного порядка. Из разных источников мы узнаем, что после разгрома российской экономической школы в 1929 г. труды Н. Д. Кондратьева почти на полвека были изъяты из научной жизни страны. Его имя упоминалось лишь в связи с критикой якобы присущих ему ошибок. Но, как показала жизнь, его научное наследие по-прежнему современно и актуально. Восстановление памяти о Н. Д. Кондратьеве стало результатом начавшейся в стране перестройки.

Будет справедливым напомнить, что вклад русского ученого в мировую науку был намного раньше признан на Западе, где в экономической литературе постоянно упоминается его имя, приводятся ссылки на его труды. Модель долговременных колебаний экономического развития, теория больших циклов конъюнктуры, названа в память о человеке, создавшем ее, а долгосрочные колебания получили наименование длинных волн Кондратьева, или К-волн. Теория длинных циклов принесла Н. Д. Кондратьеву мировую известность благодаря ряду статей, изданных на европейских языках (в 1926 г. на немецком [Kondratieff 1926], а в 1935 г. – на англий-

ском [Kondratiev 1935]). Только спустя много десятилетий после признания на Западе имя Н. Д. Кондратьева и его идеи стали возвращаться на родину. В опубликованной в 1984 г. монографии Ю. В. Яковца «Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование» (1984) дано положительное изложение теории больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева в плане развития теории циклической динамики. В том же году появилась статья С. М. Меньшикова с положительной оценкой теории Кондратьева (Меньшиков 1984), в 1986 г. – статья С. М. Никитина «Теория “длинных волн” и научно-технический прогресс» (Никитин 1986) и статья Ю. В. Шишкова о концепции длинных волн (Шишков 1986). В 1988 г. в Новосибирске состоялась Международная научная конференция по длинным волнам в экономической динамике, организованная Международным институтом прикладного системного анализа и Сибирским отделением АН СССР. В Академии народного хозяйства прошла первая междисциплинарная дискуссия по теориям циклов. В развитие теории циклов опубликована монография Ю. В. Яковца «Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм» (Яковец 1988), ряд статей Н. А. Макашевой, В. В. Симонова, Е. В. Беляновой, С. Л. Комлева и др.

В ряду переизданий трудов ученого находится ставшая библиографической редкостью книга «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», изданная в 1922 г. в Вологде (Кондратьев 1922). В ней ученый впервые изложил свою теорию длинных волн. Даже после первой волны «оттепели» научные труды выдающегося сына своей страны все еще оставались преданными забвению. Лишь после создания в 1989 г. постановлением бюро Отделения экономики АН СССР Комиссии по научному наследию Н. Д. Кондратьева под руководством академика Л. И. Абалкина началась интенсивная работа по изданию его трудов. В течение 1989–1991 гг. были изданы, не считая публикации отдельных работ в журналах, книги «Проблемы экономической динамики» (Кондратьев 1989), «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (Он же 1991), «Основные проблемы экономической статистики и динамики» (Там же). К Международной научной конференции, проводимой в марте 1992 г. в связи со 100-летием со дня рождения ученого, вышла еще одна книга, содержащая как труды Н. Д. Кон-

дрантьева, так и оценку его вклада в развитие мировой экономической науки. В том же году был создан Международный фонд Н. Д. Кондратьева, основная задача которого – пропагандировать и развивать его наследие. Эта работа принесла свои плоды. Появилась новая плеяда ученых, развивающих научное наследие Н. Д. Кондратьева, связанное с теорией больших циклов. Например, Н. А. Макашева – автор первой научной биографии Н. Д. Кондратьева и многих работ, посвященных научному наследию ученого, изданных как в России, так и за рубежом. Она является составителем, редактором и автором вступительной статьи четырехтомного собрания работ Н. Д. Кондратьева, выпущенного английским издательством “Pickering & Chatto” (Makasheva *et al.* 1998).

Надо сказать, что и сегодня большинство последователей учения Н. Д. Кондратьева развивают именно данное направление – длинные волны конъюнктуры. Это неудивительно, поскольку большие циклы конъюнктуры были и до сих пор остаются предметом широкой дискуссии между учеными. И это вполне понятно, если рассматривать их не как некую заданную догму, а как реальный объект научного анализа. Было бы ошибочно считать, что Н. Д. Кондратьев предугадал ход событий с момента создания своей теории до наших дней. Такого предвидения не было ни у А. Смита, ни у К. Маркса, ни у Д. Кейнса, ни у других ученых.

Огромный интерес к К-волнам подогревает и то обстоятельство, что уже в наши дни, когда разразился глобальный финансовый кризис, все снова вспомнили именно эту часть наследия Н. Д. Кондратьева. В настоящее время широко известны работы российских ученых, таких как С. Ю. Глазьев, В. В. Рязанов, В. И. Кушлин, В. Г. Клинов, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин, В. Е. Панин, В. А. Дементьев, С. В. Цирель, С. Ю. Малков, С. Ю. Румянцева, А. Э. Айвазов и многие другие. Научное наследие Н. Д. Кондратьева в области длинных волн конъюнктуры развивают и многие зарубежные ученые. Среди них мировую известность благодаря своим работам получили ученые из США И. Валлерстайн, Дж. Модельски, У. Томпсон, из Англии – К. Фримен, К. Перес, из Германии – В. Крелле, Э. Хенделер и Л. Нефедов, а также Ч. Маркетти (Италия), М. Эллман (Нидерланды), Т. Девезас (Португалия), М. Хироока (Япония), А. А. Акаев (Киргизия – Россия) и др. Многие из этих ученых были награждены золотой, серебряной или бронзовой

медалью Н. Д. Кондратьева «За вклад в развитие общественных наук».

«Некоторые исследователи творчества Н. Д. Кондратьева считают, что его мировоззрение во многом можно назвать “статистическим мировоззрением”. Такое мнение в значительной степени сложилось под влиянием А. Чупрова. Нельзя сказать, что для такого вывода нет никаких оснований. Они есть, и состоят в вероятностно-статистическом подходе Н. Д. Кондратьева к характеристике закономерностей общественного развития, в широком использовании статистической “фактуры”, в построении разнообразных моделей, наконец, в особом уважении и даже любви к факту» (Абалкин 1992: 6).

Вместе с тем особенно важно, что научное наследие Н. Д. Кондратьева далеко не ограничивается созданием теории длинных волн конъюнктуры, оно намного богаче. Заслуга ученого в следующем: 1) он сформулировал методологические подходы к анализу сущего и должного; 2) проанализировал соотношение телеологического и генетического методов исследования; 3) разработал теорию прогнозирования. Поэтому внимательное изучение научного наследия Н. Д. Кондратьева позволяет говорить о его попытках расширить методологическую базу. Он с большим вниманием относился к философским основам теоретических построений. Среди них в исследованиях Н. Д. Кондратьева особое место принадлежит соотношению сущего (*Sein*) и должного (*Sollen*), вопросу о том, должны ли мы при исследовании «социального хозяйства» рассматривать его только под углом зрения категории *Sein* или же мы можем (не выходя за пределы науки) рассматривать его также и с точки зрения долженствования, с точки зрения категории *Sollen*? Есть основания полагать, что эти вопросы волновали Н. Д. Кондратьева на протяжении всей его научной деятельности. Уже на первом году обучения в Петербургском университете, в кружке, руководимом М. И. Туган-Барановским, он сделал доклад на тему «Телеологические элементы в политической экономии». Они проявились, в частности, и в ходе рассмотрения вопроса о соотношении генетического и телеологического методов в планировании, и при разработке многих других проблем. Оказавшись в Бутырской тюрьме и как бы заново осмысливая свою научную деятельность, Н. Д. Кондратьев в подготовленной рукописи посвящает этой проблеме самостоя-

тельную главу, назвав ее «Категория сущего и должного в социально-экономических науках». И несмотря на то, что диалектика сущего и должного принадлежит к числу вечных проблем и каждая эпоха придает этому соотношению свои оттенки и нюансы, находит свои ответы и рождает новые проблемы, мы никуда не можем уйти от вопроса: к чему ведет насилие над действительностью, если не познаны объективные законы развития? К чему ведет стремление во что бы то ни стало воплотить в жизнь «должное» – социальную норму, идеальную (субъективно придуманную) модель общественного устройства? И должны ли вообще логические и абстрактные построения теории (совершенно необходимые в науке) обретать статус общественного идеала, становиться знаменем политической борьбы?

Вместе с тем в наше время интерес к названным проблемам происходит совсем из иной сферы. Он порожден утратой ориентиров в отношении социально-экономического прогресса, утратой идеалов, всего того, что обычно называют «смыслом жизни». Куда идет общественный прогресс и прогресс ли это, если нет надежных критериев движения к определенной цели или к определенному состоянию, как бы их ни называли – «светлое будущее» или «Царство Божие на земле»? И можно ли ответить на все эти вопросы без апелляции к «должному»? И если нет, то можно ли, обращаясь к нему, оставаться на позициях науки?

Все эти вопросы волновали Н. Д. Кондратьева. У него был свой взгляд на соотношение сущего и должного. Противоречие в подходах к ним Кондратьев усматривает в «двойственной природе человека», которая состоит в том, что «человек не только и не столько познает сущее, но он и действует, ставит себе практические цели, выдвигает идеалы своих стремлений» (Абалкин 1992: 8). Однако предмет социально-экономических наук – реальная действительность, «сущее». Идеалы и социальные нормы или, как он их называет, «суждения ценности» относятся к практическим (а не научным) понятиям. Н. Д. Кондратьев считает, что идеалы не могут быть выведены из логики науки и что задача создания научных суждений является принципиально неразрешимой. Другое дело, что они могут быть предметом науки как факты социальной действительности. Такое достаточно прямолинейное и даже во многом механическое разделение сущего и должного, теоретических суж-

дений и суждений практических («суждений ценности») весьма далеко от диалектики отношения между ними. Это интуитивно чувствует Н. Д. Кондратьев. Не случайно, как отмечает академик Л. И. Абалкин, он пишет о том, что «взгляд на действительность под категорией должного, находящий свое выражение в суждениях ценности, по самому существу пропитан духом активности, духом стремления изменить действительность, перестроить ее» (Абалкин 1992: 8). И неслучаен также вывод о том, что «огромная роль суждений ценности и необычная склонность к высказыванию их, как это очевидно, вытекает из глубочайшей связи социальной экономики с практикой и интересами общественной жизни» (Там же).

Признавая правомерность выдвижения «суждений ценности» в практической политике, в которой, как считал Н. Д. Кондратьев, борьба идей носит характер борьбы мировоззрений, ученый хотел оставаться вне этой борьбы, не приносить ее в «чистую» науку.

В современных условиях генетический и телеологический подходы, по мнению Л. И. Абалкина, представляются отнюдь не антиподами, а взаимно связанными и дополняющими друг друга методами. Верно, конечно, что целевые установки плана не могут выдвигаться априорно, без учета складывающихся тенденций. Но прошлое не задает будущее развитие однозначно. Общество, особенно на переломных этапах, всегда имеет возможность выбора одного из вариантов своего развития. А это предполагает сопоставление целей как между собой (в том числе их ранжировку во времени), так и с реальными возможностями их достижения. Сказанное, как пишет Л. И. Абалкин, отнюдь не отрицает научной значимости и познавательной ценности генетического метода. Оно лишь имеет цель предостеречь от односторонности, от абсолютизации любого из подходов, подчеркнуть эффективность использования различных подходов при условии их включения в целостную систему форм и методов регулирования экономической жизни.

Возвращаясь к тому, что к числу наиболее крупных и известных научных заслуг Н. Д. Кондратьева принадлежит разработка вопроса о больших циклах, или волнах конъюнктуры, хочу напомнить слова академика Л. И. Абалкина, который в 1992 г. писал: «Интерес к тем или иным аспектам проблемы длинных волн определяется во многом общественными условиями, складывающимися на том или ином этапе. В период 70–80-х гг. XX в., как отмечает

ряд исследователей, дискуссии вокруг этой проблемы обусловлены развертыванием НТР и посвящены выяснению связи научно-технического прогресса с долговременными колебаниями экономической активности. В настоящее время и в ближайшей перспективе, как мне представляется, будет происходить значительное расширение проблематики изучения долговременных циклов. Оно охватит проблемы социально-экономического прогресса в связи с осмыслением его нелинейного характера, присущей ему пульсации...» (Абалкин 1992: 10). Ведь Кондратьевым, «по-видимому, схвачено главное, а именно материальная основа больших циклов. Однако есть достаточно серьезные основания для того, чтобы выявить более широкие, не только чисто экономические основы больших циклов. К ним можно отнести складывающиеся и господствующие на протяжении достаточно длительного времени стереотипы массового потребления. Насыщение сложившихся потребностей связано с понижательной волной, а переход к повышательной волне предполагает рождение нового, более привлекательного представления о качестве жизни, что становится важным стимулом накопления и развития производства. Все это во многом связано, на мой взгляд, с изменением типа экономической культуры, сменой поколений и требует, естественно, тщательной проверки с помощью экономико-статистических моделей» (Там же: 12).

Действительно, в последние два с половиной десятилетия, особенно в результате экономического кризиса и депрессии 1970-х – начала 1980-х гг., как и современного глобального кризиса, вновь возник интерес к работам Н. Д. Кондратьева. Появилось много научных публикаций, в которых с использованием экономико-математических методов, на современной базе эмпирической информации, с одной стороны, подтверждают правильность теории больших циклов и волн Кондратьева, а с другой – практически доказывают, что Россия и мир стоят на пороге нового кондратьевского цикла. То есть, исходя из теории Кондратьева, как пишут исследователи, мировая экономика в 2008 г. вступила в понижательную волну большого кондратьевского цикла. А в 2012–2015 гг. начался новый этап в депрессии, которая охватила мировую экономику с 2008 г. И, как считают некоторые ученые и эксперты, этот мировой кризис был едва ли не сильнейшим с периода Великой депрессии 1930-х гг. Получается какая-то фатальная неизбежность в воз-

никновении кризиса! Поэтому Л. И. Абалкин был также прав, когда писал о теории больших циклов Кондратьева: «Еще никогда не было (и вряд ли когда-нибудь будет), чтобы теория возникала сразу в законченном виде, охватывая все связи и опосредования изучаемой сферы. Ценность любой подлинно научной теории – в ее способности к развитию и самообогащению, в ее возможности интегрировать новые знания. Всеми этими качествами и обладает теория больших циклов Н. Д. Кондратьева. И именно это делает ее современной и актуальной» (Абалкин 1992: 13). Именно это говорит о том, что окончательная точка в теории больших циклов и кризисов еще не поставлена.

Академик Л. И. Абалкин высказался по поводу того, что, находясь на «рубеже веков» и строя планы на XXI в., следует учесть опасность превращения серьезных разработок в дань моде, девальвации самих понятий переходных процессов. Это весьма тревожно, и представители и организаторы науки должны предвидеть эту девальвацию, не допуская понижения планки научного обсуждения проблем и не опускаясь до примитивных суждений. Другое сомнение, которое возникло у Л. И. Абалкина, касалось того, что еще не подведены с научной точки зрения итоги XX в., чтобы уже прогнозировать развитие событий в XXI в. Это не очень логично по всем признакам, и требуется подняться на достаточно большую высоту, чтобы осмыслить те преобразования, которые произошли в XX столетии: не вехи политической истории, а качественные преобразования в социально-экономических моделях и системах (Материалы... 1997).

Еще одно обстоятельство, на которое обращал внимание Л. И. Абалкин и которое актуализировало тему V Кондратьевских чтений «Теория предвидения Н. Д. Кондратьева и сценарии развития российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе» (Москва, май 1997 г.), – это отсутствие сколько-нибудь серьезной, достаточно обоснованной и принятой стратегии развития России на долгосрочную или даже среднесрочную перспективу. «Россияне живут уже достаточно длительное время, не имея никакого представления о конечных целях проводимых преобразований, об этапах и последовательности, ведущих к их достижению. И мы пытаемся задним числом написать, что все делается так, как это надо было сделать. И если опять оглянуться в прошлое, то мне

кажется, что никогда за последние сто лет не было такой ситуации, как сегодня, а именно: отсутствия более или менее ясной и четкой стратегии развития России. Нет ни одного периода с конца девятнадцатого века, когда у руководства страны в такой мере отсутствовало бы видение перспектив. Всегда были свои программы. Они отражали свою эпоху, они не всегда носили характер строго оформленных документов. Но была концепция, было видение стратегических задач. Можно их критиковать, видеть их недостатки, неполноценность. Были попытки навязать общественному развитию некие целевые установки. Но это уроки, из которых надо было извлекать соответствующие выводы. Но – стратегия была. Отсутствие же видения перспектив для России, по мнению академика Л. И. Абалкина, – уникально» (Материалы... 1997: 5).

Напомню, все вышесказанное Л. И. Абалкин говорил в 1997 г., а в 2007 г. на VI Международной Кондратьевской конференции «Есть ли у России несырьевое будущее?» он вновь поднял вопрос о выборе стратегии развития, но при этом сказал, что «Кондратьевская конференция – это не то место, где решается данный вопрос. Выбор стратегии – это функция власти, опирающейся на интеллектуальные силы страны и институты гражданского общества, на их совместные действия. Сейчас этих совместных действий нет. Нет и стратегии. Мы имеем новый вариант “героев и толпы”, когда решения власти принимаются без серьезного научного обсуждения и общественного согласия» (Там же: 4).

Однако следует отметить, что уже в 2008 г. в Минэкономразвития появилась «Стратегия-2020». Тогда она содержала много пафосных утверждений, вроде будущего роста ВВП на душу населения до 30 тыс. долларов в год (уровень Южной Кореи), но наступление финансового кризиса сделало Стратегию фактически нежизнеспособной. Документ отправили на доработку, а к самому процессу привлекли ученых. В марте 2012 г. разработчики опубликовали итоговый доклад по «Стратегии-2020». Доклад, состоящий более чем из 850 страниц, размещен на сайте «Стратегии-2020». В разработке документа приняли участие более тысячи ученых под руководством ректора Высшей школы экономики Я. И. Кузьмина и ректора Академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации В. А. Мау. Разработчики вели «мозговую штурм» в 27 рабочих группах, разбитых по блокам социально-экономиче-

ской политики. Документ предлагает набор кардинальных изменений в экономической и социальной жизни страны. Некоторые идеи уже были неоднократно озвучены, а другие отвергнуты как непопулярные. Несмотря на поддержку проекта в целом, сегодня неизвестно и остается неясным, насколько правительство готово прислушаться к мнению экспертов. Но в любом случае уже очевидно, что предложенная стратегия не является системно выстроенным целостным документом – это сумма разрозненных планов, субъективно разработанных и весьма далеких от реальности. Несмотря на то что разные научные коллективы приступили к разработке «Стратегии-2030» и даже «Стратегии-2035», на сегодняшний день эта проблема не утратила своей актуальности, так как Россия до сих пор не имеет стратегии своего развития с четко обозначенной целью и ориентирами на будущее. Это подтверждается тем фактом, что в мае 2016 г. на Петербургском международном экономическом форуме президент РФ объявил о создании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Глава государства подчеркнул, что Совет будет заниматься реализацией ключевых проектов, направленных на структурные изменения в экономике и социальной сфере, а также на повышение темпов экономического роста для улучшения качества жизни и благосостояния граждан Российской Федерации. Но и только! Четко обозначенная цель отсутствует.

Вместе с тем необходимо вспомнить и о другом предупреждении академика Л. И. Абалкина, касающемся научного наследия Н. Д. Кондратьева. Он говорил о том, что было бы неверно искать в трудах ученого готовые ответы на поставленные вопросы (даже если предположить, что такие ответы вообще существуют в науке). Академик считал, что время необратимо и каждая полоса исторического развития, отличаясь своеобразием и неповторимостью, подсказывает свои решения. Поэтому надо отказаться от сомнительного соблазна абсолютизировать, выдавать за истину все, что вышло из-под пера Н. Д. Кондратьева. Он в этом не нуждается. Н. Д. Кондратьев был, как и мы все, сыном своего времени. И ему, как подлинному ученому, были свойственны искания и сомнения, выдвижение оригинальных, но не доказанных до конца гипотез. Воспринимать его как современника, спорить с ним, как с живым, – это и значит признать его величие. Но прогресс науки идет тем

успешнее, чем надежнее плечи предшественников, чем глубже проник их ум в хитросплетения экономических и социальных процессов. Именно поэтому мною была поставлена задача сосредоточить усилия и свои скромные возможности на продолжении исследований тех направлений научного наследия великого ученого, которые сегодня, как и в 1920-е гг. прошлого столетия, разработаны в меньшей степени. Среди них: диалектика сущего и должного, теоретические основы прогнозирования и возможности предвидения, теоретические и методологические проблемы соотношения генетического и телеологического подходов, поиск идеалов или «смысла жизни», определение объективной цели развития и надежных критериев движения к ней и к определенному состоянию социально-экономического прогресса. Результат этих исследований позволит получить новый взгляд на проблему кризисов и прогнозов.

Литература

Абалкин, Л. 1992. *Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность. Доклад на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева*. М.: Ин-т экономики РАН.

Больших циклов теория. 1973. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. Т. 3. М.: Сов. энциклопедия.

Кондратьев, Н. Д.

1922. *Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны*. Вологда: Областное отделение Гос. изд-ва.

1989. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика.

1991. *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. М.: Наука.

Материалы V Кондратьевских чтений «Теория предвидения Н. Д. Кондратьева и сценарии развития российской экономики на среднесрочную и долгосрочную перспективу». 1997. М.: Международный фонд Н. Д. Кондратьева.

Материалы VI Международной Кондратьевской конференции «Есть ли у России несырьевое будущее?». 2007. М.: Международный фонд Н. Д. Кондратьева.

Меньшиков, С. 1984. Структурный кризис экономики капитализма. *Коммунист* 4: 112–124.

Милютин В. П. 1930. *Кондратьевщина*: сб. М.: Комакадемия.

Никитин, С. 1986. Теория «длинных волн» и научно-технический прогресс. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 101–110.

Против кондратьевщины: классовая борьба в экономической теории: сб. 1931. М.: Комкадемия.

Шишков, Ю. В. 1986. О некоторых концепциях экономического развития («Длинные волны»: поиски объяснения). *Рабочий класс и современный мир* 1: 62–82.

Экономическая энциклопедия: в 4 т. 1975. Т. 2. Политическая экономика / Ред. А. М. Румянцев. М.: Советская энциклопедия.

Яковец, Ю. В.

1984. *Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование*. М.: Экономика.

1988. *Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм*. М.: Экономика.

Kondratieff, N. D.

1926. Die Langen Wellen der Konjunktur. *Archiv fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tuebingen* 56(3): 537–609.

1935. The Long Waves in Economic Life. *Review of Economics and Statistics* 17(7): 105–115.

Makasheva, N., Samuels, W. J., Barnett, V. (eds.). 1998. *The Works of Nikolai D. Kondratiev*. London: Pickering & Chatto.

HISTORY AND MODERNITY

*Contents and Abstracts**No. 4(54)/2024**Current processes*

Leonid M. Sokolshchik. Trumpism as a right-wing populist phenomenon: Implications for Foreign Policy (pp. 3–12).

Based on Michael Freedman's method of "ideological morphology" and using the author's theoretical and methodological developments, the article analyzes Trumpism as a modern version of right-wing populism in the United States from the perspective of its effects on foreign policy. It is established that the conceptual basis of the ideology of Donald Trump and his followers is the antithesis of the "pure American people", which is complemented by the concept of the "common will of the people". The ideological content of Trumpism also consists of anti-elitism, anti-democracy, and anti-pluralism. It is revealed that isolationism refers to the key foreign policy principles of Trumpism, from which flow anti-globalism, protectionism in trade, a reduction of the role of international institutions, a rejection of the promotion of democracy in the world by force, the strengthening of state sovereignty and defense capabilities. The person of the president, who can act intuitively, is an important factor in the implementation of the populist foreign policy agenda. In this regard, it can be said that the US foreign policy and international relations are entering an even more unpredictable and dangerous period after the 2024 elections. The paper generalizes previous findings and creates a foundation for further research on new empirical material.

Keywords: Donald Trump, Trumpism, foreign policy, USA, ideology, right-wing populism.

Alexander S. Khodunov. Peculiarities of the Euro-Atlantic Integration of the Republics of former Yugoslavia against the Background of the Transformation of the World Order. Part one. Serbia (pp. 13–34).

The first part of the article examines the specific features of Serbia's European integration as the largest state of the former Yugoslavia against the backdrop of global changes in the world order. It analyses both the process of joining the European Union itself, which in the case of Serbia has not yet been completed and is accompanied by numerous conditions imposed by the West, and the specifics of the country's socio-economic and political development at the stage of European integration. The Serbian economy has experienced some positive effects from joining the EU, but a growing number of Serbian citizens are becoming disillusioned with the very long accession process and the lack of significant improvement in living standards. The processes of transformation in the world order have accelerated sharply since 2022 in the form of an intensifi-

cation of the geopolitical struggle between Russia and the West. In this regard, the role of non-Western integration blocs and associations in the world has increased and their popularity among Serbian citizens has risen sharply. Currently, significantly more Serbian citizens support Serbia's accession to the BRICS than to the European Union. The Serbian authorities, aware of such sentiments in society, formally maintain the traditional course of European integration, but in practice they try to manoeuvre between Russia and the West on many issues, while refusing to fulfil those demands of the US and the EU that are unacceptable to Serbian society.

Keywords: Serbia, European Union, BRICS, NATO, economy, infrastructure, transformation of world order, sovereignty.

History

Vitaly V. Tkachev. The city as a place of development of the inhabitants' interest in the creation of centers for the preservation of the artistic heritage in the late 19th – early 20th centuries: based on materials from the Irkutsk province (pp. 35–48).

The article examines the problem of the presentation of the city as a place for the development of the interest of the inhabitants in the creation of centers for the preservation of the artistic heritage of the Irkutsk province in the late 19th – early 20th centuries. The research traces the educational work of the creative community in the context of changing attitudes to the organization of events and the collection of art objects. It is noted that during the period of modernization of the urban environment, strengthening of socio-cultural ties between settlements, construction of a road network, in collaboration with artists and collectors, centers for the preservation and study of painting collections are opened. The urban environment is a space for interaction between participants in the process of information exchange, transfer of knowledge about achievements in global and domestic intellectual transformations. The change in the attitude towards the city as a center for the preservation of the artistic heritage also determined the desire to unite the forces of the Irkutsk intelligentsia in the work of collecting materials and creating premises for the exhibition of paintings. The comprehensive approach of artists, collectors and representatives of the scientific community to work with visitors in describing and demonstrating works is studied on the basis of documentary evidence. As a result of access to archival collections, materials have been identified that reconstruct the history of the creation of sites and conservation centers, as well as the systematic study of art collections that were formed by connoisseurs of works of art. The work traces the activities of employees of cultural and educational institutions, artists in the period of creation of spaces for interaction with artistic heritage in the cities of the Irkutsk province.

Keywords: history of Siberia, Eastern Siberia, urban culture, urban society, artistic life, artistic intelligentsia, public interests, public opinion.

Rashid I. Shafigulin, Mashura I. Rakhimova. Cannibalism and attitudes to necrophagy in human society (pp. 49–78).

The proposed article examines the topic of cannibalism (eating one's own kind) and attitudes towards necrophagy (eating the dead).

Why is cannibalism, unlike fish and insects, not developed in higher organisms – animals? Why is eating one's own kind a rare, exceptional measure?

How does human society differ from the animal world in this respect, and how did *Homo sapiens* change its attitude towards eating its own kind? When did humanity develop a taboo against eating human flesh? Research on cannibalism in the animal world and in various human societies is considered: among hunter-gatherers, Neolithic farmers, Bronze Age and Iron Age civilizations.

Keywords: *insects, animals, Neolithic, Bronze Age, Homo sapiens, ritual cannibalism, endocannibalism, exocannibalism, medical cannibalism.*

Discussion

Oleg L. Gubarev. Inattential blindness of the Neoantinormanists (pp. 79–94).

This article is a reply to the article by Alexey A. Romanchuk, devoted to the disputes on the “Varangian question” between the so-called “Normanists” and neo-antinormanists. It is shown that “Normanism” and “Norman theory” are phantoms existing only in the minds of the neo-antinormanists. Alexey A. Romanchuk following A. G. Kuzmin and V. V. Fomin opposes the main provisions of Russian and foreign historical science. The article deals with the question of neo-antinormanism and shows how neo-antinormanism differs from its predecessors and why it does not play even the minimal positive role played by anti-normanism in the 19th century.

Keywords: *neo-antinormanism, blind spots, "Normanism", Varangians, Alexey A. Romanchuk.*

Alexey A. Romanchuk. Answer to Oleg L. Gubarev and Some Other Questions of the Varangian-Russian Discussion (pp. 95–133).

The article is a response (within the framework of a discussion organized by the editorial board of the journal ‘History and Modernity’) to Oleg L. Gubarev’s commentary on some of the author’s works. The article also analyzes the objections recently raised by A. S. Shchhavelev and M. V. Eliferova against S. L. Nikolaev’s hypothesis on the existence of a separate “Russian-Varangian dialect”. It is shown that neither A. S. Shchhavelev’s nor M. V. Eliferova’s objections undermine S. L. Nikolaev’s hypothesis in any way. On the contrary, M. V. Eliferova’s work adds new significant arguments in favor of S. L. Nikolaev’s hypothesis.

Keywords: *Varangian-Russian discussion, Normanism, anti-Normanism, Varangians, Rus, Scandinavians, Russian-Varangian dialect.*

Legacy

Valentina M. Bondarenko. *Nikolai D. Kondratiev: His Legacy and the Role of His Views in the Analysis of Modern Economic Problems and Trends* (pp. 134–146).

The article discusses the history of the recognition of N. D. Kondratiev's ideas, especially in the field of the theory of conjunctures, the laws of their dynamics, and long waves of economic conjunctures. They were first recognized abroad, and in Russia only starting from the late 1980s. Kondratiev's legacy is much richer. He formulated methodological approaches to the analysis of the real and the due, analyzed the relationship between the teleological and genetic methods of research, and laid the foundations for the development of forecasting theory. But it is the part of Kondratiev's teaching on cyclical fluctuations of long waves of economic conjunctures that has been most widely accepted by modern scientists and is the basis for the analysis of today's economic problems and trends.

Keywords: N. D. Kondratiev, legacy, theories of conjuncture, patterns of economic dynamics, K-waves, being, due, teleological and genetic methods, forecasting, Leonid I. Abalkin, modern scientists.

Contents and Abstracts (pp. 147–150)

НАШИ АВТОРЫ

Бондаренко Валентина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, академик Российской академии естественных наук и Международной академии исследований будущего.

Губарев Олег Львович – независимый исследователь. E-mail: LvovichG@rambler.ru.

Рахимова Машура Инамджановна – старший преподаватель кафедры социальных гуманитарных наук Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои.

Романчук Алексей Андреевич – доктор культурологии, научный сотрудник Института культурного наследия (г. Кишинев, Республика Молдова). E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com.

Соколышчик Лев Маркович – кандидат исторических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. E-mail: lsokolshchik@hse.ru.

Ткачев Виталий Викторович – исследователь, преподаватель-исследователь, педагог-организатор отдела краеведения и музейной работы ГАУ ДО ИО «Центр развития дополнительного образования детей», руководитель Научно-исследовательского центра «Иркутская историческая школа интеллигентоведения». E-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru.

Ходунов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. E-mail: nalim13s@mail.ru.

Шафигулин Рашид Инамджанович – независимый исследователь. E-mail: rat_plague2019@yahoo.com.

Уважаемые подписчики!

Обо всех проблемах, связанных с подпиской и получением журнала, просим сообщать нам по адресу: 400059, г. Волгоград, а/я 114. Тел.: (8442) 42-04-08, 42-24-79, издательство «Учитель» (журнал «История и современность»). Мы постараемся помочь вам.

**«История и современность».
№ 4(54), 2024. – 152 с.**

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Художники *Ю. Э. Кульпина, М. В. Николаев*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*
Корректор *Н. И. Тихонова*

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17698 от 09.03.2004
выдано Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

© Издательство «Учитель»
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, д. 143.
Тел.: (8442) 42-04-08.
E-mail: peruch@mail.ru

Цена свободная.

Подписано в печать 09.12.24. Дата выхода: 23.12.24.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5
Заказ № 214952.